

*«Заветные»
сочинения
Ивана Баркова*

Авалон
Азбука-классика
Санкт-Петербург
2007

ББК 84Р
Б25

Б25 «Заветные» сочинения Ивана Баркова. — СПб.:
Авалон, Азбука-классика, 2007. — 320 с.

ISBN 978-5-94860-052-9 (Авалон)

ISBN 978-5-352-02113-2 (Азбука-классика)

В книге представлены самые известные и наиболее представительные стихотворные произведения Ивана Баркова (1732–1768), который считается классиком русской эротической поэзии. Издание снабжено словарем устаревших и малоупотребительных слов, а также объяснением исторических имен и названий. Рассчитано на всех, кто интересуется русской словесностью.

© Васильев К. Б.,
подготовка текстов, 2007

ISBN 978-5-94860-052-9 (Авалон)

© «Авалон», 2007

ISBN 978-5-352-02113-2 (Азбука-классика)

© «Азбука-классика», 2007

«Боярин небольшой»

Так у Пушкина — в юношеском стихотворении
«Городок»:

О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!

«Боярин небольшой» — это об Иване Баркове, поэте, который, по одной из легенд, покончил самоубийством, подведя итог своему земному существованию одной предсмертной строчкой: «Жил грешно, а умер смешно.»

«Боярин небольшой» — это для тех, кто ищет или находит в сочинениях Баркова больше, чем там есть. Это особенно для исследователей творчества, которые, пытаясь придать весомость своим филологическим изысканиям, выдают исследуемый мелкий водоем за глубоководное озеро, а кое-кто в исследовательском запале договорился до смелого, но нелепого утверждения, будто Барков был учителем самого Пушкина. В пушкинские учителя не зачислишь даже Державина — он только, «в гроб сходя», похвалил будущего поэта, почувствовав в нем талант; и даже Жуковский не может претендовать на это звание, хотя, известно, он его присвоил себе

однажды: в 1820 году, когда Пушкин только что закончил «Руслана и Людмилу», маститый Жуковский подарил ему свой портрет, написав на оном, рисуясь: «Победителю ученику от побежденного учителя».

Понятно, что сочинители старшего поколения что-то подсказывали Пушкину, в чем-то, быть может, даже настойчиво убеждали... Большой талант не нуждается в советах.

Но обратимся к таланту малому, к одному из тех, кого Пушкин назвал «врагами парнасских муз», — ибо они не стремились, как подобает поэту, к высокому, а клонились к низменному. Судя по признаниям Пушкина в том же «Городке», он имел и хранил «сафьянную тетрадь» с «потаенными» сочинениями некоторых литераторов, и половину этой тетради занимал Иван Барков. Шестнадцатилетний Пушкин называет тетрадь «драгоценным свитком». Он восклицает об авторах сей антологии: «Хвала вам, чады славы!» Он повторяет «люблю», представляя сих сочинителей, и можно подумать... Нет, ничего подумать нельзя: несмотря на шестнадцать лет, возраст, когда всякого рода «потаенные», или, проще говоря, непристойные вирши и картинки особенно впечатляют подростков, Пушкин отнюдь не переоценивает литературный талант Баркова: да, это «наездник удалой», но — «боярин небольшой».

Просматривая ранние наброски Пушкина, мы обнаружим, что еще раньше, в четырнадцать лет, он определил место Ивана Баркова в русской по-

эзии — на русском Парнасе, как сказали бы в те времена. Незаконченная поэма «Монах» начинается с шутливого обращения к Вольтеру: Пушкин, называя Вольтера «султаном французского Парнаса», просит займы его смычок, его кисть, его золотую лиру; Вольтер отказывает, и следует столь же шутливое обращение к Баркову:

А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипку,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему.—
Нет, нет, Барков! скрипки не возьму...

Пушкину нужна золотая лира, а не скрипка — малое музыкальное смычковое орудие о четырех струнах, как определяет скрипку В. И. Даль в своем «Словаре».

Вспомнив Даля, уточним заодно по его «Словарю» слово **заветный**, вынесенное в заголовок этого издания: оно использовано здесь в значении **не напоказ, про себя**. Кстати, у Даля есть «Заветные пословицы и поговорки»; самым приличным из этого «заветного» можно назвать, пожалуй, только одно речение, а именно: «Весной и щепка на щепку лезет.»

Пушкин и, видимо, большинство образованных людей в первой четверти XIX века знали, что такое

Барков, имели представление о его непристойных сочинениях. Отметим, что понятия о пристойности в XVIII веке, когда жил и писал Барков, могли быть иными, чем у нас сегодняшних и особенно у нас вчерашних, возвращенных в строгую коммунистическую эпоху, когда нецензурное слово на заборе оскорбляло взгляд, а появление его в печати было недопустимо. На протяжении XIX века Барков оставался культовой фигурой на задних дворах литературы, обрастая всякого рода домыслами; количество его творений даже приумножилось теми сквернословиями, которые, все-таки стесняясь, подписывали свои эротические стишки его именем; в то же время другие любители «потаенного» приписывали Баркову любое похабное произведение, не имеющее авторства. В начале XX века Барков, похоже, вспоминался «читающей» публикой, прежде всего или только, как автор «Луки Мудищева» — непристойной поэмы, к которой он не имел никакого отношения: пресловутый «Лука» появился на свет где-то через сто лет после смерти Баркова. При коммунистическом правлении, то есть большую часть XX века, Барков пребывал в глухом забвении: советское общество, наложив на себя строгие моральные вериги, не просто порицало, а сурово осуждало сквернословие и даже могло привлечь к уголовной ответственности — за распространение порнографии и нецензурную брань. В 90-х годах недавно закончившегося века Баркова напечатали — черным по белому, сразу полностью и впервые без всякой

цензуры, без купюр, без точек или прочерков на месте известных слов, напечатали не для узкого круга литературоведов, а для всех, для так называемого массового читателя. Поначалу издатели, по старой памяти озираясь, считали нужным как-то объяснить свою смелость: мол, это все-таки не порнография, а литература, и сам Ломоносов водил с Барковым дружбу, и сам Карамзин отметил его дарование, и сам Пушкин поминал его не без похвалы; поначалу око советского человека искренне оскорбилось, узрев в печати совершенно непечатные вещи, при этом в скандальном изобилии. Но потом и издатели перестали извиняться, и читательское око перестало оскорбляться... Человек есть существо ко всему привыкающее, — как-то так сказано у Достоевского. И это, по мнению Федора Михайловича, самое верное ему определение — человеку. Можно бы с привлечением психологии и прочих наук исследовать перестройку человеческих понятий о нравственном и безнравственном, но выйдет долгий и скучный разговор, который закончится спорными выводами, поэтому с тем же успехом объясним этот переход от нетерпимости к терпимости ненаучно, но коротко в подражание библейским сказителям: Время оскорбляться, и время благодушеествовать.

Почему именно Барков прогремел и прославился со своими «срамными» стихами, почему его ставят первым номером среди классиков непристойной литературы? Собственно, он один классик и есть. Никто до Баркова, и мало кто после Баркова

изливал на бумагу непристойности в таком количестве, с таким неумным задором, совершенным бесстыдством и, надо признать, своеобразным талантом, который мы встречаем иногда в рассказчиках пикантных анекдотов. И в большинстве случаев Барков соблюдал те правила, которые позволяют считать определенное скопление слов и предложений литературным произведением, пусть и «оскорбляющим благоприличие». У Баркова «срамные» строки бойко слетали с пера и гладко стелились по бумаге, чего, кстати, нельзя сказать о его «пристойных» творениях. Сравним: в громоздко сложенном «Посвящении», которое предшествует тяжеловесным латинским переводам Баркова и адресовано графу Г. Г. Орлову, поэт-переводчик рассуждает — не очень понятно о чем:

Когда любовные стихи увеселяют,
Что в нежные сердца соблазны вкореняют,
Не могут через то противны людям быть,
Но каждый похвалу тем тщится заслужить,
Что двадцать раз в стихах напишет вздохи, слезы,
Не зная, что одни сто раз твердятся грезы...

После тугого пережевывания затверженных поэтических штампов Барков, словно школяр, выскочивший из класса на перемену, раскрепощается, расковывается и распоясывается, и у него соскакивают с языка и отскакивают от зубов откровенные, однозначно понимаемые рифмы:

Люблю тебя, мой свет, и от любви стражду:
Сижу подле тебя и еть тебя я жажду.

О чем ни мыслю, ни гадаю,
А всё пизды одной желаю.

«Послание», не имеющее художественной ценности, как, видимо, и переводы, сделанные Барковым во время службы в Академии наук, не канули в лету благодаря, во-первых, профессиональным составителям и редакторам с академической подготовкой: вроде как нужно дать представление следующим поколениям о литературной жизни прошедшей эпохи, а именно XVIII века; и, во-вторых, благодаря денежной поддержке со стороны органов, заведующих культурой: вроде бы нужно выделить средства тем академическим издателям и редакторам, кои вроде как радеют о том, чтобы дать представление следующим поколениям... А все непечатное дошло до нас благодаря искреннему и бескорыстному труду любителей — любителей клубнички, испытывающих учащение пульса, «горение в жилах» и движение в других телесных органах при чтении и переписывании «заветных» творений, и любителей русской словесности во всех ее проявлениях: любители переписывали из чужой заветной «сафьянной» в свою заветную коленкоровую или какую еще тетрадку стихи Баркова и его подражателей; тогда как другие любители хранили, например, запрещенного Герцена и прочих революционных глашатаев — и первые, и вторые тоже, в

общем, сохраняя для потомков подцензурные материалы, получившие определение «поэтаенная литература».

Сегодня впервые за всю свою историю Россия существует без цензуры. Это удивительно, но и к чудесам привыкаешь; другой вопрос: хорошо ли это? Хорошо. От цензуры всегда и в первую очередь страдали крупные художники: поэта, писателя, драматурга, режиссера заставляли переделывать произведение в угоду правящему лицу или правящей партии, требовали что-то убрать — правящему лицу или правящей партии неудобное, или же сами переделывали и убирали, или просто вообще не печатали, или же, прочитав, упрятавали написавшего за решетку... Тем временем гуляло по стране, передавалось из рук в руки, разбрасывалось в прокламациях и переписывалось в заветные тетрадки все, что к настоящему искусству имело отдаленное или косвенное отношение — включая откровенную порнографию и призывы к свержению власти.

И все же, еще раз: что нам Барков? И что есть такого в Баркове, что задевает? Если б ничуть не задевало, он был бы забыт еще в своем XVIII веке как один из сквернословов в сонме безвестных пачкунов, чей «духовный мир» выражен всецело небольшим набором матерных слов, слетающих с губ и нацарапанных на бумаге. А задевает то, что Барков все-таки не косноязычно сквернословит, а художественно оформляет свои оды, посвященные взаимному и необоримому влечению определен-

ных членов мужского и женского тела. Это голая правда... Сергей Есенин называет ее горькой:

Да! есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком...

Конечно, у Баркова вместо горькая стояло бы сладкая... но, в принципе, и он, грубее, чем Есенин, сообщает слушателю о главной силе, благодаря которой продлевается существование на земле всех ее обитателей:

Животные, что обитают
В землях, в морях, в лесах, везде,
Сию нам правду подтверждают:
Без ебли не живут нигде...

Мы не склонны превозносить поэзию Баркова, но бывают моменты, когда хочется брякнуть именно эту правду и именно так — грубо, непристойно, например, в адрес тех, кто выдает долгие, нудные, путанные размышления, порожденные болезненным сознанием и облаченные в словесные хитросплетения, за какую-то мудрость или научную философию.

Нам скажут: пусть это истина, но истина низменная. Скажут, отстранясь от «собраний мерзостей», дошедших до нас из XVIII века... И нам вполне понятно желание цивилизованного человека оградить

себя от низких истин частоколом нас возвышающих обманов. Не еблей единой жив человек.

Заканчивая разговор, обратим внимание читателя на то, что не все в этом сборнике, как и в любом барковском издании, принадлежит Баркову: какая-то часть сочинена другими «врагами парнасских муз», кем-то из его современников. Можно ли уточнить, кем именно? Это не представляется возможным, да и нет необходимости предпринимать масштабные архивные раскопки ради литературного явления не первой величины.

И еще: не все в сочинениях Баркова и материалах, приписываемых Баркову, достойно публикации. Сейчас нет цензуры, но у профессионального редактора и независимого издателя всегда остается критерий художественности: в печать не пропускаются вещи, которые не являются художественными произведениями, будь они хоть про одуванчики на лугу, хоть про непрерывное совокупление разгоряченных особей. В искусстве на первом месте стоит не сама тема, а то, как она изложена.

К. Васильев

Оды

*

Стансы

*

Поэмы

*

Длины

*

Эпистолы

Ода пизде

I

Тряхни мудами, Аполлон,
Ударь елдою громко в лиру,
Подай торжественный мне тон
В восторге возгласити миру.
Ко дверям славы восхожду,
Тебя как будто на хуй жду.
Приди и сильною рукою
Вели всех муз мне перееть,
Чтоб в них усердье разогреть
Плениться так, как я пиздою.

II

Вздрочу престрашный мой елдак,
Чтоб всю теперь явил он силу,
Совсем уже готов кутак,
Впущу эпическую жилу.
Всарначу я и взговорю,
Ебливим жаром я горю,
Бодрюсь, уёбши Парнасиду,
Иду за Пиндаром вследы,
Взношусь от Музиной пизды
Туда, где смертного нет виду.

III

На поясе небесном став,
Согласной лирой в небе звукну,
И, в обе руки шмат мой взяв,
Зевеса по лбу плешью стукну,
Чтоб он сокрыл свой грубый зрак
И не дрочил теперь елдак,
Не метил плешью в щели многи,
Не портил бы земных красот,
Не драл елдою пиздий рот,
Не раздвигал богиням ноги.

IV

Нептун и адский бог Плутон,
Смягчите ярость вы без шуму,
Страшася шанкера бабон,
Оставьте вы высоко думу.
На вас не буду я смотреть,
Велю обоих перееть.
Ты, море, не плещи волнами,
Под секель ветры заключи,
А ты престрого закричи,
Чтоб в аде не трясли мудами.

V

Чтоб тем приятный звук и глас
Такие вздоры не глушили,
Скачи и веселись, Парнас,
Мы все в природе утишили.

Сойди, о Муза, сверху в дол
И на пуп залупи подол,
Я ныне до пизды касаюсь,
Воспеть теперь ее хочу
И для того елдак дрочу,
Что я пиздою восхищаюсь.

VI

Со утренних спокойных вод
Заря на алой колеснице
Являет Фебов нам восход,
Держа муде его в деснице,
И тянет за хуй Феба в понт,
Чтоб он светил в наш горизонт,
Мы блеску все его радеем.
А ты, восточная звезда,
И краше всех планет — пизда,
Тобой мы день и свет имеем.

VII

Скончав течение, Аполлон
С эфира вниз себя покотит,
К Фетиде в лоно съедет он,
Пизда лучи его проглотит,
И блеск его тогда минет,
Когда богиня подъебнет,
К мудам свою пизду отключит,
Сокроется от нас день прочь,
Ебливая наступит ночь,
Коль Феб в богиню запендрячит.

VIII

Дрочи, о Муза, добрый хуй,
Садись ко мне ты на плешь смело,
Чтоб слабже он полез, поплшой,
Раздайся секедь твой и тело.
Я всю вселенную узрел,
Когда тебя я на плешь вздел,
Кастальской омочен рососою,
Отверзлись хуя очеса,
Открылись света чудеса,
Творимые везде пиздою.

IX

Юпитер в смертных бросить гром
С великим сердцем замахнулся,
Погиб бы сей хуев содом
И в лютой смерти окунулся,
Но в самый оный страшный час
Пизда взвела на небо глас,
Умильно секедем кивнула,
Зевес, схвативши в руки плешь,
Бежит с небес на землю пеш,
Громовый огонь пизда задула.

X

Перун повержен там лежит,
Пропал великий страх народа,
Юпитер над пиздой дрожит,
Забыта им уже природа.

Пускай злодействуют везде,
А он купается в пизде.
Алкмену ныне сарафанит,
Ебёт и прёт, пендрячит, ржот,
Храпит, сапит, разинув рот,
И гром уже его не грянет.

XI

Ударил плешью по водам
Нептун, властитель над морями,
Велел подняться он мудам,
Чтоб дули ветры под волнами.
Велел все море возбудить,
Неоптолема потопить.
Но с острым секелем Фетида,
Подъехав, села на муде.
Нептун, поковыряв в пизде,
Лишился тотчас грозна вида.

XII

Плутон во аде с елдаком
Совсем было утратил мысли,
Елда его покрылась льдом,
А с муд уже сосули висли.
Но вскоре въехала туда
О ты, прелестная пизда,
Богиня ада Прозерпина,
Ощерила мохнату щель,
Плутон, храпя, наметил в цель,
В пизде согрелася елдина.

XIII

Твоя, о мать хуев, пизда,
Никак неизъясненна сила,
С волшебной сферы ты звезда,
О страх, ты солнце ослепила,
Когда из волосистых туч
Блеснул на Феба пиздий луч,
То он сияние оставил,
Забыл по должности езду
И сунулся тотчас в пизду,
Чем славы он твоей прибавил.

XIV

Гремит Омфалия пиздой,
Прельстив усам Геркулеса,
Который страшную елдой
Нередко пехивал Зевеса,
Творил велики чудеса,
Держал на плéчах небеса,
Подперши плешью твердь ужасну,
Атланта бодро обলেখчил,
За то в него и хуй всучил,
Однак шентю узрел он власну.

XV

Ахилл под Троей хуй вздрочил,
Хотел пробить елдою стену,
Но как он бодро в град вскочил,
Чтоб выеть тамо Поликсену,

Парис ударил его в лоб
Тем дротиком, которым ёб,
То небо стадо быть с овчинку
В Ахилловых тогда глазах,
Смяхчил его шматину страх,
Пизда сжевала в час детинку.

XVI

Герой в войне — не человек:
Намазав ворванью елдину,
Забыв толь надобной нам век,
Разит людей так, как скотину.
С пиздой он больше не буян,
И Бахус без нее не пьян.
Пизда природу умножает,
Родит, лелеит, кормит нас,
Ее продолговатый глаз
Сурову нашу плешь смягчает.

XVII

О, мать веселья и доброт,
Пизда, шентя, фарья, махоня,
Я тысячу хуев дам в рот —
Глотай, им ныне есть разгоня,
Насыться от моих похвал,
Я прямо в цель твою попал,
Воздвигну я тебе божницу,
Внутри очищу пиздорык
И, взявши в руки я голик,
Сгоню нечистую площадь.

XVIII

В ефире светлая звезда
Или блестящая планета
Не так прелестна, как пизда,
Она творительница света.
Из сих торжественных ворот
Выходит всякий смертный род
И прежде всех ее целует,
Как только секелем кивнет,
Двуножну тварь на свет пихнет
И нам ее она дарует.

*Похвальные стансы
сочинителю сей оды*

I

Тебя ебливая натура
На то произвела на свет,
Приятного чтоб Эпикура
Увидеть точный нам портрет.
Умом таким же одарила
И чувства те ж в тебя вселила,
Ты также любишь смертных всех,
Натуры все уставы знаешь,
В пизде блаженство считаешь,
Во зле не знаешь ты утех.

II

О, коль приятными стезями
Тогда ты на Парнас всходил,
Когда огромными стихами
Пизде похвальну песнь трубил!
Читая ту, я восхищаюсь,
Сладчайшим чувством наполняюсь,
Вся в жилах кровь моя кипит,
Вся мысль моя пиздой мутится,
Душа моя к мудам стремится,
А хуй прорвать штаны грозит.

III

Богатство, славу, пышность, чести
Я презираю так, как вы.
Не стоят те пиздиной шерсти,
Без ебли всё суть суеты!
Вселенну всю я забываю,
В пизду как яркий хуй соваю,
Счастливей папы и царей.
Когда красотка обнимает,
Целует, жжет и подъбаает,
Тут всё блаженство жизни сей!

Ода победоносному хую

I

Дела пребодрого героя
Потщися, мысль моя, воспеть!
Я, громкой лиры глас настроя,
Прославлю то, как хуй мой есть.
О ты, премудра животи́на,
О ты, пречудная шмагина,
Коликих ты достоин од!
Ни рвы, ни камни, ни вершины,
Ни адской челюсти стремнины
Сдержать не могут твой поход.

II

Хоть много в древности прославлен
Победоносный Геркулес
И не один трофей поставлен
В знак бывших от него чудес,
Но если бы твои победы
Здесь были точно так воспеты,
То б он, оставя булаву,
Тебя героем почитая,
С тобой к Омфале приступая,
Твою бы в руки взял главу.

III

Когда на брань хуй ополчится
И станет в ярость приходить,
Когда багряна плешь зардится,
То кто возможет сокрушить?
Хотя меж ног клади оковы
Иль челюсти разверсты львовы,
Но он, опершись на мудах,
Сквозь все оплоты укрепленны,
Возносит верх свой обогранный,
Как лев, ярящийся в горах.

IV

Но что за глас, стон слышен крика?
Какая б то была беда?
Боязнь то хую невелика:
Ползёт на брань к нему пизда.
Пиздища старая, седая,
Пизда уже не молодая,
Она ж притом была урод.
До старых лет не проебалась
И сроду с хуем не видалась,
Затем, что был с зубами рот.

V

Чудовища вся тварь боялась,
Коснуться ей никто не смел,
Она на всех, как зверь, кидалась,
Лишь хуй её смирить умел.

Пизда пришла, скрывая зубами,
Хуй стал трепать её мудами,
Чем зверство в ней тотчас пресёк;
Она с задору задрожала,
Она в себе не удержала,
И с ней тут сок ручьем потёк.

VI

Хуй, видя в ней ту слабость многу,
Он щель её тут вмиг пробил,
Сей хитростью сыскал дорогу,
Отважно к делу приступил:
С мудами в пропасть к ней влезает,
До дна он плешью достигает,
И сладость тут находит вновь.
Пизда вкус ебли весь узнала,
Пизда яриться перестала,
Как сильный хуй в ней пролил кровь.

VII

Сей подвиг совершив щастливо,
Восстал и ободрился вновь
Расселины и льющусь кровь,
И вспомня все свои работы
Во среды, пятки и субботы,
С негодованием сказал:
— Почто мя смертны забывают,
Почто в псалмах не прославляют,
Почто я так на свете мал?

VIII

Первейше в свете утешенье —
Любезнейших собор девиц,
Приятно чувствам услажденье,
Столь много лепотнейших лиц —
Не мною ль в свет произведенны?
Не мои ль силы истощенны,
Не мой ли труд и с кровью пот
Воздвиг везде дела героически,
Повсюду сделал многи войски?
О, коль неправ всех смертных род!

IX

Одна лишь в свете героиня,
Моя премудрейшая тварь,
Арабска Изида богиня,
Воздвигла для меня алтарь
И женску полу повелела,
Чтоб каждая в бархате имела
На шее мой прекрасный ствол,
И чтоб египецкие дамы,
Входя богов великих в храмы,
Во первых чтили мой престол.

X

Не я ли в ад низвел Орфея
Своей победы там искать?
Не я ль Дидоне у Энея
Принудил с муд площади таскать?

Какая ж мне за то отрада,
Какая в старости награда?
Я верных мало зрю сердец,
А я всей твари обновитель,
Ее блаженства совершитель
И всех зиждитель и отец.

*Ода
победоносной героине пизде*

I

О, общая людей отрада,
Пизда — веселостей всех мать,
Начало жизни и прохлада,
Тебя хочу я прославлять.
Тебе воздвигну храмы многи
И позлащенные чертоги
Созижду в честь твоих доброт.
Усыплю путь везде цветами,
Твою пещеру с волосами
Почту богиней всех красот.

II

Парнасски музы с Аполлоном,
Подайте мыслям столько сил,
Каким, скажите, мне петь тоном
Прекрасно место женских тел?
Уже мой дух в восторг приходит,
Дела ее на мысль приводит
С приятностью и красотой.
— Скажи, — вещает в изумленьи, —
В каком она была почтеньи,
Когда тек век еще златой?

III

Ее пещера хоть вмещает
 Одну зардевшу тела часть,
 Но всех сердцами обладает
 И всех умы берет во власть.
 Куда лишь взор ни обратится,
 Треглавный Цербер усмирится,
 Оставит храбрость Ахиллес,
 Плутон во аде с бородою,
 Нептун в пучине с острогою
 Не учинят таких чудес.

IV

Юпитер, громы оставляя,
 Снисходит с неба для нея;
 Величество пренебрегая,
 Приемлет низкость на себя,
 Натуры чин преобразует:
 В одну он ночи две вмещает,
 В Алкменину влюбившись щель.
 Из бога став Амфитрионом,
 Пред ней приходит в виде новом,
 Попасть желая в нежну цель.

V

Плутон, плененный Прозерпиной,
 Идет из ада для нее,
 Жестокость, лютость со всей силой
 Побеждены желвой ее.
 Пленивши Дафна Аполлона,

Низводит вдруг с блестяща трона,
 Сверкнув дырой один лишь раз.
 Всю крепость он свою теряет
 Во угожденьи мер не знает,
 Возносит к ней плачевный глас!

VI

Представь героев прежних веков,
 От коих мир весь трепетал,
 Представь тех сильных человекoв,
 Для коих свет обширный мал:
 Все ей одной были подвластны,
 Счастливы ею и несчастны,
 Всё властно было ей одной:
 На верх Олимпа подымались
 И в преисподню низвергались
 Ее пресильною рукой.

VII

Где храбрость, силу и геройство
 Девал пресильный Геркулес?
 Где то осталось благородство,
 Которым он достиг небес?
 Пока не видел он Омфалы,
 От взора стены трепетали,
 Увидя, Тартар весь стонал.
 Пизда ее его смутила,
 Она оковы наложила,
 Невольником Омфалы стал!

VIII

Представь на мысль плачевну Трою,
Красу Пергамския страны,
Что опровержена войною
Для Менелаевой жены.
О, если б не было Елены,
Стояли бы Троянски стены
Чрез многи тысячи веков;
Пизда ее одна прельстила,
Всю Грецию на брань взбудила
Против Дарданских берегов.

IX

Престань, мой дух, прошедше время
На мысль смущенну приводить.
Представь, как земнородных племя
Приятнотьми пизда сладит:
Она печали все прогонит,
Всю скорбь в забвение приводит —
Одно веселье наших дней!
Когда б ее мы не имели,
В несносной муке бы сидели,
Сей свет постыл бы был без ней.

X

О сладость, мыслям непонятна,
Хвалы достойная пизда,
Приятность чувствам необъятна,
Пребудь со мною навсегда!

Тебя одну я чтити буду
•И прославлять хвалами всюду,
Пока мой хуй пребудет бодр.
Всю жизнь мою тебе вручаю,
Пока дыханье не скончаю,
Пока не вниду в смертный одр.

*Ода
на рождение пизды*

I

Какой приятный глас музыки
Внезапно слух мой поразил,
Какие радостные клики
Мой темный разум ощутил!
Я зрю: поля все обновились,
Цветами новыми покрылись,
С весельем ручейки текут,
Крутятся меж злачными брегами,
И птички, сидя меж кустами,
Природе хвальну песнь поют.

II

Природой данную нам радость
О муза, ты воспой теперь,
Какую чувствуем мы сладость,
Узрев ее достойну дочь.
Пизды любезныя рожденье
Весь мир приводит в восхищенье.
Пизда достойна алтарей.
Она прямая дочь природы.
Ее несчетны чтут народы.
Пизда — веселье твари всей.

III

Природа, зря, что смертных племя
В несносной скуке жизнь ведет,
Для облегченья оной бремя
Пизду произвела на свет.
Всех смертных ею усладила,
В приятны цепи заключила.
С тех пор пизда владеет всем:
Она героев производит,
Она в храм славы их приводит.
Пизда — вещь лучша в свете сем.

IV

Герои, храбростью своею
Что свет старались покорить,
Владеть хотели всей землею,
Стремясь потоки крови лить.
Они все для того дралися,
Чтоб после всытость наелся
И лучших пизд себе достать.
Для пизд кровавы были брани,
Пизд ради налагались дани.
Пизда всех дел вина и мать.

V

Антоний, царствовать желая,
Дрался с Октавием, сколь мог,
Но Клеопатру он узная,
Ей захотел попасть меж ног.

Забыл и храбрость, и породу
И дал Октавию свободу.
Лишь только впрягал в нее хуй,
Не зрит, что Рим он тем теряет,
К пизде он страстию пылает,
Узря ее в Сиднейских струй.

VI

Руно золотое, кое греки
В Колхиде тщилися достать,
При чем прославлена навеки
Язонава пречудна рать —
Когда со змеем он сражался,
В погибель явную вдавался,
Пизда его от ней спасла:
Его ебливая Медея,
Волшебнo знание разумея,
Наверх сей славы вознесла.

VII

Пленясь Калипса Телемаком,
От волн морских его спасла.
Еблась с ним лежа, сидя, раком.
И в ебле сладку жизнь вела.
Но Ментор, зря их то веселье,
Из зависти, терпя мученье,
Так Телемака наострил,
Что бросил он пизду на еблю
И, милую оставя землю,
Напасти новые вкусил.

VIII

Эней, оставшись цел от брани,
Погибнул бы в морских волнах,
Пизда б коль не простерла длани
При карфагенских берегах.
Его ебливая Дидона,
Сошедши с царска пышна трона,
Спасла и еть ему дала.
Он еб, пиздою наслаждался,
Но вскоре с нею он расстался,
Отплыв, куда судьба влекла.

IX

Когда же сих примеров мало,
Взгляните в древность всех времен:
Всегда пизда всех благ начало,
Начало всех земных племен.
Мы ей на свете сем родимся.
Ее ебем, ей веселимся.
Она милее нам всего.
Пиздой нас девушки прельщают,
Пиздою нас и утешают,
В ней чтим верх счастья своего.

X

О ты, пизда, пизда драгая,
К тебе душа моя летит!
Ты, песнь мою воспринимая,
Внемли, что дух мой говорит.

Всего на свете сем ты боле.
Взгляну в моря, в ограды, в поле,
Но лучше я тебя не зрю.
Поверь, что я не лицемерю
И что тому я свято верю,
Что днесь языком говорю.

Описание утренней зари

Ода

I

Уже зари багряной путь
Открылся дремлющим зенницам,
Зефир прохладный начал дуть
Под юбки бабам и девицам.
Раскинувшись пизды лежат,
От похоти во сне дрожат.
Иная страшным зевом дышит,
Иная нежны губки жмет,
Нетерпеливо хуя ждет;
Во всех ебливый пламень пышет.

II

О, утра преблаженный час,
Дороже нам золотого века,
В тебе натуре сладкой глас
Зовет к работе человека.
Приход твой всяку тварь живит,
В тебе бодрее хуй стоит,
Ты нежну похоть всем вливаешь,
В еблывы жилы кровь течет
И к ебле всех умы влечет,
Ты нову силу всем влагаешь.

III

Корабль в угрюмых как волнах
 Кипящи их верхи срывает,
 Сквозь бурю, тьму и смертный страх
 Летит и бездну презирает,
 Подобно так в пиздах хуи,
 Напрягши жилы все свои,
 Во влажну хлябь вступать дерзают,
 Шурмуют, мечутся везде
 И в самой узенькой пизде
 Пути пространны отверзают.

IV

Везде струи млечны текут,
 С стремленьем в бездну изливаясь,
 Во все составы сладость льют,
 По чувствам быстро разделяясь.
 Восторгом тихим всяк объят,
 На побежденных томный взгляд,
 Еще собранье звать дерзает,
 Опять вступают в ярый бой,
 И паки сладкий ток млечной
 Во всех жар брани прохлаждает.

V

Что бьет за страшный шум в мой слух?
 Чердак, подклеть и спальня стонет,
 Боязнь во всех стеснила дух,
 Хуи слабеют, сердце ноет.
 Внезапно отворилась дверь,

Старик, как разъяренный зверь,
 С толпой народа в дом приходит.
 — Лови, — кричит, — всех, режь и бей.
 Жену, служанок, дочерей! —
 Сей вопль всем смертным страх наводит.

VI

Но что, старик, твой дух мятет,
 Какая злость тебя снедает?
 Не то ль, что старость хуй твой гнет,
 Не то ль тебя так разъяряет,
 Что еть жена дает другим?
 Но вялым хуем ты своим
 Какую ей подашь отраду?
 Осьмнадцать лет и шестьдесят —
 Вовеки вас не согласят,
 Твой взор теперь ей злее аду.

VII

Пусть всяк, кто может, хуй трясет,
 Пускай кровати, лавки стонут,
 Восторг от глаз пусть скроет свет,
 Хуи в реках заёбин тонут.
 Закрой от них свой мрачный взор.
 Младых хуев и пизд собор
 Оставь их роскошам на жертву
 Иль, вынув свой завялый хуй,
 Беги, мечись, рвись, плачь, тоскуй,
 Зря плоть свою уже полмертву.

Воспоминание прошедшей молодости

Ода

I

Владычица богов и смертных,
Мать всех живущих на земли,
Источник дружб и ссор несметных,
Пизда, мою мольбу внемли!
Из мрачного ко мне жилища
На вопль как сирого и нища
Сквозь лес, сквозь блато взор простри,
Склонись, склонись моей мольбою,
Смяхчись, зря страждуща тобою,
И с хуя плеснеть оботри.

II

О, юность, время скоротечно,
Которая теперь прошла,
Когда б ты длилась, юность, вечно,
Ты б тех забав не унесла,
Которыми я наслаждался,
Имел, владел и восхищался.
Приди опять, как ты была!
Тогда пизды ко мне толпами
С отверстым ротом и губами
Слетятся, как на мед пчела.

III

Без слез не вспомню прежние веки.
Я в юности когда бывал,
Всяк день текли млечные реки,
Всяк день я разных пизд ебал,
Всяк день они ко мне стекались,
Наперстки на хуй мне казались,
И я им, сколько мог, служил.
Теперь, о лютая судьбина,
Уже не хочет ни едина,
Чтоб хуй в нее я свой вложил.

IV

Признаюсь вам, красы любезны,
Что хуй уже мой стал слабеть,
И все старанья бесполезны,
Нельзя мне столько раз уеть,
Колико раз ебал я прежде.
Пришел конец моей надежде,
Чтоб мог еще я милым быть.
Итак, навек прощаюсь с вами,
И все, что нажил я пиздами,—
Пиздам же я хочу прожить.

*Ода
собранию пизд*

I

О вы, священницы борделя,
Наставницы молодых красот!
Вы первого обман апреля
На весь уже простерли год.
Вам таинства пизды известны
И ваши хитрости прелестны
Так, как волшебством, нас мрачат.
Вы сделать и старуху целкой
Считаете для вас безделкой.
Мне вас досталось умолять.

II

За что, не знаю, вы в презренье,
За что гонимы вы от всех?
К вам должно всем иметь почтенье,
Вы — матери драгих утех!
К вам в нуждах ближний прибегает,
Отраду в скуке обретает
Вдовец, женатый, холостой.
Где б ярость хуя мы смягчали,
Где б разны роскоши узнали,
Как не в обители такой?

III

Еще мой хуй не так согнулся,
Чтоб вовсе твердость потерял.
Не мните, чтоб он не проснулся,
И чтоб, узря пизды, не встал.
Хотя ж бы вовсе был бессилен,
Но ваших смысл красот обилен
Его в желанну крепость ввесть.
Чего не сделают пиздами,
То сделают они руками.
Кто может хитрость их ичесть?

IV

Я помню, негде чел недавно,
Как некакий скупой старик
В неделю раз один исправно
Ходить в бордели приобвык.
За то, кто сделать то возьметсся,
Что у скупого раз зайдетсся,
Велику плату положил.
А до того имел все даром
И денежки свои с товаром
Всегда с собою уносил.

V

Одна сестра, за то озляся,
Что тщетно их старик трудил
И что еще всегда, смеяся,
С собою деньги уносил,
Схватя подвязку шерстяную

И кликнув из подруг другую,
Дала конец, взяла другой,
Хуй слабый в петлю положила
И так его защекотила,
Что нехотя вздохнул скупой.

VI

Дошел и я, красы драгия,
Дошел и я до сей беды.
Бывали времена такие,
Когда платили мне пизды.
Бывало, вы за мной ходили,
Бывало, вы меня просили,
Чтоб раз хотя один уеб,
За что меня вы одаряли,
Но вы лишь деньги проебали,
А я уж силу всю проеб.

VII

Теперь, сестры златолюбивы,
Я к вам прибегнуть принужден.
Счастливы мы и пресчастливы,
Что вами мир весь населен.
Старайтесь мне вы дать отраду,
А я за это вам в награду
Стараться буду вас проеть.
И всякий раз за малакейку,
Конечно, дам вам не копейку,
Но будут все рубли звенеть.

*Сражение между хуем
и пиздой о первенстве*

Поэма

Не славного я-здесь хочу воспеть Приапа,
Хуям что всем глава, как езуитам папа,
Но в духе я теперь сраженье возвещать,
В котором все хуи должны участие брать,
И в славу их начать гласить пизду такую,
Котора первенства не уступает хую.
Везде она его, ругаясь, презирует,
Всё слабостью его предезрко укоряет
И смело всем хуям с насмешкой говорит:
— Меня из вас никто не может усладить.
Во всех почти местах вселенной я бывала
И разных множество хуёв опробовала,
Но не нашла нигде такого хуя я,
Чтоб удовольствовать досыта мог меня,
За что вы от меня все будете в презреньи
И век я против вас останусь в огорченьи,
Которое во мне до тех продлится пор,
Пока не утолит из вас кто мой задор,
Пока не сыщется толь славная хуина,
Который бы был толст, как добрая дубина,
Длиною же бы он до сердца доставал,
Бесслабно бы как рог и день и ночь стоял
И, словом, был бы он в три четверти аршина,

В упругости же так, как самая пружина.
Хуи, услышавши столь дерзкие слова,
Пропала, мвят, с пиздой ввек наша голова;
С тех самых пор как мы на свете обитаем
И разные места вселенной обтекаем,
Таскаемся везде уже как двадцать лет,
И думаем, что нас почти весь знает свет,
Ругательств же таких нигде мы не слыхали,
Хоть всяких сóртов пизд довольно мы ебали.
Что им теперь начать, собирают свой совет.
Знать, братцы, говорят, пришло покинуть свет,
Расстаться навсегда с любезными пиздами,
С приятнейшими нам ебливými странами.
Мы вышли, кажется, длиной и толстотой,
И тут пизды вничто нас ставят пред собой.
Осталася в одном надежда только нам,
Чтобы здесь броситься по бляцким всем домам,
Не сыщется ль такой, кто нас бы был побольше,
Во всем бы корпусе потверже и потолще,
Чтоб ярость он пизды ебливой утолил
И тем ее под власть навек бы покорил.

Последуя сему всеобщему совету,
Раскинулись хуи по белому все свету,
Искали выручки по всем таким местам,
Где только чаяли ебливým быть хуям.

По щастью, хуй такой нечаянно сыскался,
Который им во всем отменным быть казался:

По росту своему велик довольно был
И в свете слáвнейшим ебакою он слыл,
В длину был мерою до плещи в нол-аршина,
Да плещь в один вершок — хоть бы куда
машина.

Он еб в тот самый час несчастную пизду,
Которую заеть решили по суду,
Затем что сделалась широка черезмеру,
Магометанскую притом прияла веру;
Хоть абшита совсем ей не хотелось взять,
Да ныне иногда сверх воли брать велят.
Хуи, нашед его в толь подлом упражненье,
Какое сим, кричат, заслужишь ты почтенье?
Потщися ты себя в том деле показать,
О коем мы хотим теперь тебе сказать.
А говоря сие, пизду с него снимают,
В награду дать ему две целки обещают,
Лишь только б он лишил их общего стыда,
Какой наносит им ебливая пизда.
Потом подробно всё то дело изьясняют
И в нем одном иметь надежду полагают.
Что слыша, хуй вскричал: — О вы, мои муде!
В каком вам должно быть преважнейшем труде.
Все силы вы свои тепера истощайте
И сколько можете мне ярость подавайте.
По сих словах хуи все стали хуй дрочить
И всячески его в упругость приводить,
Чем он, оправившись, так сильно прибодрился,
Хоть и к кобыле бы на приступ так годился.
В таком приборе взяв, к пизде его ведут,

Котора, осмотря от плешни и до муд,
С презреньем на него и гордо закричала:
— Я больше в два раза тебя в себя бросала.
Услыша хуй сие с досады задрожал,
Ни слова не еказав, к пизде он подбежал.
— Возможно ль,— мнит,— снести такое
огорченье?

Сейчас я с ней вступлю в кровавое враженье.
И тотчас он в нее проворно так вскочил,
Что чуть было совсем себя не задушил.
Он начал еть пизду, все силы истощая,
Двенадцать задал раз, себя не вынимая,
И еб ее, пока всю плоть он испустил,
И долго сколь стоять в нем доставало сил.

Однако то пизде казались всё дудки.
— Еби,— кричит она,— меня ты целы сутки,
Да в те поры спроси, что чувствую ли я,—
Что ты прескверный сын, хотя ебешь меня,
Ты пакостник, не хуй, да так назвать, хуёчик,
Не более ты мне, как куликóв носочик.
Потом столкнула вдруг с себя она ево:
— Не стоишь ты,— сказав,— и секея мово,
Когда ты впредь ко мне посмеешь прикоснуться,
Тебе уж от меня сухому не свернуться,
Заёбинами ты теперь лишь обмочен,
А в те поры не тем уж будешь орошон,
Я скверного тебя засцу тогда как грека
И пострамлю ваш род во веки и в век века.

Оправясь от толчка, прежалкий хуй встает
И первенство пизде перед собой дает,
Хуй ж, увидевши такое пострамленье,
Возможно ль снести, кричат, такое огорченье?
Бегут все от пизды с отчаяния прочь,
Конечно, говорят, Приапова ты дочь.
Жилища все свои навеки оставляют
И жить уж там хотят, где жопы обитают.

По щастью их, которым им иттить
И бедные муде с собой в поход тащить,
Лежал мимо одной известной всем больницы,
Где лечатся хуй и где стоят гробницы
Преславных тех хуев, что заслужили честь
И память вечную умели приобрести.
За долг они почли с болящими проститься,
Умершим, напротив, героям поклониться.

Пришед они туды всех стали лобызгать
И странствия своего причину объявлять,
Как вдруг увидели старинного знаконца
И всем большим хуям прехрабра коноводца,
Который с года два тут в шанкоре лежит,
От хуерыка он едва только дышит.
Хотя болезнь его пресильно изнуряла,
Но бодрость с тем совсем на всей плешни сияла.
Племянником родным тому он хую был,
Который самого Приапа устрашил.
Поверглись перед ним хуй все со слезами

И стали обнимать предлинными мудами.
— Родитель будь ты нам,— к нему всё вопиют,—
Пизды нам нынече проходу не дают,
Ругаются всё нам и ни во что не ставят,
А наконец они и всех нас передавят.
Тронись жалостью, возвысь наш род опять
И что есть прямо хуй, ты дай им то узнать.

Ответ был на сие болящего героя:
— Я для ради бы вас не пожалел покоя,
Но видите меня: я в ранах весь лежу,
Другой уже я год и с места не схожу,
От шанкора теперь в мученье превеликом
И стражду сверх того пресильным хуерыком,
Который у меня мои все жилы свел.
Такой болезни я в весь век свой не имел;
Стерпел ли бы от пизд такое оскорбленье —
Я б скоро сделал им достойно награжденье.

Такой ответ хуев хоть сильно поразил,
Однако не совсем надежды их лишил.
Вторично под муде все плещи уклоняют,
К войне его склонить все силы прилагают:
— Одно из двух,— кричат,— теперь ты избери:
Иль выдь на бой с пиздой, иль всех нас порази.

Тронулся наш герой так жалкою мольбою.
Ну, знать, что, говорит, дошло теперь до бою,
Вить разве мне себя чрез силу разогнуть
И для ради уж вас хоть стариной тряхнуть.

Проговоря сие, тотчас он встрепенулся,
Во весь свой стройный рост проворно разогнулся,
В отрубе сделался с небольшим три вершка,
Муде казались как будто два мешка,
Багряна плешь его от ярости сияла,
И красны от себя она лучи пускала.
Он ростом сделался почти в прямой аршин
И был над прочими как будто господин.

Хуи, узрев его в столь красной позитуре,
— Такого хуя нет,— кричат,— во всей натуре,
Ты стоишь назван быть начальником хуёв,
Когда ни вздумаешь, всегда ети готов.
Потом, в восторге взяв, на плещи поднимают,
Отцом его своим родимым называют,
Всяк силится ему сколь можно услужить,
И хочет за него всю плоть свою пролить.

Несут его к пизде на славное сраженье.
— Будь наше ты,— кричат,— хуино воскресенье.
С такою славою к пизде его внесли,
Что связи все ее гузенны потрясли —
Она вскочила вдруг и стала в изумленьи,
Не знала, что сказать, вся будучи в смятеньи.
А хуй, увидевши пизду, вострепетал,
Напружил жилы все и сам весь задрожал,
Скочил тотчас с хуев и всюду осмотрелся,
Подшел он к зеркалу, немного погляделся,
Потом к ней с важностью, как архерей, идет
И прежде на пизду хуерыком блюет,
А как приблизился, то дал тычка ей в губы.

— Мне нужды нет,— вскричал,— хоть были б
в тебе зубы.

Не струшу я тебя, не страх твой толчки;
Размычу на себя тебя я всю в клочки
И научу тебя, как с нами обходиться,
Не станешь ты вперед во веки хоробриться.
По сих словах тотчас схватил пизду за край.
Теперя, говорит, снесу тебя я в рай.
И стал ее на плешь тащить сколь было силы.
Пизда кричит: — Теперь попалась я на вилы.
Потом, как начал он себя до муда вбивать,
По всей ее дыре, как жерновы, орать,
Пизда, почувствовав несносное мученье,
— Умилосердися и дай мне облегченье,
Клянусь тебе, — кричит, — поколь я стану жить,
Почтение к хуям всегда буду хранить.
Однако жалоб сих не внемля хуй нимало
До тех пор еб, пока движенья в ней не стало.
А как увидел он, что чувства в ней уж нет,
То, вышед из нее, сказал: — Прости, мой свет,
И ведай, что хуи пред вами верх имеют,
Пизды их никогда пренебрегать не смеют,
Но должны к ним всегда почтение иметь,
Безотговорочно всегда давать им еть.
С тех самых пор хуи совсем пизд не страшатся,
Которы начали пред ними возвышаться,
И в дружестве они теперича живут,
Хуи пизд завсегда как надобно ебут.

По окончании сего толь славна бою
Прибегли все хуи к прехраброму герою,

Припадши, начали от радости кричать:

— Нам чем великого толь мужа увенчать,
Который весь наш род по-прежнему прославил,
Геройство же свое до самых звезд поставил.
Мы вместо лавр тебя пиздами уберем
И даже до небес хвалой превознесем.
Красуйся, наш герой, и царствуй над пиздами,
Как ты начальствуешь над всеми здесь хуями.

Справедливый суд

С мудами у хуя великой был раздор,
О преимуществе у них случился спор.

— Почтенья стою я, то всем уже известно,
Равняться вам со мной, муде, совсем невместно.
Муде отвечают: — Ты очень ложно мыслишь,
Когда не в равенстве с собою нас ты числишь.
Скажи, ебать тебе случалось ли хоть раз,
Где б не было притом с тобою вместе нас?

— В вас нужды нет совсем,— хуй дерзко
отвечал,—

Помеха в ебле вы,— презрительно вскричал.
Муде отвечают: — Хуй, знай, что то всё враки.
Шум, крик и брань пошла, и уж дошло до драки.
Соседка близь жила, что гузном называют.
Увидя, что они друг друга так ругают,
— Постой, постой,— ворчит,— послушайте хоть
слово,

Иль средства нет у вас без драки никакого?
Чтоб ссору прекратить без крика и без бою,
Советую я вам судиться пред пиздою.

Почтенного судью они избрали сами,
Престарую пизду с предолгими усами,

Котора сорок лет как еться перестала
И к ебле склонность всю и вкус уж потеряла,
Покрыта вся лежит почтенной сединой.
Завящивый сей спор решит ли кто иной?
Поверить можно ей: она не секретарь
И взятки не возьмет, не подлая то тварь,
Пристрастья ни к чему она уж не имеет
И ссоры разбирать подобные умеет.

Предстали спорщики перед судью с почтеньем,
Хуй начал речь тогда с великим огорченьем:
— Внемли, в слезах стою теперь перед тобой,
Муде предерзкие равняются со мной,
Я в награждение то ль должен получить
За то, что не щадил я токи крови лить?
Яснее чтоб мои заслуги показать,
Я, форме следуя, хочу все описать:

В тринадцать лет ети я начал обучаться
И никогда не знал, чтоб мне пизды бояться;
Еб прежде редко с год, потом изо всех сил
Чрез день, и всякой день, и как мне случай был;
Усталости не знал, готов был всякой час
И часто в одну ночь ебал по восемь раз.

Уж тридцать лет тому, как я ебу исправно
И лучшим хуем я считаю издавно.
Не раз изранен был я, пробивая бреши,
Имел и хуерык, и потерял полплещи,
Сто шанкероу имел и столько ж бородавок,

В средину попадал пизды я без поправок
И сколько переиб, исчислить не могу,
Свидетели во всем соперники: не лгу.

Все выслушав, пизда с прискорбностью сказала:
— Я ссоры таковой вовек не ожидала.
Когда я избрана судьбою заседать,
Молчите вы теперь, хочу я вам сказать:
Мне обвинить из двух нельзя вас никого,
Один хуй без мудей не значит ничего,
Вам вкупе надлежит вовеки пребывать,
А без того никак не может свет стоять.

Плач пизды

Элегия

Нещастная пизда теперь осиротела,
Сира, и вся твоя утеха отлетела,
Сира, и полны слез твои теперь глаза,
Ужасная тебя постигнула гроза,
Ужасная напасть совсем переменяла
Из радостной пизду печальной нарядила.
Утехи тем твои навек прешли теперь,
Навек должна теперь замазати я дверь,
Ту дверь, в которую в меня входила радость,
Всем чувствам моим неизреченна сладость.
К страданью лютому, к безмерной казни злой
Навек сомкнута я: се хуй скончался мой.
Скончался и лежит, бездышен горемыка,
Бездушен, недвижим от шанкер, хуерыка.
Уж нет того, уж нет, в пизде кто ликовал,
Взаимные кто мне утехи подавал.
Лежит бездушна плешь, лежит се пред глазами.
Неслыханная казнь, о! казнь под небесами,
Какой теперь ты мне дала собой удар,
Исчезла в хуе жизнь, простыл на еблю жар.
Любезной хуй, навек рассталась я с тобою,
Навек, увы! и ты не свидишься с пиздою,
Не будешь ты во мне гореть, краснеть и рдеть,

Уж в аде не дадут тебе, ах, хуй, поеть.
О! грановита плешь, котора всех прекрасней,
Ты сделала меня теперя всех несчастней,
Ты сладость мне вкусить свою, ебя, дала,
Ты кровь во мне огнем приятнейшим зажгла,
Но ты ж теперь меня собою огорчила,
Заставила страдать, ты плакать научила.
Какую я себе теперь отраду дам,
Когда к твоим друзьям сто раз пришел к мудам,
Утех я в них себе ничуть не ощутила,
Напрасно лишь себя я только возмутила.
То как мне без тебя, ах! как на свете жить?
Подумать страшно то, пизде без хуя быть.
Подите от меня вы прочь, воображенья,
И не давайте в мысль преступного прельщенья,
Как будто можно мне кишкой себя пехать
И, глубже в губы перст засунув, ковырять,
Тем равное себе снискати утешенье,
Какое хуем я имела восхищенье.
О! мысль глупейшая порочнейших людей,
Распутной мерзости всесветнейших блядей,
Из ада вышедши, из тартара кромечна,
У чорта из штанов, о! мысль бесчеловечна!
Не можно мне к тебе отнюдь преклонной быть,
Без хуя чтоб себя я стала веселить.
Я ввек не соглашусь принять те грубы нравы
К затмению твоей, о хуй любезный, славы,
Что будто без тебя возможно обойтись,
Мне перстом иль кишкой досыта наетись.
Природного в себе не внемля побужденья,
Лишать тебя собой достойного почтенья,

Ах, нет! конечно нет, и это лишь мечта,
Несытейших блядей напрасна суета,
Которою они, весь вкус уж потеряя,
Стараются его найти, пренебрегая.
О, солнце! ты дано одно нас освещать,
Питать собою тварь, собою украшать.
Так если без тебя не может тварь пробыти,
Равно вот так пизде без хуя лъзя ль прожити?
Ты нужное для всей природы естество,
И хуй ради пизды потребно вещество.
Но, видя ты с высот теперь мое мученье,
Что с хуем мне пришло несносно разлученье,
Сокрой и не мечи свои на мя лучи,
Теки, свирепый мрак, из ада и мрачи;
Мне все одно пришло теперь уж умирати,
Без хуя ли мне быть иль свету не видати!
Прости, прекрасный хуй, прости, прекрасный свет!
Уж действует во мне битки претолстой вред!

Ветование хуй о плешу

Элегия

Восплачьте днесь со мной, портошные пределы,
Гузенна область вся, муде осиротелы,
Дремучий темный лес, что на мудах растет,
Долина мрачная, откуда ветр идет,
Восчувствовавшие бобонами мученье
Пахи несчастные! С задору и терпенья
Ты, чашник на портках, ты, гулфик на штанах,
И вы, сидящие блощицы на мудах,
Восплачьте днесь со мной, восплачьте, возрыдайте,
Коль боли нет у вас, так хую сострадайте!
Румянейшая плешь, злосердную судьбиной
Лишился я тебя, мой друг, мой вождь любимой!
Свирепа от меня тебя, ах! смерть взяла,
Прелютым шанкером, плешь, прочь ты отгнила.
О, нестерпима боль! о, злейшее мученье,
Чего лишился хуй в твоём, ах, разлученье!
Всего меня могло что токмо веселить,
Всего не можно мне лишь то изобразить.
О, рок! кроме ран, которыми терзаюсь,
Окроме струпов тех, которыми строгаюсь,
Окроме той беды, что гниль мне нанесла,
Лишился я тобой приятна ремесла,
Того, которым я всегда одушевлялся
И коим в тьме утех дражайших наслаждался,

Лишился... Небеса! пизда не даст мне еть,
Ах! можно ль хую быть без ебли и терпеть?
Нет, даст! Отчаянье мое в том есть напрасно,
Коль кочнем уж пизда ебется также сладно,
Так что ей нужды в том, что плешу нет моей?
Чесаться все равно, чем ни чесаться ей.
Конечно, так. О, нет! ты представленье лестно,
Мечтательная мысль: что создано совместно,
То должно уж всегда совместно пребывать.
Так как же будет хуй без плешу работать?
Свиреп мой рок, свиреп, и зла моя судьбина,
Напасть моя ничем тепер не излечима.
Оставить должно то, что радость мне иметь,
Веселье мне прошло, я должен грусть терпеть.
Коль бедная битка оставлена от плешу,
Нельзя тебе уж еть, не токмо пробить бреши.
Не вкусишь никогда вкушаемых утех,
Пиздам тепер не хуй, а более ты смех.
Но что пиздам! Нельзя страсти и малакейки,
Погибли все мои прошедшие затейки.
Тем бедствием, познал которое я днесь,
Пребуду несчастлив тепер во век мой весь
И в крайность лютую и тучу повергаюсь,
Неизьясненно зло, чего тобой лишаюсь.
Рассеяна вся мысль, и ум исчез весь мой,
Ах, как расстался я уж с плешью дорогой,
С тобой расстался я, багряная елдина,
С тобою, спутница моя неизменима;
Тебя уж нет со мной, и твой сокрылся зрак,
Без плешу палка стал тепер я, не елдак.

От хуя пизда

Эпистола

Прости мою вину, почтенная пизда,
Что днесь осмелилась писать к тебе елда.
Хуй чести знать тебя еще хоть не имеет,
Однако почитать достоинство умеет.
Он слышит о тебе похвальну всюду речь
И для того к себе он в дружбу мнит привлечь.
В таких же чтоб об нем ты мненьях пребывала,
Какие ты ему собой, пизда, влияла,
Желание его ни в чем не состоит,
Лишь только б изъяснить, как он всегда стоит,
Тобою ободрен, как крепость получает,
Как новые тобой утехи ожидает.
Как в мысль его, пизда, лишь только не ¹прийдешь,
Из мысли ты его никак уж не уйдешь.
Колико с горести ручьев ни проливает,
Что долго он твою приязнь не получает,
Не знаю я причин тех праведных сказать,
Чем можешь ты меня так много побуждать.
Куда ни обращусь, всё власть твою являет,
И всё меня к тебе насильно привлекает.
Наполнен страстью ум: как на плешь взгляд взвожу,
Везде тебя, пизду, в природе нахожу.
Муде, мои друзья, последнее создание,

Имеют внутри к тебе сердечное желанье.
Послышат где тебя, отдыху не дают
И склонности свои в меня тотчас лиют.
Твердят они, чтоб я с тобою повидался,
Припад чтобы к тебе, с тобой поцеловался
И слезным с радости потоком омочил,
К своим чтобы тебя приязням приучил.
Они же искренно хотят тебя обнять,
Уста твои к себе бессчетно прижимать.
Итак, скончав, прошу: прими сие писанье,
Почтенная пизда, которого желанье —
Лишь в дружбе чтоб тебе быть с хуем, изъяснить,
А хуй тебя давно, пизда, достойно чтит.

От пизды хую

Эпистола

Могущая елда, сияюща лучами,
Имеюща приязнь с почтенными мудами,
Писание твое принять имела честь
С восторгом радостным и оно прочесть.
Прочетши ж оно, творю благодаренье
За то, что многое ты изъяснил хваленье,
Которого, однак, совсем не стою я.
Чем ласковость твоя почтила так меня?
Приязни, хуй, со мной ты ищешь заведенья,
Колико на мое попал ты вожделенья.
Сама уже того желает уж пизда,
Чтоб мне была твоя знакома бы елда,
И с нею чтобы я имела обхожденье,
Вседневное к себе с мудами посещение.
Нельзя здесь описать той радости моей,
Какую получу я, встретивши друзей.
Ты пишешь, хуй, ко мне, что будешь целоваться,
С мудами буду что бессчетно обниматься.
Но слабости пизды ты должен, хуй, простить,
Что так красно она не может изъяснить
Витийствами, твоя как плешь преиспещрена.
Довольно скажет так пизда тебе смиренна:
Не буду, свет, тебя я просто лобызать,

Но буду я тебя в засос, хуй, целовать,
А будущим с тобой друзьям твоим, мудам,
На волю обнимать я им себя отдам.
Светлейшая елда, такое-то почтенье
Имеет за твое пизда благодаренье.

Приап

Эпистола

Приап, живитель пизд, восста́витель хуёв,
Твои дела воспеть не достаёт мне слов.
Через тебя хуи победами гордятся,
И целки чрез тебя мошнами становятся.
Се с просьбой пред тобой ебака предстоит,
Которого теперь надежда верна льстит,
Что в предприятии его ты не оставишь
И к проебению на путь его направишь.
В подобных случаях его ты наставлял,
С довольной храбростью он целок раздирал,
Через тебя всегда победой он гордился,
Не сделай, чтобы он теперь ея лишился.
На жертву се ему приведена пизда,
Зависит от тебя за подвиги те мзда.
Подай ты столько сил сей целочки к попряню,
Подай ему ты сил трудов его к скончанью
И сделай, чтобы век ты славился от нас,
Чтоб равно мог и он хвалить тебя в сей час,
Который к ебле ты ему определяешь,
В который всем хуям ты ярость посылаешь.
Подай теперь его ослабшим жилам яр
И в целочку всели ты равномерный жар.
И так в надежде той он к делу приступает,
Тобою ободрен, ети он начинает,
А я все приложу старанье описать,
Как с силой он твоей свой тцился хуй впехать.

Приап

Ода

I

Парнасских девок презираю,
Не к ним теперь мой дух летит,
Я Феба здесь не призываю,
Его хуй вял и не сердит.
Приап, все мысли отвлекаешь,
Ты борзым хуем проливаешь
Заёбин реки в жирну хлябь.
Взволнуй мне кровь витийским жаром,
Который ты в восторге яром
Из пылких муд своих заграбь.

II

Дрочи всяк хуй и распаяйся,
Стекайтесь бляди, блядуны,
С стремленьем страстным всяк пускайся
Утех сладчайших в глубины.
О, как все чувства восхитились,
Какие прелести открылись;
Хуев полки напряжены,
Елды премногие засканы,
И губы нежных пизд румяны,
Любовной влагой взмочены.

III

Ах, как не хочется оставить
Драгих сокровищ сих очам,
Я весь мой век потщусь их славить,
Не дам умолкнуть я устам.
Златые храмы да построят
И их туда внести дозволят
Приапу и ебакам в честь,
Заёбин в жертву там расставят,
Хуев в священники представят —
Сей чин кому другому снести?

IV

Животные, что обитают
В землях, в морях, в лесах, везде,
Сию нам правду подтверждают —
Без ебли не живут нигде.
Пары вверху с парами трутся,
Летают птицы и ебутся;
Как скоро лишь зачался свет,
Пизды хуев все разоряют,
Пизды путь к счастью отворяют,
Без пизд хуям отрады нет.

V

Герои, вам я насмехаюсь,
Скупых я не могу терпеть,
Ничем в сем мире не прельщаюсь,
Хочу лишь в воле жить и есть.
Ахиллес, грады разоряя

И землю кровью обагряя,
Пизду зрит у Скамандрских струй.
Ну что же, мимо ли проходит?
Никак он прочит и наводит
В нея победоносный хуй.

Приап

Ода

I

Приап, правитель пизд, хуев,
Владелец сильный над мудами,
Всегда ты всех эти готов,
Обнявшись лежишь с пиздами.
Твой хуй есть рог единорога,
Стоит бесслабно день и ночь,
Не может пизд отбить он прочь,
Столь ревность их к нему есть многа.

II

Меж белых зыблющихся гор,
В лощине меж кустов прелестных
Имеешь ты свой храм и двор,
В пределах ты живешь чудесных,
Куда толпы хуев идут,
Венчавши каждый плешь цветами,
Плескают вместо рук мудами,
На жертву целок, пизд ведут.

72

III

Твой храм взнесен не на столбах,
Покрыт не камнѐм, не досками,
Стоит воздвигнут на хуях,
И верх украшен весь пиздами.
Ты тут на троне, на суде
Сидишь, внимаешь пизд просящих,
Где вместо завесов висящих
Вкруг храма всё висят муде.

IV

Но что за визг пронзает слух,
И что за токи крови льются,
Что весел так Приап дух?
Все целки перед ним ебутся.
Тут каждый хуй в крови стоит,
Приапу в честь пизды закланны
В слезах, в крови лежат погранны,
Но паки их Приап живит.

V

Подобясь тут хуи жрецам,
Внутри пизд пронзенных проникают
И, секая коснувшись там,
Беды велики предвещают
Пиздищам старым и седым,
За то, что рот разинув ходят,
Хуям что трепет, страх наводят,
Что тлеть их будет вечно дым.

73

VI

Но самым узеньким пиздам,
 Которы губы ужимают
 И сесть боятся вплоть к мудам,
 Беды ж велики предвещают,
 Что толстый хуй их будет еть,
 Длинной до сердца их достанет,
 Как шапку, губы их растянет,
 Тем будут, бедные, ширеть.

VII

Хуи, предвестники злых бед,
 Жрецы ебливого Приапа,
 Се идет к вам хуй дряхл и сед,
 Главу его не кроет шляпа,
 Лишь ранами покрыта плешь,
 Трясется и сказать вас просит,
 Когда смерть жизнь его подкосит,
 Затем он к вам сто верст шел пеш.

VIII

Приап, узрев его, и сам
 Ему почтенье изъявляет;
 Велика честь седым власам —
 Его он другом называет.
 Ударил плешью в пуп себя,
 Тряхнул мудами троекратно,
 Потряс он храм весь тем незапно —
 А всё, хуй старый, для тебя.

IX

— Скажи, старик,— Приап вещал,—
 Ты сделал ли что в свете славно?
 Кого, и где, и как ебал?
 Ебешь ли ныне ты исправно?
 Коль храбр ты в жизни своей был,
 Твой шанкер стерть я постараюсь,
 Твой век продлить я обещаюсь,
 Чтоб столько ж лет еще ты жил.

X

Старик, к ногам Приапа пад,
 Не слезы — кровь льет с хуерыком,
 Столь щедрости его был рад,
 Что стал в смущеньи превеликом;
 Подняв плешь синю, говорит:
 — Коль так ты правду наблюдаешь,
 Что жизнь за службу обещаешь,
 Твой правый суд мой век продлит.

XI

Внимай, Приап, мои дела!
 Я начал еть еще в младенстве,
 Жизнь в юности моя цвела —
 А еть уж знал я в совершенстве.
 Я тьмы ебал пизд разных лиц,
 Широких, узких и глубоких,
 Курносых жоп и толстощеких,
 Скотов ебал, зверей и птиц.

XII

Но лъзя ль довольну в свете быть
 И не иметь желаньев вредных?
 Я захотел и в ад сойтить,
 Чтоб перееть там тени смертных.
 Мне вход туда известен был,
 Где Стикса дремлющие воды,
 Откуда смертным нет свободы
 И где Плутон с двором всем жил.

XIII

Промеж двух зыблющихся гор
 Лежит предлинная лощина,
 Кусты, болота в ней, и бор,
 И преглубокая пучина,
 Тут страшна пропасть возле ней
 На свет дух смрадный изрыгает,
 Дым с пылью, с треском извергает,
 Тем мерзко есть коснуться ей.

XIV

Я смело в пропасть ту сошел,
 Насколь тут дух был ни зловонен,
 К брегам который Стикса вел,
 И сколь Харон был своеволен,
 Без платы в барку не впускал,
 Со мною платы не бывало,
 Уеть мне стара должно стало,
 И тем я путь чрез Стикс сыскал.

XV

Потом, лишь Цербер стал реветь,
 Лишь стал в три зева страшно лаять,
 Я, бросившись, его стал еть,
 Он ярость должен был оставить
 И мне к Плутону путь открыть.
 Тут духов тьмы со мной встречались,
 Но сами, зря меня, боялись:
 Для ебли стану их ловить.

XVI

В пещере темной был Плутон,
 Сидел на троне с Прозерпиной,
 Вкруг их был слышен винных стон,
 Которы строгою судьбиной
 Низвержены навек страдать.
 Тут в первый раз мне страх коснулся,
 Я, зря Плутона, ужаснулся
 И весь был должен задрожать.

XVII

Богиня, сидя близ его,
 Всем бедным милости просила,
 Но мало зрилось ей сего:
 Взяв в руки, хуй его дровича
 И тем смягчала его гнев,
 Тем ярость в милость претворяла,
 Тем многих бедных избавляла
 От фуриев, трех адских дев.

XVIII

Но кто не будет верить в то,
 Пусть сам во ад сойдет к Плутону,
 Он видел сам и был при том,
 Как еб я страшно Тизифону,
 У коей вместо влас змеи,
 Разбросясь, вокруг пизды лежали,
 Вились, бросались и свистали,
 Стреча иссохши лядвии.

XIX

Тем страждет плешь моя от ран,
 С тех пор блюю я хуерыком,
 Се ясен правды знак мне дан,
 Что я в труде был превеликом.
 Хоть больше всех был сей мой труд,
 Но адска фурия призналась,
 Что век так сладко не ебалась,
 И слезть уж не хотела с муд.

XX

Потом, как я с нее сошел,
 Изгрызен весь пизды змеями,
 Еще ее сестер нашел,
 Они пред мной поверглись сами,
 Я их был должен перееть,
 Раз еб Алекту, раз Мегеру,
 Потом уеб я и Химеру,
 Но тем не мог ни раз вспотеть.

XXI

Я муки в аде все пресек
 И тем всем бедным дал отраду,
 Ко мне весь ад поспешно тек,
 Великому подобясь стаду.
 Оставя в Тартаре свой труд,
 И гарпии, и евмениды,
 И демонов престрашны виды —
 Все взапуски ко мне бегут.

XXII

Я, их поставя вокруг себя,
 Велел им в очередь ложиться,
 Рвался, потел, их всех ебя,
 И должен был себе дивиться,
 Что перееть я мог весь ад,
 Но вдруг Плутон во гневе яром
 Прогнал их всех жезла ударом,
 Чему я был безмерно рад.

XXIII

О, сила, храбрость, слава, труд,
 Которы мне венец сплетали.
 О, твердость, бодрость моих муд,
 Со мной вы вместе работали!
 К Приапу станьте днесь пред трон,
 Свидетели моим трудам:
 Плутон ебен был мною сам,
 Вы зрели, что то был не сон.

XXIV

Вы зрели, что Цереры дочь,
 Богиня ада Прозерпина,
 Отверзла мне горящу дверь,
 О, счастья полная судьбина.
 Такой красы я не видал,
 Какую видел в Прозерпине,
 Какая узкость, жар в богине,
 Такой пизды я не ебал!

XXV

Лице ея как уголь горел,
 Все члены с жару в ней дрожали,
 Я, глядя на нее, сам тлел,
 Во мне все жилы трепетали.
 Белее мрамора меж ног
 Вздымался вверх лобок прелесный,
 Под ним был виден путь сей тесный,
 Что столь меня пленил и жог.

XXVI

О, путь, любезнейший всем нам,
 Ты наша жизнь, утеха, радость,
 Тебя блажит Юпитер сам,
 Ты нам даешь прямую сладость,
 Ты сладки чувства в сердце льешь,
 К тебе мысль всех живых стремится,
 Тобой вся в свете тварь пленится,
 Ты жизнь отъемлешь и даешь.

XXVII

Разнявши губы, промеж ног
 Богиня пледь мою вложила,
 Тогда хуй крепок стал, как рог,
 Как лук, напряглась моя жила.
 Я, двигнувшись, вошел внутрь сам,
 Меня она поприжимала,
 Мне столь проворно подъебала,
 Что я везде совался там.

XXVIII

Во всякой раз, как вверх всходил,
 Как вниз отголе испускался,
 Я сладость нову находил,
 Во мне дух тлел и задыхался,
 Но как в жару я самом был,
 Столь многу вдруг вкусил я сладость,
 Что я, сдержать не могли радость,
 Ручьи внутрь млечные пролил.

XXIX

Плутон, завиствуя мне в том,
 Велел мне выгнать вон из ада,
 Я вдруг оставил его дом,
 Не зря уже чудовищ стада.
 Лишь мной опять ебен Харон
 И пес трехглавый, страж Плутона,
 Не чувствовал мук бедных стона,
 Я шел к тебе предстать пред трон.

XXX

С тех самых пор согнясь хожу,
 С тех пор я чахну и слабею,
 Трясется плешь и сам дрожу,
 Не смею етъ, боюсь, робею.
 Пришел к тебе, Приап, просить,
 Чтоб ты, воззря на скорбь и раны,
 Мне в аде фуриями даны,
 Потщился щедро излечить.

XXXI

Приап, услыша столько дел,
 Плескал мудами с удивленья,
 В восторге слыша речь, сидел,
 Но вышед вдруг из изумленья,
 — Поди ко мне, друг мой, — вещал, —
 Прими, что заслужил трудами. —
 Призвав его, накрыл мудами
 И с плещи раны все сынал.

XXXII

Пришел тем в юность вдруг старик,
 Мудами бодро вострепенулся,
 Вдруг прям стал, толст он и велик,
 Приап сам, видя, ужаснулся.
 Чтоб с ним Плутона не был рок,
 Его в путь с честью отпускает.
 Идет, всем встречным не спускает
 И млека чистого льет ток.

XXXIII

Одна пизда, жив со сто лет,
 Пленясь Приапа чудесами,
 Трясется, с костылем бредет,
 Приапа видит чуть очами,
 Насилу может шамкать речь:
 — Услышь, Приап, мои все службы,
 Просить не смею твоей дружбы,
 Хочу на милость лишь привлечь.

XXXIV

Как юны дни мои цвели,
 Во мне красы были столь многи,
 Что смертны все меня ебли,
 Ебли меня и сами боги.
 Лет пять уж етца не могу,
 А проеблась я в десять лет,
 Теперь уж мне не мил стал свет,
 То правда, я тебе не лгу. —

XXXV

Приап ее на хуй взоткнул,
 Власы седые взял руками
 И оную долой столкнул,
 И с черными уже усами.
 Когда б ты мог, Приап, в наш век
 Должить нас чуды таковыми,
 К тебе бы с просьбами своими
 Шел всякий смертный человек.

Бахусу

Ода

I

Отраду шумного народа,
Красу дражайшая толпы
Воспой в рылях и бубнах, ода,
Внемлите, блохи, вши, клопы!
Рассей ты ныне мысли пьяны,
О, ты, что рюмки и стаканы,
Все плоски, бочки, енды
Великою объемлешь властью,
Даешь путь пьяницам ко счастью,
Из буйной гонишь страх главы.

II

Вина и пива покровитель,
К тебе стремится шум гудка,
Трактиров, кабаков правитель!
И ты, что борешься с носка,
Боец кулашный, и подьячий,
Все купно с алчностью горячей
Разбитый кулаками слух
К сей красной песне приклоните
И громкой похвале внемлите,
Что мой воображает дух.

III

Се Бахус, что во всех забавах
Своей возвысив славы рог,
Во градах, весях и дубравах
Щедроты своя в залог
Воздвигнул алтари и храмы,
Где взятки целыми мешками
Ему на жертву отдают,
Хвале покровы их внимая
И воплем воздух раздирая,
Дружатся, бьются, пьют, поют.

IV

Дремучего превыше леса,
Ходячих ниже облаков
Внося препьяного Зевеса,
Уж веки провели веков.
Исполнившись досыта хмелю,
Врут про Ерему и Емелю,
Пока все дело разрешат;
До сильного ж достигши спору,
От нестерпимого задору
В любви друг друга задушат.

V

Солдат о службе тут не тужит,
Хоть с грошем, стал быть, генерал,
Кулак ему с ефесом служит,
Чтоб страх геройством побеждал;
Единым помахавши усом,

Он Геркулеса сделал трусом
И стойку взором всколебал.
Подобясь сильному герою,
Отнюдь он не боится строю,
Что пышною спиной попрал.

VI

Язык и разум изостривши,
Тут ябедник бежит на суд,
Вдруг все крючки в свой ум вперивши,
За правду выступает плут;
Служа и правым и виновным,
Пример дает делам любовным,
И как Елена красотой
Троян и греков воспалила,
Хотя всем купно ею льстила,
Так плут душою льстит простой.

VII

Источник благостей толиких,
Вдруг составляя брань и мир,
Из малых делаешь великих,
Меняешь с рубищем мундир.
Дородством иногда и туком
Или по ребрам частым стуком
Снабжаешь всех, кто чтит тебя.
В сей краткой песне долг последний
Тебе отдавши, всяк безвредный
Да будет, Бахуса любя.

*Ода
Фомину понеделнику*

I

Настал нам ныне день желанный,
Сбирайтесь народы в храм,
Сбирайтесь, рабы избранны,
Сам хуй нас ожидает там,
К себе нас днесь он созывает,
На еблю род весь возбуждает,
Он будет истинный судья,
Пойдем с дрочеными хуями,
Он всех нас оделит пиздами,
Пиздой всегда пленяюсь я.

II

Веселы лица мне являют,
Что ебли день настал для всех,
Пизды теперь себя ласкают,
Что насладятся тьмой утех,
Они уж семь недель постились,
Теперь с хуями все сразились,
Но кто ж победу одержал?
Хуи заёбины блевали,
Пизды проворно их глотали,
Приапov день их с тем застал.

III

О, день сладчайший, день избранный,
Тебя посадские все чтут,
Для пизд, хуев ты день желанный;
Ликуй, что все в твой день ебут.
Купцы пивищем все опьются,
С женами в банях разьебутся,
А я, хоть пива и не пью,
Но в ебле оным подражая
И сладость хуя почитая,
Хуй вплоть до муда в пизду забью.

IV

Коль кто не хочет быть бездельник,
То следуй мудрым сим словам:
Ебите в туров понедельник
И сладку дайте дань хуям,
Пиздой хуи вы ободрайте,
Пизды хуями одобряйте,
От пизд не отлезайте прочь,
В сей понедельник все ебитесь,
За трудный пост тем насладитесь,
Чтоб в ебле вас застала ночь.

V

Но что за шум мой слух пройзает
И сладкий мне наносит глас?
— В сей день ебитесь, — он вещает, —
В сей день я всех утешу вас.

Все на пизды хуи влезайте,
С пизды веселье вы собирайте,
Плотней, до муда, в пизду хуй лезь.
Муде, по жопе восплещите,
Хуи, в весельи возопите:
О, коль прещастливы мы днесь!

*Славному ебаке
на проевение целки*

Ода

I

Оконча все обряды брака,
К закланью целочку ведут,
Тебе, о славный наш ебака,
Ее на жертву отдают.
Ложись, еби и утешайся,
Вовек пиздами прославляйся
И целки в глубину войди,
Будь храбр, всю робость оставляя,
Такую вещь предпринимая,
Ты сам себя не остыди!

II

Ты зришь велико награжденье
За многие твои труды
И приведенны на мученье
Судьбиной узкия пизды.
Не должно ли тебе потщиться,
Ужель твой хуй не разъярится
На столь прекраснейший предмет?
Ужель ты сильно еть не станешь
И храбрости той не докажешь,
В которой целки хуй твой рвет?

90

III

Пиздам приятно утешенье,
О, хуй, источник всех утех,
В пиздах вселяешь ты мученье,
Ты производишь в них и смех.
К тебе я песнь свою склоняю,
Твои дела я выхваляю
И ими весь наполню слух.
Подай, о муза, наставленье,
Дабы имел я ободренье,
Впехни в меня ебливый дух.

IV

Какой глас жалкий раздается,
Какой пизду объемлет страх,
Мошна ее тем боле рвется,
Чем дале хуй в ее устах.
Она зрит бед своих причину
И на растерзанну судьбину
Без слез не может посмотреть.
Пизда вся кровью обагрилась,
Пизда всех сил своих лишилась,
Ебака продолжает еть!

V

Он жалоб целки не внимает,
Пизду до пупа он дерет,
Престрашный хуй до муд выпускает
И в ярости ужасной ржет.
Пизда не знает, куда деться,

91

Пизда от робости трясется
И устает уж подъебать;
Ебака наш лишь в силу входит,
Пизды от яру не находит
И начинает трепетать.

VI

Хотя б пизд со сто тут случилось,
Он всем бы сделал перебор,
Лишь место кровью б обагрилось
И всех бы устрило взор.
Он от часу в задор приходит,
Предмета боле не находит,
Кого бы можно растерзать,
В болезнь от ярости впадает;
Пизда ту ярость умножает
И тщится хуя раздражать.

VII

Ебакиной признак забавы
Вовек останется в пизде,
Дела, наполненные славы,
Гремят бессмертием везде.
Ты имя заслужил героя,
Для пизд лишаяся покоя,
Как на себя сей труд берешь,
Ты в ужас целок всех приводишь,
Великий страх на них наводишь,
Когда одну из них дерешь.

VIII

Какая красота явилась,
Сколь оной был ебака рад!
Пизда по шею заголилась,
Приятный обратя свой зад;
Она тем ярость утоляет,
Как хую жопу подставляет.
Боль нову чувствуя, кричит,
Кричит, вопит и жалко стонет,
Но в жопе хуй тем больше тонет
И по муде уже забит.

IX

Ебака жалости не внемлет,
Добычей пользуясь такой,
Руками щоки жопы треплет
И хвалит толь предмет драгой.
Он в ярости не различает
И жопу за пизду считает,
Вкушая в ней такую ж сласть.
Пизда погибель узнавает
И совершенной почитает
Свою наставшую напасть.

X

Ебака, храбрость доказавши,
Свой хуй из задницы тащит,
В ней плешь багряну замаравши,
И хуй от ярости трещит.
Чем боле плешь багряна рдеет,

Тем более пизда робеет,
Бояся в третий раз страдать.
Престрашный пуще хуй ярится
И над пиздою хоробрится,
Котора еть не может дать.

XI

Он зрит в прежалком состояньи
Пизденку, приведенну в страх,
И что иметь не может дани
От целки, разьебенной в прах.
Свой рог в штаны он уклоняет
И вниз хуй твердый нагибает,
Покорствовать себе велит,
Но рог штаны те раздирает
И пламенну главу вздымает,
В штаны он гнуть себя претит.

XII

Ебака, видя непокорность
Престрашна хуя своего
И зря в штанах его упорность,
Держать руками стал его.
Пригнутый хуй достал колена;
Пизда, избавившись от плена,
Приятный показала вид,
Хотя мошна из целки стала,
Хоть век пизда так не страдала,
Она ебаку не винит.

XIII

По окончаньи проебенья
И жопы хуем, и пизды
За то достоин награжденья,
Достойн ты великой мзды.
Пизды в честь храм тебе состроят
И целками всю плешь покроют
Наместо лавровых венков,
Ты над пиздами величайся
И страшным хуем прославляйся,
Нешетных будь герой веков.

Кулачному бою

Ода

I

Гудок, не лиру принимаю,
В кабак входя, не на Парнас;
Кричу и глотку раздираю,
С бурлаками взнося мой глас:
— Ударьте в бубны, в барабаны,
Удалы, добры молодцы!
В тарелки, ложки, и стаканы,
Фабричны славные певцы!
Тряхнем сыру землю с горами,
Тряхнем синё море мудами!

II

Хмельную рожу, забияку,
Драча всесветна, пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Широкоплеча бурлака.
Молчите, ветры, не бушуйте,
Не троньтесь дебри, древеса,
Лягушки в тинах не шурмуйте,
Внимайте, стройны небеса.
Между кулачного я боя
Узрел тычков, пинков героя.

III

С своей, Гомерка, балалайкой
И ты, Виргилишка, с дудой
С троянской вздорной греков шайкой
Дрались, что куры пред стеной.
Забейтесь в щель и не ворчите
И свой престаньте бредить бред,
Сюда вы лучше поглядите —
Иль здесь голов удалых нет?
Бузник Гекторку — если в драку —
Прибьет, как стерву и собаку.

IV

А ты, Силён, наперсник сына
Семелы, ражий, красный муж;
Вином раздута животиная,
Герой во пьянстве жадных душ,
Нектаром брюхо наливаешь,
Смешав себе с вином сыты,
Ты пьешь, меня позабываешь,
Пить не даешь вина мне ты.
Ах, будь подобен Ганимеду,
Подай вина мне, пива, меду.

V

Вино на драку воспаляет,
Дает в бою оно задор,
Вино пизду разгорячает,
С вина смелее крадет вор,
Дурак, напившись, умнее,

Затем что боле говорит,
С вином и трус живет смелее,
И стойче хуй с вина стоит,
С вином проворней блядь встречает,
Вином гортань, язык вещает.

VI

Хмельной вакхант и целовальник,
Ты дал теперь мне пить, крючок;
Буян я сделался, охальник,
Гремлю уж боле как сверчок.
Хлебнул вина — разверзлась глотка,
Вознесся голос до небес,
Ревет во мне хмельная водка,
Шумит дуброва, воеет лес,
Трепещет твердь, и бездны бьются,
Пыль, дым в полях, прах, вихрь несутся.

VII

Восторгом я объят великим,
Кружится буйна голова;
Ебал ли с жаром кто толиким,
Пизда чтоб шамкала слова?
Он может представленья точно
Огню днесь сделать моему,
Когда в пизде уж будет сочно,
Колика сладость тут уму!
Муде пизду по губам плещут,
Душа и члены в нас трепещут!

VIII

Со мной кто хочет видеть ясно,
Возможно зреть на блюде как
Виденье страшно и прекрасно —
Взойди ко мне тот на кабак
Иль став где выше, на карету,
Внимай преславные дела,
Чтоб лучше возвестити свету:
Стена котора прогнила,
Которая склонилась с боем,
Котора тыл дала героям.

IX

Между хмельнистых лбов и рдяных,
Между солдат, между ткачей,
Между холопов бранных, пьяных,
Между драгун, между псарей
Алешку вижу я стояща,
Ливрею синюю спустив,
Разить противников грозяща,
Скулы имея, взор морщлив,
Он руки сильно простирает,
В висок ударить, в жабр жадает.

X

Зевес, сердитою биткою
По лбам щелкавши кузнецов,
Не бил с свирепостью такою,
С какой он стал карать бойцов:
Расквасивши иному маску,

Зубов повыбрал целый ряд,
Из губ пустив другому краску,
Пехнул его в толпу назад,
Сказал: — Мать в рот всех наебаюсь,
Таким я говнам насмехаюсь!

XI

Не слон ети слонику хочет,
Ногами бьет, с задору ржет,
Не шмат его в пизде клокочет,
Когда уж он впыхах ебет, —
Бузник в жару тут стоя рвется,
И глас его, как сонмов вод,
В дыре Плутона раздается,
И смертных всех трепещет род.
Голицы прочь, бешмет скидает,
Дрожит, в сердцах отмстить желает.

XII

Сильнейшую узревши схватку
И стену, где холоп пробил,
Схватил с себя, взял в зубы шапку,
По локти длани оголил,
Вскричал, взревел он страшным зевом:
— Небось, ребята, наши — стой!
Земля подвиглась, горы с небом,
Приял бурлак тут бодро в строй.
Уже камзолы уступают,
Уже брады поверх летают.

XIII

Пошел бузник тут, смежив вежды,
Исчез от пыли свет в глазах,
Летят клочки волосов, одежды,
Гремят щелки, тузы в боках.
Как тучи с тучами сперлися,
Огнем в друг друга мешут мрак,
Как сильны вихри сорвались,
Валят древа, туманят зрак —
Стеной на стену ударяют,
Меж щек, сверх глав тычки летают.

XIV

О, бодрость, сила наших веков,
Потомкам дивные дела!
О, храбрость пьяных человек,
Вином скрепленные чресла.
Когда б старик вас зрел с дубиной,
Который чудовищ побил,
Который бодрою елдиной
Сто пизд, быв в люльке, проблудил,
Предвидя сии перемены,
Не лез бы в свет он из Алкмены.

XV

Бузник подобен Геркулесу,
Вступил в размахку, начал пхать,
И самому так ввек Зевесу
Отнюдь мудом не раскатать.
Кулак его везде летает,

Крушит он зубы внутрь десен,
Как гром, он уши поражает,
Далече слышен вой и стон.
Трепещет сердце, печень бьется,
В портках с потылиц отдается.

XVI

Нашла коса на твердый камень,
Нашел на доку дока тут,
Блестит в глазах их ярость, пламень,
Как страшны оба львы ревут,
Хребты имеющие согбенны,
Претвердо берцы утвердив,
Как луки, мышцы напряженны,
Стоят, взнося удар пытлив,
Друг друга в силе искушают,
Махнув вперед, назад ступают.

XVII

Недолго длилася размашка,
Алешка двинул в жабры, в зоб,
Но пестрая в ответ рубашка —
Лизнул бузник Алешку в лоб.
Исчезла бодрость вмиг, отвага,
Как сноп упал, чуть жив лежит,
В крови уста, а в жопе брага,
Руда из ноздрь ручьем бежит,
Скулистое лицо холопа
Не стало рожа, стало жопа.

XVIII

На падшего бузник героя
Других бросает, как ребят,
Его не слышно стона, воя,
Бугры на нем людей лежат.
Громовой плешью так Юпитер,
Прибив Гигантов, бросил в ад,
Надвигнув Этну, юшку выгер —
Бессилен встати Энцелад,
Он тщетно силы собирает,
Трясет плечми и тягость пхает.

XIX

Как ветер развеял тонки прахи,
Исчез и дым, и дождь, и град,
Прогнали пестрые рубахи
Так в мах холопей и солдат.
Хребты, затылки оголенны,
Несут оне с собою страх,
Фабричны вовсе разъяренны,
Тузят в тычки их вслед в размах.
Меж стен открылось всюду поле,
Бузник не зрит противных боле.

XX

С горы на красной колымаге
Фетидин сын уж скачет вскоп,
Затем, что ночь провел в отваге,
Фату развесил иль платок:
Тем твердь и море помрачились.

А он с великого стыду,
Когда Диана заголилась,
Ушел спать к матери в пизду.
Тогда земля оделась тьмою,
И тем конец пришел для бою.

XXI

Главу подъяв, разбиты нюни,
Лежат в пыли, прибиты в пух,
Точат холопы красны слюни,
Возносят к небу жалкий дух.
Фабричны славу торжествуют
И бузника вокруг идут,
Кровавы раны показывают,
Победоносу песнь поют.
Гласят врагов ступленно жало,
Гулять восходят на кружало.

XXII

Уже гортани заревели
И слышен стал бубенцев звук,
Уже стаканы загремели
И ходят сплошь из рук вокруг.
Считают все свои трофеи,
Который что в бою смахал,
Уже пошли врасплох затеи,
Иной плясать себя ломал.
Как вдруг всё зданье потряслося,
Вино и пиво разлилося.

XXIII

Не грозна туча, вред носивша,
В ефир незапно ворвалась,
Не жирна влажность, огонь родивша,
На землю вдруг с небес снеслась —
Солдат то куча разъяренных,
Сбежав с верхов кабацких вмах,
Мечей взяв острых, обнаженных,
Неся ефес в своих руках,
Кричат, как тигры, устремившись:
— Руби, коли,— в кабак вломившись.

XXIV

Тревога грозна, ум мятуща,
Взмутила всем боязнь в сердцах.
Бород толпа, сего не ждуща,
Уже внесла трусливо шаг,
Как вдруг бузник, взывая смело,
Кричит: — Постой, запоры дай!
Взгорелась брань, настало дело.
— Смотри,— вопит,— не выдавай!
Засох мой рот, пришла отважность,
В штанах я с страху слышу влажность.

*Монаху,
или видение исповеди*

Ода

I

Каким виденьем я смущен?
В боязни дух и сердце ноет.
Я зрю, ах! хуй в пизду впущен,
Жена, стояща раком, стонет.
Без слез слаба она терпеть
Дыры трещашия раздранья,
От толстой плешу попиранья
Возносит глас: — Престань, о! еть!

II

Не внемлет плач, не чует страх,
Не зрит, что дух жены трепещет,
Ярься, ебет ее монах,
Храпит, меж бедр мудами хлещет.
Прекрепко движет меж лядвей,
Изо рту пену испускает,
Достать до почек ее чаёт,
Чтоб всласть скончать труды свои.

III

Мертва почти жена лежит,
Но плешь святого старца тамо,

106

Он слезть, пришедши в жар, не мнит,
Ебет еще ее упрямо,
Главой махая с клобуком,
Ревет как вол он разъяренный,
Что еть телицу устремленный,
Ничуть не слабшим елдаком.

IV

Едва души осталась часть
В жене, смертельно заебенной,
Святы отец, вкусивши сласть,
Предстал с молитвой умиленной
И, скверну с хуя счистя прочь,
Жену десницей осеняет
И так в смиреньи ей вещает:
— Восстань духовна с миром, дочь!

V

Теперь избавлена ты мной
Грехов от тягостного бремя
Моей святительской елдой,
С сего не будешь боле время
Во беззаконьях жизнь влачить,
Но, ставши мною уебenna,
Ты стала в святость облеченна,
Сподобившись мой хуй вкусить.

VI

Познав, священно ебена,
Жена желанну ту отраду,

107

От всех грехов что прощена
И что не должно боле аду
Уж ей страшиться наконец,
Последни силы собирает,
Глаза на старца обращает,
Вопив: — Святой, святой отец!

VII

Рекла и дух пустила свой,
Лежит тут тело умерщвленно,
Открыта жопой и пиздой,
В сраму, в крови все обагренно.
Монах изволил много еть,
Тем страстотерпица скончалась,
Вздыхнув, покойница усралась,
Когда невмочь пришло терпеть.

VIII

О ты, священный ермонах,
Счищающий грехи биткою,
Меня и вчуже обьял страх,
Как ты храбрился над пиздою.
Я муку всю хочю стерпеть,
А в век веков ради прощенья
От страшна хуя разъяренья
Тебе, монах, не дамся еть.

На день рождения Татьяны Васильевны

Ода

I

Встань, Ванька, пробудися,
День радости настал!
Скачи, пой, веселися:
На землю плод твой пал.
Где кровь твоя лилася —
Танюша родилася!
Умножилось число блядей.

II

Три выпей вдруг стакана
И водки и вина:
Да здравствует Татьяна,
Утех твоих вина!
Беги скорей умыться,
С похмелья ободриться;
На Лиговский спеша кабак.

III

А ты расти скорее,
Возлюбленная дочь,

Етись учись скорее,
Хуям отверзи дверь.
Хуев не ужасайся,
К ним бодро подвигайся,
Ты матушке последуй в том.

IV

Она едва достигла,
Танюша, возраст твой,
Как все хуи воздвигла,
Дроча их над собой.
Ног плотно не сжимала,
Послюнивши, впускала
Претолстый хуй дьячка Фомы.

V

Когда ж потом узнала,
Коль сладок хуй в пизде,
Подол всем подымала,
За грош еблась везде.
И ты тому ж учишься,
Смела будь, не стыдись,
Маши, не бойсь, ебись впрах.

VI

На то ведь ты родилась,
Пиздой чтоб промышлять.
И бабка не стыдилась
Дом твой тем пропитать.

Ведь по миру б ходила,
Скитаясь бы просила
Под окнами от алчбы хлеб.

VII

Послушай, свет, Танюша,
Жаль дать свиньям твой цвет.
Твоя мне, ах, махнуша
От зависти все рвет!
Не мужикам то пицца —
Годится им пиздища
Ужасная жены моей.

VIII

Так время не теряя,
К нам в Питер поспешай,
Скачи, скачи скоряе,
Найдешь здесь прямо рай.
Есть некто, мне приятель,
Лихой всех объебатель,—
За первый раз даст пять рублей.

IX

Он счастье нам устроит,
В замужство даст тебя.
Награду тем удвоит,
Потеша сам себя.
Слыть будешь копиистша,

Потом канцеляристка,
Столь знатному я буду тесть.

Х

Весь род наш тем достанет
Прославиться навек,
Просить меня тот станет,
Плетьми сперва кто сек.
Пизды твоей доброта
И ёбаров щедрота
Вдруг бедных нас обогатят.

На отъезд в деревню Ванюшки Данилыча

Элегия

С плотины как вода, слез горьких токи лейтесь.
С печали вы, друзья, об стол и лавки бейтесь,
Как волки, войте все в столь лютые часы,
Дерите на себе одежду и власы!
Свет солнечный, увы, в глазах моих темнеет,
Чуть бьется в жилах кровь, всяк тела член немеет.
Подумайте, кого, кого нам столько жаль,
Кто вводит нас в тоску и смертную печаль?
Лишаемся утех, теряем все забавы.
Отецская власть, раскольничьи уставы
В деревню Ваньку днесь влекут отсюда прочь.
Ах! снести такой удар, конечно, нам не в мочь.
О, лютая напасть! О, рок ожесточенный!
Тобою всех сердца печально поражены.
С пучиной как Борей сражается морской,
Колеблются они, терзаются тоской,
Трепещут, мучатся, стон жалкий испускают,
С деревней Ярославль навеки проклинают.
Провал бы тебя взял, свирепый черт-отец,
Бедам что ты таким виновник и творец.
Ах, батюшка ты наш, Данилыч несравненный,
Стекланный изумруд, чугуна не оцененный,
Наливно яблочко, зеленый виноград,

Источник смеха, слез и бывших всех отрад!
Почто, почто, скажи, нас, сырых, оставляешь?
В вонючий хлев почто от нас ты отъезжаешь?
Отъемля навсегда веселье и покой,
Безвременно моришь нас смертною тоской.
Неужели у нас вина и водки мало?
Ликеров ли когда и пива не ставало?
С похмелья для тебя не делали ль солянки?
И с тешкой не были ли щи-волвянки?
Не пятью ли ты в день без памяти бывал,
Напившись домертва, по горницам блевал?
В Металовку тебя не часто ли возили?
Посконну курею с чухонками драчили!
Разодранны портки кто, кроме нас, чинил?
Кто пьяного тебя с крыльца в заход водил?
Понос, горячка, бред когда ты истощали,
Не часто ли тогда тебя мы навещали?
Не громко ль пели мы в стихах твои дела?
Не в славу ли тебя поэма привела?
Противна ли тебе усердна наша дружба,
Любовь, почтение, пунш, пиво, водка, служба?
Чем согрели мы, о, небо, пред тобой,
Что видим такову беду мы над собой?
С кем без тебя попить, поесть, с кем веселиться?
С кем в карты поиграть, попеть, шуметь,
резвиться?
Разглядя бороду и высуча уски,
Искали мы площади и рвали их в куски.
Прекрасные уж кто пропляшет нам долины?
Скачки в гусарском кто нам сделает козлины?

Кто с нами в Педергоф, кто в Сарское Село?
Куда ж тебя теперь нелегко понесло?
Забавно ль для тебя дрова рубить в дубровах,
В беседах речь плодить о клюкве, о коровах?
Хлеб сеять, молотить, траву в лугах косить,
Телятам корм в хлевы, с реки ушат носить,
За пегою с сохой всяк день ходить кобылой,
Спать, жить и париться с женой, тебе постылой.
Обдристаны гузна ребятам подтирать,
Люлокать, тешить их, кормить, носить, качать.
Своими называть, хотя они чужие —
Неверности жены свидетельства живые.
С мякиной кушать хлеб, в полях скотину пасть,
От нужды у отца алтын со страхом красть.
С сверчками в обществе пить квас всегда окислый,
От скуки спать, зевать, сидеть с главой повислой,
Лишь в праздник станешь есть с червями ветчину,
И рад ты будешь, друг, простому там вину.
Увидишь, как секут, на правож как таскают,
По икрам как там бьют, за подать в цепь сажают.
С слезами будешь там ты горьку чашу пить,
Оброк свой барину по трижды в год платить.
Отца от пьяного, от матери сердитой,
Прегадкия жены, но ревностью набитой,
Услышишь всякий час попрёки, шум и брань,
Что их ты худо чтить, жене не платишь дань.
Босой в грязи ходить ты будешь там неволей,
Драть землю, мало спать, скучать своею долей.
Не будет у тебя с попом ни мир ни лад,
Хоть записался здесь с отцом в двойной оклад.

Но что за глас теперь внезапно ум пленяет?
Какую, слышу, весть нам брат твой возвещает?
Каку перемену вдруг мы чувствуем в себе,
Надежды всей когда лишились о тебе?
О, радостная весть! Коль мы тобой довольны!
Каким восторгом днесь сердца и мысли полны!
Смягчился наконец наш рок ожесточенный:
Что слышу, небеса? О, день стократ блаженный!
Данилыча отец прокляту жизнь скончал.
Он умер, нет, издох, как бурый мерин пал.
Нас Ванька в Питере уже не оставляет,
Присутствием своим всех паки оживляет.
Минуту целую не осушал он глаз,
Повыл, поморщился, сказал «ох!» пять он раз:
— Анафема я будь, с Иудой честь приемлю,
Чтоб с места не сойтить, пусть провалюсь сквозь
землю,

Родителя коль мне теперь не очень жаль,
Хоть стар уже он был, и пьяница, и враль,
Что ж делать? Быть уж так, ведь с Богом мне не
драться,

Но пивом и вином пришло мне утешаться.
А ты днесь торжествуй, приморская страна,
С небес что благодать тебе така дана!
Гаврилыч, маймисты, прихожи богомолы,
Данилыча друзья, вседневны хлебосолы,
Вы, Красной, Лиговской, Горелой кабаки,
Полольщицы и вы, пьянюги бурлаки,
Ток пива и вина здесь щедро изливайте,
Стаканы, енды до капли выпивайте,

Пляшите, пойте все, весельем восхитясь,
Данилыч что теперь уж не покинет нас.
И ты, задушный друг, кабацкий целовальник,
Гортани Ванькиной прелестный полоскальник,
Веселья в знак ему огромный пир устрой
И с пивом свежую ты бочку сам открой.
В воронку затруби, трезвонь в котлы и плошки,
Пригаркни, засвищи, разыграй в гудок и ложки,
Руками восплеши, спустя портки скачи
И радость такову повсюду разомчи!

Выговор от любовницы к любовнику

Элегия

Тово ль я от тебя, возлюбленный, ждала
За то, что еть себя бесспорно отдала,
Что ласки все мои тебе я истощила,
Рукой твою битку всеночно что дровича
И в ебле завсегда старалась наблюдать,
Тебе чтоб сладости скорее в чувство дать?
Таким ли вот сие ты платишь награжденьем,
Что, не довольствуясь моей пизды блужденьем,
Другую ты себе ети еще избрал,
Со мной ты, бедною, сожитие прервал.
Пускай хоть не прервал, но точно презираешь.
В пизде ты у другой почаще, ах! гуляешь.
Неужто у нее моей добрей пизда?
Неужто у нее блистает, как звезда,
Что сильно ты в нее и много так влюбился?
Неужто твой в ней хуй отменно заходился
И сладости тебе отменные вливал,
Каких ты никогда, ебя мя, не вкушал?
Неужто у пизды её усы длиннее
И секель моего и лучше, и нежнее,
Неужто более в ней жару и огня?
Неужто подьебать гораздее меня?
И яростней она еще, как я, блужуся?

Ужель совсем пред ней я не гожуся?
Пускай то будет так, и я тебе скверна.
Но, скверной быв, тебе конечно уж верна.
Она же без тебя с другим всегда ебется,
Откуда шанкером и плешь твоя гниется,
И тяжкий купно хуй твой носит хуерык,
Затем что у нее от ебли пиздорык.
Познай, любезный мой, свое ты заблужденье,
Старайся от нее иметь освобожденье.
Я более тебе утех еще сыщу,
Сытей твою битку я еблей насыщу,
Как можно лучше я потщуся работати,
На мне чтобы тебе не много хлопотати,
Скорей еще твоя чтоб полилася кровь.
Почувствуй прежнюю, мой свет, ко мне любовь.
Почувствуй, ах! познай опять то вспламененье,
К котору до сего имел ты отвращенье.
Яви собой опять мне тьму своих утех,
Возобновят кои мне радости и смех,
Презренна быв тобой, которых я лишалась,
Без коих всякий час рвалась и сокрушалась.
Что прибыли тебе меня собой сушить,
Холодностью своей огонь во мне тушить?
Что прибыли, скажи, и чем я прослужилась,
Твою что дружбу зря, с тобою содружилась?
Не ты ль моя беда, не ты ль сурова часть,
Не ты ль моя вина, не ты ль моя напасть?
Ах, ежели сие, так кто ж тому виною?
Не ты ль огонь во мне зажег своей биткою?
Не ты ли сам сперва ко ебле поощрял,

Подсевши близ меня, рукою колупал
В пизде и сделал тем в крови моей движенье,
Подавши повод сам на еблю вожделенье?
Конечно, это так, вспомни сам, мой свет,
Потом и рассуди, винна я или нет.
Я сделалась тебе во всем тогда послушной,
На сердце положась, на нрав великодушный.
Совсем тебе, мой свет, я в руки отдалась,
И воля и покой твоей рукою взялась.
Но ежели меня в свои ты принял руки,
На что ж морить меня теперь со злейшей скуки.
Заставлена теперь тобою я страдать,
Без хуя, бедная, метаться, тосковать.
В неделю я с тобой пять раз лишь уебуса,
А прочие все дни говею и пощуся.
Ах! может ли так жить на свете хоть одна,
Которая б была так мало ебена?
Любовница и так во скуке пребывала,
Потоки горьких слез без хуя проливала.
Коль любишь ты меня, любезный, так люби,
Люби меня, мой свет, и более еби.
Оставь другую ты моей в спокойство страсти,
Во удовольствие моей махони пасти.
Оставь и докажи, что ты всегда правдив,
Язык что у тебя огнюдь совсем не лъстив.
Ведь помнишь, предо мной как ты ужасно клялся,
Досыта как меня в день еть ты обещался.
А клявшись предо мной, ты так ли мя ласкал,
Ты так ли припадал, ты так ли лобызал,
Ты так ли целовал, ты так ли мне, ах! зрился,

Каким теперь ко мне ты зверем очутился?
Оставь ж все сие, постыла коль тебе,
Коль зрит соперница подвластным ты себе,
Ебись, неверный, с ней, ебись и насыщайся,
Но злобной от меня ты вести дожидайся.
Кончая на хую моржом я свой век,
Скажу, что варвар ты, свирепый человек.
Пизду мою, ах! ты не мог удовлетворить
И тем меня в мой век счастливой сотворить, —
Ведь радости мои, утехи все в хую,
Я полагаю жизнь ведь в ебле всю свою,
И всё мое в тоске едино утешенье,
Чтоб хуем дорогим имети восхищенье.
Итак, прошу тебя еще я наконец:
Престань другую еть и чисти мой рубец.
Ах! сжался на мое, любезный, состоянье,
Пизды моей всяк час на горестно рыданье.
Познай текущий в ней от похоти рассол,
Познай и залупай мне чаще мой подол.
Воззри, любезный мой, как я изнемогаю,
Горю огнем каким и как я содрогаю,
Как еться я хочу, как чешется пизда.
Пришло мне говорить тебе уж без стыда:
Еби меня, утешь, битки твоей хотящу,
Любовным пламенем в пизде к тебе кипящу.
Поддай отраду мне, любезный мой, подай.
Забей в меня свой хуй, забей, не вынимай.

Феклиста

Элегия

Как только первой раз узрел тебя, Феклисту,
Вообразив себе твою махоню мпшисту,
И белых лишь твоих коснулся я колен,
Вспылали вдруг муде, елдак мой стал разжен,
Битка моя, вспрыгнув, и с силой необъятной
Ломилась сквозь штаны к твоей шенте приятной,
Багровая вся плешь, и мой раздулся ствол
И из глазу пустил от ярости рассол.
С того часа шентя мое тревожит жало,
Пушистой твой сычуг дерет на части скало,
И нет мудам моим покою никогда,
От вображения хуй ломит мой всегда.
Феклиста, ты, подав тоску моей жердине,
Смяхчись и не оставь меня в сей злой судьбине,
Пиздою ты своей умерь мой тяжелой рык,
Уйми ты щелью мой кровавой хуерык.
Я знаю про тебя: не подлая ты блятка
И часто у тебя с елдой бывает схватка,
И то, что у тебя не малая и пасть,
Но знай, что у меня против ея есть снасть.
Позволь лишь толстого вложить себе шафрану,
То плотно вычищу шестом твою я рану,
Я толсту колбасу в сычуг твой заколю,
Оглоблею в твоём твориле замелю.

Увидишь ты, что я умею как почванить,
Ядреною дудой зачну как барабанить,
Ошмарой пред, тобой себя не остыжу,
Как толстую мою кишку в тебя всажу,
Не будешь никогда ты мною недовольна,
Хоть сколько ни ярись, сама ты скажешь: «полно».
Не стану от тебя других скурех я чкать
И свайкой лишь твою литоною ушивать.
За чкваренье не дам я бляткам ни копейки,
Не буду от тебя трясти и малакейки.

А хуй свой весь пехай, сие приятно мне,
Приятней, ах! сто раз, как я еблась во сне.
Но нет, ты жалости в себе не ощущаешь
И нежных слов моих, драгая, не внимаешь.
Но что тому виной, и сам не знаю я,
Или твоим глазам презренна плешь моя?
Какие грубости, скажи, ты в ней находишь?
О, бедственной задор, ты сколько мук наводишь!
Когда бы я тебя в мудах не ощущал,
Я б дни мои доднесь в покое провождал.
Начало горести, конец ты и середина.
Тебя мне знать дала несчастная шмагина,
Тобою я узнал, сколь страсти жар велик
И сколько может гнуть тогда в крюк хуерык.
Но сколько ни мятусь и жалоб ни вещаю,
Я речь опять к тебе, драгая, обращаю:
Внемли, прекрасная, что я тебе скажу:
Я хуй мой наголо тебе весь покажу.
Возьми его рукой, косянися внизу жилы,
Авось-либо тебе черты те будут милы,
Которы верх его украсили и плешь.
Дражайшая моя, хоть тем меня утешь.
И естли щастлив я тобою столько буду,
В восторге ты узришь мою природну уду,
Взыграет мой елдак, восплещут и муде
И будут ждать часа, когда им быть в руде.
Я знаю, что тебя, мой свет, останавлиет;
Конечно, в памяти твоей грех обитает.
Сия химера, ах! не раз уже собой
Лишала красоты, утехи дорогой,

Но ты уже не в те дни родилась, взрастала,
Когда ложь меж людьми за правду обитала.
Когда ту истиной рассудок их считал,
Обман господствовал, плодами процветал.
Бывает грех на том, кто должность преступает,
А должность исполнять — тут грех не обитает.
Друг друга так любить, не должность ли велит?
Друг друга нам любя, кто ж етсья запретит?
Любовь, страсть нежная, природой в нас вливанна,
Должна ли чем она когда быть увенчанна?
Пол женской — храм ея, в его их чтит сердцах,
Но мужеск пол его находит в их пиздах.
В пизде любви венец, в пизде все совершенство,
В пизде все щастие, в пизде все и блаженство.
Дражайшая моя, вот истина, не ложь,
Дозволь уеть себя — сама ты скажешь тож,
Что нет приятнее внутри хуй ощущати,
Нет совершеннее утех, как подъебати.
Но естли я тяжел кажуся, свет, тебе —
Ляшь сверху на меня, восчувствуй хуй в себе,
Тем усугубится твое к ебкам желанье,
И придешь в жалость, зря мое ты подъебанье.
Захочешь лечь внизу, прибавить нежных сил,
Потоки пропусти, потоки так, как Нил,
Которой весь собой Египет напояет
И наводнением плоды он обещает.
Иль лутчей способ есть, без тягости чтоб еть
И удовольствие такое же иметь:
Ляшь задом ты ко мне, прекрасная, послушай:
Я постараюсь сбить мой хуй с твоею клушей,

Впущу его до муда и буду попираги,
Ты тягости себе не будешь ощущаги,
Лишь подвигайся ты плотнее ко мудам.
Ах, ах! — ты скажешь мне, — не масли по усам
Иль обмишулкою не попади ты в жопу,
Пехай, пехай в пизду свою мне жоску стопу!
Когда и сей тебе противен ебли план,
Всё уверение мое чтишь за обман,
Так можешь лечь со мной, дражайшая, и набок:
Вот ебля милая, о, коль восторг тут сладок!
Одна твоя нога пусть будет под моими,
Другую положи ты сверху над моими,
А я свои меж их как можно помещу,
Обняв тебя рукой, вертеться не пушу;
В махонюшку твою, драгую щелупину,
Впущу слепого я и лысого детину,
Который, бодрствуя, коснется нежных губ
И сделает себе путь мягок и не груб.
Что после и тебе полюбится, драгая,
И нежный секелек, еблыву сласть узная,
Нередко будет сам, нередко занывать
И хуя моего, яряся, ожидать.
Вот весь манер, как смертные ебутся.
Но вижу я, твои еще мысли мятутся.
Оставь смятение хоть на единый час,
Позволь себя уеть лишь только один раз!
И есть еще манер, как раком еться знаю,
Но то для подлости, драгая, оставляю,
В нем нежность не живет, ебутся так скоты,
Не разбираючи нежнейшей красоты.

Клянусь еще тебе и клятвы повторяю.
Что истинно тебя, не ложно уверяю:
Полюбится тебе, как стану еть тебя.
Душа моей души, ты мне милый себя.

Госпожа и парикмахер

Поэма

Не сила иногда пылающей любви,
У нас которая в крови,
Колеблет постоянство,
Смягчает и тиранство,
Старух и стариков в соблазн ведет
И всех умы во власть берет,
А нечто есть еще, сто крат того послаще,
Что в заблуждение людей приводит чаще,—
Нежнее нету сласти той,
Котора названа девичьей красотой.
Девушка ту красу в один раз теряет,
Потом к забавам дверь мужчинам отворяет.
Не может без сего любовь быть горяча,
Как без огня свеча.

А в сласти ж без любви приятность одинака,
Утешна сладость всяка.

И тем одно воображенья нежных дум
В восторг приводит дух и затмевает ум,
А сладость нежная любви не разбирает:
Нередко и пастух с дворянкою играет.
Тут нет любовничьих чинов
Ниже приятных слов.

Лишь жажду утоли, кто б ни был он таков.
Но только ли того?— бывает вся суть в мире —
Пол женский жертвует венериной кумире,
И утешает жен не муж, а кто иной,
Хороший и дурной:

Боярыню — чернец, француз — княгиню
Иль пусть хотя графиню.
И сто таких примеров есть, а не один.
Мужик такую ж веселит, какую господин.
Всех чаще у госпож те в милости бывают,
Которы учат их иль петь, иль танцевать,
Или на чем играть,
Иль кои волосы им нежно подвивают.
У барынь лишь одних то введено в манер,
Чтоб сладость без любви вкушать. И вот пример!

К боярыне богатой
Ходил щеголеватый
Уборщик волосов.
Не знаю, кто таков.

Ходил дней десять к ней или уж три недели,
Он часто заставлял ее и на постели.
А барыня, хотя б была непригожа,
Да имя — госпожа.

И новомодные уборы и наряды,
Умильные их взгляды,
И вольные с мужчинами обряды,
Приятная их речь

И в нечувствительном возмогут кровь зажечь.
О! сколь приятно зреть госпож в их беспорядке,
Когда они лежать изволят на кровати.

Приятный солнца луч сквозь завесы блеснит,
Боярыня не спит.

Вдова ее тогда иль девка обувает,
Чулочки надевает.

Какая это красота!

Сорочка поднята,

И видна из-под ней одна немножко

Ее прекрасна ножка.

Другая вся видна лежит.

Наружу нежно тело.

О, непонятно дело!

Лишь только чьим глазам представится сей вид,
Приятным чувством мысль в минуту усладит.

Потом боярыня, с постели встав спокойно,

Куда ни вскинет взор,

Все в спальне у нее стоят в порядке стройном:

С сорочкою вдова, у девок весь убор,

Там держит кофешенок чашку шоколаду,

Тут с гребнем перюкьер, все люди наподбор.

И повеления ждет всяк от ея взгляду.

Кто в спальню допущен, быть должен очень

смел,

Коль в милость к госпоже желает повтереться,

Он чтоб ухватки все те нужные умел,

Каким лишь лъзя от барынь понагертесья.

Французы смелостью доходят до всего,

И в пышну входят жизнь они из ничего.

Из наций всех у нас в народе

Одни французы только в моде.

А этот перюкьер несмел был и стыдлив,

Не так, как этот сорт живет, поворотлив.
Благопристойность им всегда тут наблюдалась,
Когда боярыня поутру одевалась
И обувалась.

Из спальни в те часы всегда он выходил,
Чем барыню на гнев нередко приводил.

Но гнев ее тогда был только до порога.

Прошло недель немного.

Уборщик к этому насилу попривык,

Он стал не дик.

Из спальни не бежит он в комнату другую,

Когда зрит госпожу в сорочке иль нагую.

Когда-то госпожа уборщику тому

Такое дело поручила

И научила

Мужчине одному

Пересказать о том, что им она пленилась,

А говоря, сама в лице переменялась.

Вид ясно показал, что дело о пустом

И нужда ей не в том.

Мысль женска слабости не может утаиться,

Когда она каким вдруг чувством воспалится.

Стремление ее все взор изображал,

Что жар в ней умножал.

Тут руку госпожа уборщику пожала,

Амурный знак давала,

Но ей в смущении казалось сего мало,

Отважности его она не подождала,

Нетерпеливо ей хотелось веселиться.

Тут стала госпожа с уборщиком резвиться.

И будто бы его, играя, обняла.
Потом еще, еще и много обнимала,
И тут, и там его хватала.
Стремилась вниз ее рука и то достала,
Что всех их распалает нежные сердца.
Исправно все нашла тотчас у молодца.
Но в этот только раз не сделала конца,
А только нежною рукой лишь подержала,
Сама от сладости дрожала.
Уборщик, стоя, млел.
Вообрази себе, читатель, эту муку,
В каком уборщик мой огне тогда горел,
Каким его дух чувством тлел.
Он также протягал дрожашую к ней руку
И уж открытую у ней грудь нежно зрел,
А так он был несмел,
Что к ней дотронуться не мог ни разу
И будто ожидал на то приказу.
Прошло так много дней.
Ходил уборщик к ней.
Им только госпожа себя лишь веселила
Так, как ей было мило.
Вдруг, лежа на софе, изволит затевать,
Чтоб голову у ней лежачей подвивать.
Уборщик исполнял ее охоту
И продолжал свою работу,
А барыня его тут стала щекотать,
Потом за все хватать.
И добралась вмиг к тому, для ней что нужно,
Играть ей с ним досужно.

Поступком эдаким уборщик стал вольней,
И начал он шутить и сам так с ней,
Как шутит с ним она. Он так же точка в точку
Отважился сперва боярыню обнять
И в грудь поцеловать,
А там и юбочку немножко приподнять,
Резвяся, посткрыл немного и сорочку
И дотронулся чуть сперва к чулочку.
Сам губы прижимал свои к ее роточку,
А уже от чулка
Пошла его рука
Под юбку дале спешно,
С ступени на ступень,
Где обитает та приятна тень,
Которую всем зреть утешно.
Добрабилась рука до нежности там всей,
И уж дурила в ней,
И вон не выходила.
Утеху госпожа себе тем находила.
Уборщик — нет.
Не шел ему на ум ни ужин, ни обед.
Что это за утеха,
Что сладость у него лилася без успеха.
Не раз он делал так
Боярыне, скучая,
О благосклонности прямой ей докучая,
Смотря на ее зрак.
Лишь чуть приметит он ее утехи знак,
Котору
Он в саму лучшу пору

У ней перерывал,
Прочь руку вынимал
И чувство усладить совсем ей не давал.
Сердилась госпожа за то, но все немного
И не гораздо строго,
Хотя сперва и побранит,
Но тот же час приятно говорит.
Нельзя изобразить так живо тот их вид,
В каком был с госпожей счастливой сей детина,
Какая то глазам приятная картина:
В пресладком чувстве госпожа,
Грудь нежну обнажа
И на софе лежа,
Спокойно,
Не очень лишь пристойно
И чересчур нестройно.
Прелестны ножки все у ней оголены,
Одна лежала у стены
В приятном виде мужескому взору,
Другая спущена долой,
Покрыта несколько кафтанною полой,
А руки у нее без всякого разбору,
Одна опущена, в другой она имела
Пренежную часть тела.
Уборщик возле ней с отверстием штанов
Сидел без всех чинов.
Его рука у ней под юбкою гуляла,
Тем в сладость госпожу влекла.
Прохладна влажность у нее текла;
Вот их картина дел.

Уборщик мнил, уж нет ему нет ни в чем
препятства,

И только лишь взойти хотел
На верх всего приятства,
Как барыня к себе вдруг нянюку позвала
И тем намеренье его перервала.

К ним нянюшка вошла.

Уборщик отскочил тотчас к окошку,
А барыня дала погладить няньке кошку,
Приказывала ей себя не покидать
С уборщиком одним, он скуку ей наносит,
Что невозможного у ней он просит,
А ей того не можно ему дать.

Тут будто не могла та нянька отгадать
И стала говорить о дорогом и нужном:
О перстнях, о часах, о перлице жемчужном,
А барыня твердит: — Ах, нянька, все не то;
Мне плюнуть — тысяча сто,
А то всего дороже.—

А нянька о вещах все то же.

Тут барыня опять знак нянюшке дала
Оставить их одних. Вот нянька побрела.
Жестоко было то уборщику обидно,
Велику перед ней он жалобу творил

И уж бесстыдно

Тогда ей говорил:

— Сударыня моя, какая это шутка,

В вас нет рассудка,

Я не могу терпеть.

Немало дней от вас я мучусь без отрады,

Я чувствую болезнь с великой мне надсады.

Недолго от того и умереть.—

А барыня тому лишь только что смеялась

И, подведя его к себе, с ним забавлялась

Опять игрой такой.

Держала все рукой.

Уборщик вышел из терпенья.

Насилу говорит от много мученья:

— Что прибьли вам в том, понятья я не могу?—

Ответствует она: — Французский это goût*.—

— Черт это goût возьми,— уборщик отвечает.

Он скоро от него и жив быть уж не чаёт.

Меж этим на бочок боярыня легла

И в виде перед ним другом совсем была,

Как будто осердилась,

Что к стенке от него лицом оборотилась.

Середня ж тела часть,

Где вся приятна сласть,

На край подвинута была довольно.

Уборщик своевольно

Прелестный этот вид немедля обнажил,

Однако госпожу он тем не раздражил.

Она его рукам ни в чем не воспрещала

А к благосклонности прямой не допускала

И не желала что обычно совершить.

Уборщик от ее упорства

Уж стал и без притворства.

Стараясь как-нибудь свой пламень утушить,

* goût фр вкус, стиль, манера.

Его рука опять забралась к ней далеко,

И палец, и другой вместились глубоко,

Куда не может видеть око.

Сей способ к счастью в тот час ему служил.

Меж теми пальцами он третий член вложил,

На путь его поставил

И с осторожностью туда ж его поправил.

А барыня того

Не видит ничего,

Но только слышит,

От сладости она пресильно дышит.

Уборщик, пользуясь случаем сим тогда,

Не чаёт боле быть такому никогда

И с торопливостью те пальцы вынимает,

А член туда впускает.

Но как он утомлен в тот час жестоко был,

С боярыней играя,

Не только не успел чтоб дна достигнуть края,—

И части члена внутрь порядком не вместил,

Как сладость всю свою потоком испустил.

Тут встала госпожа и молвила хоть грозно,

Что дерзко с нею он отважился шутить,

Да так тому уж быть,

Раскаиваться поздно.

И вместо чтоб к нему сурово ей смотреть,

Велела дверь тогда покрепче запереть,

Потом к порядочной звала его работе.

А у него

И от того

Была еще рубашка в поте.

Так он боярыне изволил доложить,
Что ей не может тем так скоро услужить.
Тут барыня ему сама уж угождала,
С нетерпеливостью рукою ухватя
И нежа у него, подобно как дитя,
И шоколадом то бессильство награждала.
В той слабости ему когда же помогла,
Тогда-то уж игра прямая потекла.
Беспрекословно тут друг друга забавляли,
Друг друга целовали.
Понравился такой боярыне убор,
И он с тех пор
Нашел свои утехы
И тешил госпожу без всякия помехи.

Пьяная купчиха

Поэма

Купецкие жены, подьячихи, портнихи —
Великие статихи,
Великие спесихи,
А пуще что всего, так етсья лихи.
Когда случится быть в гостях им у кого,
В убыток не введут хозяина того.
Тогда тут пуще всех чиницы
Купецки молодежи:
Ни капельки винца не пьют во весь обед
И будто бы им в нем и нужды нет;
Хозяйка лишь с вином, а та ей: нет, мой свет,
Мне лучше прикажи стаканчик дать водицы.
Хозяюшка, смекай, поднести что надо ей,
Хозяйка, не жалей,
Подружке не воды, винца в стакан налей,
Та выпьет вместо квасу,
А после на прикрасу,
Запед в заход особнячком,
И тянут сиволдай не чаркой — башмачком.
Таким-то образом была одна беседа,
А это завсегда:
У женщины хмельной чужая уж пизда,
Без подубрусника гуляет у соседа.
И как-то за рекой

На той беседе был детина щепеткой,
Приметил он одну молодку пьяну.
Пошла та спать в чулан — и он за ней к чулану,
Одну ее он там застал.
Детина без амуру
Ту пьяну дуру,
Подняв подол на пуп, и еть ее он стал.
Приятно пьяной то, она без всей тревоги,
Поднявши кверху ноги,
Сказала лишь:— Кто тут? нет, эдак не шути,
Я от венца своего ни с кем так недоточна,
Дай мужу к нам войти.—
Тот стал хуй вон тащить, не хочет доети.
Но уж у ней в пизде гораздо было сочно,
Ебливая жена не может утерпеть,
Готова умереть,
Да лишь изволь доеть
Детину слезть с себя та баба не пускает
И, лежучи под ним, задорно подъебает.
У ней в пизде горит,
Так пьяная тому детине говорит:
— Еби, еби, Ильич, хоть я и подъебаю,
Да я тебя не знаю,
А знаю я того,
Где праздную теперь, в гостях я у кого.

Старик и сонная молодка

Случилось старику в гостях заночевать,
А где — нет нужды в том, на кой черт толковать?
На свадьбе ль, на родинах,
Ну пусть хоть на крестинах
Вот нужда только в чем седому старичице:
Молодка тут была собой других почище
Молодка весела,
Молодка не дика,
И на молодушку встал хуй у старика.
А хуй уж был таков, как нищего клюка,
Ночь старому не спится,
Встает,
Идет
Искать напиться
Не к кадке он пошел черпнуть ковшом кваску,
Но к той молодушке, что навела тоску.
Она спала тогда уж в самую лучшу пору,
Отворен путь к пизде, и нет к пизде запору,
Затрясся старый хрыч, хуй стал его как кол,
Он шасть к молодушке без спросу под подол
И непригоже взял молодушку за шёрстку.
Схватя ту шёрстку в горстку.
Над сонною пиздой хрыч старый ликовал,
Хуй чуть не заблевал.
Старик пришел в задор такой, что дозарезу;
Что, мнит, не будет мне, а я долой не слезу.

Молодке лишь на пуп рубаху засучил —

С молодки сон сскочил:

Та слышит не мечту, не сонну грезу,

Что некто шевелит по нижнему прорезу;

И думала сперва, что кошка ищет крыс,

Кричала кошке: брысь!

Но как опомнилась, зрит вместо кошки буку,

Ощупав у себя меж ног той буки руку.

— Кто тут? — вскричала так. — Ах, государи,
тать!

Хотела встать,

Покликать мать.

Тут струсил мой старик, не знал, куда деваться,

Не знал, чем оправдаться.

— Небойсь, я ничего, — сказал, — не утащу:

Хотелось мне испить, я ковшичка ищу.

Прохожий и сонная девушка

Прохожего застигла ночь.

Прохожий ночевать зашел к одной старушке.

Тепло нашел в избушке.

У той старухи дочь —

Девочка молоденька,

Девочка не дурненька,

Девочка не дика.

Приподнялась в портках на девочку битка.

Миленько он на ту посматривал девочку

И мыслил с ней одну повеселиться ночку.

Как время всем пришло ложиться уже спать,

Постлала на полу соломки дочке мать.

Сама, задувши свечку,

Легла на тёплу печку.

Детина дождался,

Старуха как заснула,

Взвился и поднялся —

Как вошь его куснула.

И полегоньку он к девочке прибрался.

И чуть сам дышит.

Девочка все то слышит.

Девочка не спала;

Девочка хоть мала,

А дело всё смекнула.

Да только от себя его не оттолкнула.

Не поворотится, как сонная лежит,

Сама дрожит.
Мужик ярится,
А хуй бодрится
И хоробрится.
Уже его урод
У пиздых был ворот,
Но мужичок, туда его не суя,
И рассуждает так:
Не в пору и не в мочь ей будет мой елдак,
О толстоте толкуя:
А девка ведь мала
И, может быть, цела —
Не стерпит еще хуя.
Но как ни размышлял, а вышел из терпенья
И видит, что нельзя без ебли обойтись.
Не может так зайтись.
Бабон его приходит в страх, муде в смущенье.
Помалу он концом к пизде свой хуй приткнул;
Полплеши лишь воткнул,
Полплеши обмокнул,
А весь хуй не обмочит,
Лишь только дробит,
В пизде щекочет,
В пизде клокочет.
Вздурилась девка тут: чего мужик,
Что хуй велик,
Бойтся?
С задора шевелится:
Не страшен девке хуй, пролезет к ней и ось.
Вскричала мужику: — Пихай, пихай, не бойсь!

Черкас и маленький его сын

Черкас поехал в лес дрова себе рубить,
Жена осталась в дому ребят кормить.
Лишь только муж с двора, москаль тут к ней
в светличку,
Целует молодичку,
Дает гостинца ей, и дочке, и сынку —
Вручил по крендельку.
Еще робятам дал бобов по пуку,
А матке хуй свой в руку.
Гостинец детки жрут, а матка лишь держала,
С задору вся дрожала.
Детина тот не долго длил:
Подол у ней он заголил —
Зачем туда пришел, то делать он и хочет.
Молодка хуй уж дробит.
Черкасенку москаль за печку повалил,
И стали еться смело.
Мальчишка хоть был мал,
А все смекал их дело.
А как они уже досыта наеблись,
То тотчас разошлись.
Один пошел домой, другая тут осталась
И мужа дожидалась.
Черкас с дровами лишь на двор,
Мальчишка тот провор
Бежит и сам немует,

Отцу он об всем, что было, репортует:

— Здоров будь, батенько.

Черкас на то: — Что скажешь мни, сынок?

— Як то: пришов москаль и сив на стуле,
Дав нам орихив и бобов по жмуле,
А матке свиклу дав, сховав от нас за печь,
Да як в нее попре... — Черкасу внятна речь.

А мальчик то ж да то ж лепечет,

Отца свого лишь тем увечит:

— Тять! Матка москаля на животе качала,

А он совав в нее, як свиклу, красна скала.

Матинка лишь сопе,

Москаль на ней як спе.

Черкас на землю кнут и шапку свою кинул.

Сказал сынку: — Москаль все сердце мое вынул!

— И ниту, тятенька, не сердце москаль брав,

Из маты вытянув лишь красный свой бурав.

Всадник

В деревне иль в селе — не знаю я сего,
Да только мне и знать нет дела до того,

Коль басенку вяжу,

Довольно я скажу,

Что жил

И негде был

Крестьянский сын, детина,

А попросту сказать, великая дубина,

Однако не скотина,

Да только со скотом он в дружбе пребывал:

Кобылой хлеб пахал,

Кобылу он пасал,

Кобылу и ебал.

Природное ль имел он к оной побужденье,

Иль шапки когда нет, так ладен и колпак?

Затем, что завсегда дурачий хуй — дурак,

Не любит он в посте иметь уже говенье,

Не может коль пизды прямой себе достать,

То рад он и в фарье кобыльей щекотать,

Лишь только б было слатко,—

Исправнейшей битке везде дорога гладка.

Полезши в курицу, полезет в петуха,

Невесту ублудив, ублудит жениха,

А если будет где поуже и жирнее,

Готов он уети, пожалуй, иерея.

Недаром вить сея пословица идет:

Где видит хуй дыру, туда хуй и бредет.
По этому вот так крестьянский сын уставу
Имел всегда свою с кобылкою забаву,

Далече не ходил,

А в хлев или сарай буланку заводил
И, как лишь случай был,
С буланкой веселился.

Желать себе красот других он не стремился,
Доволен был одной
Своею он судьбой,
Кобыльею мандой.

И так в один как день, домой приехал с пашни,
Оставя все свои други затеи, шашни,

Он, прежде как ебал,

Хвост к гриве подгибал,

С пресильной ярости, с великого задору
Схвативши в зубы хвост, приставивши к забору,
Он начал в хомуте, он начал и в шлее,
Взмостяся на нее, ему как было можно,
Ети своей биткой ее неосторожно;

А сквозь забора щель

Соседка девушка, то видя, примечает,

Из глаз не выпускает,

Однако не мешает.

В пизде уже хлюпит,

В пизде уже шлопит,

Буланушка пыхтит,

Иванушка крехтит.

И в самый уже час, в то само время точно,
Совсем когда в пизде уж стало быти сочно,

Кобыла не стоит,
Кобылушка дрожит,
Кобылушка бежит.

Но тут еще тогда детине не зашлося,
Досыта наетись пизды не удалось,
Он держится на ней, еще чтоб доети.

Кобылушка — серти!

Но та кобыла с ним туда-сюда вся ходит,
Девóчкино тогда терпение выходит,
Что мочи было в ней, она захохотала.

— Тпру, стой, буланушка,

Постой, Иванушка,

Куда поехал ты, соседушка? — сказала.

Беседа

Вдовицы молодицы
И красные девицы,
Которы побелее,
Которы порезвее,
Которы поstattнее,
Которы повольнее,
Все вместе вечером
Сбираются комком,
И, сидючи рядком,
Прядут за гребешком.
Тут набожны пиздищи
Не ходят на игрищи.
Бывают только шлюшки —
Те миленьки старушки,
Которые добрей
Всех прочих до блядей,
Которы помышляют,
Что люди людей шляют.

А именно вот те, что смолоду еблись,
Что сводничать другим под старость принялись,
Тут девушкам они болтают разны сказки,
Про хуи и пизды старинные прибаски,
Как в прежни времена хуи бывали с ногтем,
Молодки умненьки, что мазали их дегтем,
Что были в старину в две четверти в отрубе
И с голову хуи близ плещи на зарубе.

Добрыня-богатырь, что сделал из пизды
Скотину прогонять ворота для езды.
Но как и пособить и лучше можно еться,
Как ежели пизда от хуя уже рвется.

На первую что ночь,
Когда терпеть невмочь,
Иметь надлежит мыло,
Етись чтоб слабже было.
Потом, чтоб не болеть,
Пизде чтоб не стрехтеть,
Как сделашь это дело,
Попарить должно тело
Горячею водой
Иль нашею парной
И мазать салом губки.
Такие вот погутки,
Такие прибаутки,
Такие вздоры, шутки
Старухи говорят,
У девок как сидят,
Которы их склоняют,
На еблю разжигают
И хитростью своей
Их делают блядей.

Пастух

Когда ети кто хочет,
С задору тот хохочет,
В кулак шматину дробит
И много он хлопочет,

Однако никогда не может быть он сыт,
Коль еблею в пизде шматину не смягчит.
Но где пизду вдруг взять, как хуй расшевелился
И расхрабрился?
И этакой урод

Из штанных силою поломится ворот?
В деревне пастуху скотину гнать случилось,
Как солнышко почти под землю закатилось,
Молодки, вышедши, уж кликали коров,
Уж слышен по зоре далече их был зов.
Коровы из полей на голос оных мчались,
Рассеяны стада к околице сбирались,
И воздух в холодку когда уж был живее,
Вот, следственно, в тот час и хуй стоит бодрее.

Подобно и пастух
Имел свежее дух,
И страшная битка,
Как черен молотка,
Его приподнялась
В штанах и напряглась,
Пресильно хочет еть,
Не может он терпеть.

То как прикажешь ты избрать пизду по воле?
И где ему тут взять, когда пастух был в поле?
Вот тотчас он к себе в кустарник и втащил,
Вскочил

И хуй в буренушку запрягал, заточил
И начал отправлять,
Корову вырехлять.

Меж тем молодушка буренушку искала,
— Бурёнушка, бурёнушка! — кричала.
Бурёнушка мычит
И голос отдаёт,
А на голос нейдёт.
Молодушка ворчит,
И на голос идёт,

И близ уже того чуть места не находит,
Кустарника вокруг шастит молодка, бродит.
— И где ты, — говорит, — бурёна, провались?
— Вот здесь, — вскричал пастух, — но дай лишь
наетись!

Пожар

Детина страшную битку в руках держал,

По улице бежал,

Разинув рот, кричал,

Как мерин добрый ржал.

— Ах! батюшка, пожар, мой государь, пожар.

Громовый как попа ударил тут удар.

Он выбежал тотчас с своею попадьёю.

— Где? Что горит?— кричал.— Что сделалось
с тобою?

А чтоб огонь залить,

Водою потушить,

Поп тотчас за ведром метался

И принимался.

Но бешеный одно кричать лишь продолжал:

— Ах, батюшки, пожар! Ах, сударь мой, пожар! —

— Пожалуй, свет, постой, а что, скажи, пылает? —

Спросил его тут поп.— Не мой ли дом сгорает?

И нет ли где огня

На кровле у меня? —

— Ах! нету, батюшка,— кричит ему детина. —

— Да что ж и где? —

— Не видишь? — отвечал.— Горит моя шматина.

И так же у твоей у матушки в пизде.

Не можно, батюшка, залить сей жар водою.

Подобен молнии там огонь,

Так сжался ты со мною

И также с попадьёю.

Не тронь ты нас, не тронь,

Вели спустить мой хуй ты с маткиной пиздою,

То пустит дождь в пизде елда,

Елду ж обмочит вмиг пизда,

И общу так беду

Я хуй свой загущу, а матушка пизду.—

— Дурак, ты глуп, как хуй, ебена мать, детина,

Давно бы ты сказал,—

Тут поп ему вскричал,—

Скорей такой огонь потушит вот дубина!

Попадья

Хоть это в свете враки,
Что в гузне живут раки,
Но это точно быль,—

Не пыль,
Не гиль:

Вот жил,
Подобно был,

Один в погосте поп,
Которого жену, кто мог,

Толок,

Кто мог, тот еб.

Священник тщетно с сей курвягою возился,

Он тщетно с ней бранился,

Он тщетно колотился,

Он тщетно с нею бился,

Он тщетно ей твердил: — Жена, кто блуд творит,

То дом — уже не дом, он в пламени сгорит.

И тщетно он ее исправить трудился.

Устал и поклонился,

Устал и отступился,

И дал на волю ей

Довольствоваться пиздой желающих людей.

Толпой тогда народ

Стекался у ворот:

Все поети просили,

Гостинцы попадае тащили и носили.

Иной корчагу шей,
Другой пучок вожжей,
А третий мужичок с лошадушки узду.
Бежал скорей проеть сей матушке пизду.
Велик тут был приход,
Велик и был доход.

А все хотя попы живут на взятки хватки,
На деньги падки.

Дерут

И с мертвых рвут.

Но всякий только поп весьма тому не рад,
Что ежели ему течет женою клад.

Подобно эта блядь тихонько все махалась,

Тихонько от попа с ёбурами все плялась,

Но как в один день поп из церкви лишь пришел,

То въявь уже её ебуцуся нашел.

— О, страдница! — вскричал. — Еще не

нагрешилась?

При мне ты, мерзкая, в глазах не устыдилась.

Она ему на то:

— Ты правду говоришь,

Но только выдь лишь вон, а то со мной сгоришь.

Звонарь

Подъячихи, купчихи —
Великие лошчихи,
Великие мазихи,

А более всего они етиса лихи.

Подъячий лишь в приказ, купец лишь торговать —

А жены их тогда затеи замышлять.

Начнут чистенько мыться,
Румяниться, белиться,
Начнут они лощиться,
Начнут они сурьмиться,
Жеманить, щеголить,
Начнут себя рядить,

А вырядясь, тотчас в окопечках бывают,

На улицу глядят и губки ужимают.

Етись они смышляют,

Етись они желают

И хахалей своих приходу ожидают.

Посредственны хуи мужей их не проймут

И всласть не уебут,

Затем, они что жирны,

И что пизды у них обширны.

Так всякая из них ебется, с кем есть вкус,

А именно чей хуй точильный будто брус

Иль, сходнее еще, с зарубою дубина —

Такая на заказ им надобна шмагина.

Не брезгают ничем, нет дел им до чинов,

А только до хуев.

Во всю ивановску ебутся с батраками,

Ебутся с бурлаками,

Иную прет солдат, другую чистит псарь,

А вот одну из них соборный еб звонарь.

Молодка не затем, что был духовна чину,

Сыскала этого ети себя детину,

Но что имел весьма избранный он елдак,

А именно вот так:

Коль должно привязать веревки к рычажине,

Удобней чтоб звонить, привязывал к хуине.

И колокольный звон

Шмагиною своей звонил в соборе он.

Такой-то вот хуек ей нравен показался.

Лишь муж когда с двора, звонарь тогда на двор.

С молодой прохлаждался.

И, тешучи ее и свой притом задор,

В преважнейшем он был за всякий день труде.

Звонил шмагиною к обедне он в пизде,

А должно было где, он также и трезвонил,

Мудам по жопище хлестал, щелкал, бузонил.

«Достойны» ж зазвонят, он сыт тогда бывал

И также к отпуску лишь только доебал.

Купцы, подъячие где только ни бывают,

То благовест лишь чуть слышат — воздыхают,

Конечно, оттого: сердца им весть дают,

Что в этот час у них хозяйшек ебут.

Отцу Галактиону

Отец Галактион
Заутренней порою
Престрашною биткою
Заводит сильный звон.
Над жопою соседки,
Наевшись с нею редки,
Елдою так трезвонит,
Что бедна баба стонет.

Келейников собор,
Монаху подражая
И благочинно зная
Монашески задор,
С дрочеными елдами
И с посными мудами
По кельям всякий пляшет,
Шматиной своей машет.

Отец Галактион,
Как человек ученый,
Имея хуй дроченый,
Им предписал закон:
Так борзо не скачите,
В смиренье хуй дрочите,
Еть не мешайте нам,
То есть честным отцам.

Истинное покаяние

Попу раз на духу
Покаялся подьячий,
Что еб его сноху.
— Ах, в рот те хуй собачий!—
В сердцах вскричал наш поп,—
Напал ты на кого!
За это б я тебя,
На старость не смотря,
Ошмарил самого.
Да как ты её еб? —
— Того-то и боюсь,
И вам сказать не смею.
Уеб ее, винюсь,
Я, стоячи за нею.—
— Ах, мерзкий человек,
Во весь ты проклят век!
Простить тебя нельзя
Простым нам иереям.
Ведь в гузно еть — стезя
Одним лишь архиереям.—
— Я, батюшка, во всем
Покаюсь в сей час:
Не вижу я одним,
Другой подбили глаз.
А некто мне сказал,
Что в гузно лишь хвачу,

Глаза тем залечу.
Вот в грех я и попал.—
— Вот ведь,— сказал наш поп,—
Всего б тебя разъеб,
Мошенника, в клочки.
Когда б то было так,
Ебена мать, дурак,
Носил ли б я очки?

Пьесы

Ебихуд

*Героическая, комическая
и сатирическая
драма в двух действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Е б и х у д — владетельный князь.
М у д о р в а н — брат его, также владетель.
Х у е с т а н — наперсник Ебихудов.
П и з д о к р а с а — княжна, невеста Мудорванова.
Х у е л ю б а — ее наперсница.
В е с т н и к.
В о и н ы.

Действие в доме князя Ебихуда

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Е б и х у д и Х у е с т а н

Е б и х у д

Познай днесь, Хуестан, смятения вину:
Я только лишь было взобрался на княжну,
Как вдруг проклятый хуй стал мягок так, как лыко.

Хуестан

Великий государь, несчастье то велико,
Однако же совсем надежды не теряй
И на свою битку ты верно уповай;
Чего не смог теперь, то впредь исполнить можно,
И в Пиздокрасу хуй впендрячишь ты неложно.

Е б и х у д

О день, несчастный день, о престокий рок!
Не в силах я княжне в пизду пролить поток;
Я тщетно на красы дражайшие взираю
И Пиздокрасину шентю воображаю —
Хуишка скверный мой висит, как колбаса,
И не прельщает, ах! ничья его краса.
Представь, любезный друг, сколь горько мне
терпети
И сколь несносно сей поносный хуй имети!
Я братне разметал все воинство, как прах,
А хуй мой, как кишка, лежит в моих штанах.
На то ли брата я столь победить старался,
Чтоб плод моих побед непрообен остался?
И для того ль княжну я от него достал,
Чтоб хуй мой на ее пизденочку не встал?
Я тщетно заставлял княжну его дрочить —
Не мог в нее, увы, не мог никак всучить.
Однако ж я еще попробовать хочу,
Авось-либо я свой проклятый хуй вздрочу.
Введи сюда княжну!

Хуестан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Е б и х у д
(один)

Теперь я постараюсь,
Хоть слабо на битку свою я полагаюсь.
О мать ебливых дел, владычица земли,
Венера, ты теперь мольбу мою внемли!
Когда поможешь мне уеть княжну как должно,
Я тысячу хуев собачьих неотложно
На всеожжение во храм твой принесу,
Лишь в Пиздокрасу дай мне впрятать колбасу,
Сего лишь одного я от тебя желаю
И в покровительство тебе свой хуй вручаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Е б и х у д и П и з д о к р а с а

П и з д о к р а с а

Почто ты звать меня опять к себе велел?
Иль мало над пиздой моею ты потел?

Е б и х у д

Виновным пред тобой себя я признаваю,
Но слабости такой я впредь не уповаю
И больше на битку надеюсь теперь;
А ты пизду свою, пожалуй, расщеперь.

П и з д о к р а с а

Я путь к пизде открыть всегда тебе готова,

Но, ах! не начинай ты мучить меня снова.
Когда проеть меня ты не имеешь сил,
Почто моей пизды ты брата днесь лишил?
Отдай меня ему, я Мудорваном стражду,
Биткою утолит в пизде моей он жажду;
Он еть здоров, елдак всегда его стоит,
И сразу он в меня до муд свой хуй всадит.

Е б и х у д

Кого ты, дерзкая, вспоминать дерзаешь?
Или что мне он враг, то ты позабываешь?
Конечно, Мудорван еще тобой любим
И, видно, елдаком прельстил тебя своим,
Однако сей любви терпети я не стану
И тотчас еть его велю я Хуестану.

П и з д о к р а с а

Что слышу я, увы, погибнет Мудорван,
Без милости в него хуй влящит Хуестан!
Когда твоя к нему жестокость столь сурова,
На Хуестанов шмат сама я сесть готова,
И лучше на его елде мне умереть,
Как мертва пред собой возлюбленного зреть.

Е б и х у д

Не бойсь, княжна, не бойсь, я столь суров не буду
И с братом ближнего родства не позабуду.
Когда в сражении он в плен ко мне попал,
Я жизнь его всегда священной почитал,
И воевал я с ним лишь за тебя едину.

Позволь же мне теперь влупить в тебя шматину;
Позволь, дражайшая, чтобы в твою пизду,
Коль буду щастлив я, ввалил свою елду.
В надежде сей теперь тебя я оставляю
И с трепетом тебя я на хуй ожидаю.

(Отходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П и з д о к р а с а

(одна)

На то ль судьба меня с пиздой произвела,
Чтоб Ебихуду я ети ее дала
И плешь его в своей пизде чтоб закалила?
Я девство для тебя, о Мудорван, хранила,
Готовила пизду тебе я на елдак,
Надеясь найти в твоей шматине смак;
С нетерпеливостью я воли ожидала,
Дни щастья своего минутами считала,
Как пальцем ты в моей махоне ковырял
И в ярости свой хуй мне в руки ты давал;
Мне мнится зреть еще, как я его держала
И как пизда моя с задора вся дрожала,
Мокрехонька она, заслунившись, была,
И чуть было тогда я тут не засцала,
Но князь, приметивши в махоне моей влажность,
Урыльник подал мне, считая то за важность;
Чрез то политику свою он мне подал
И, что умеет жить на свете, показал.

А ныне свое все я щастье потеряла,
И нет уже в руках возлюбленного скала!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П и з д о к р а с а и Х у е л ю б а

Х у е л ю б а

Какую скорбь, княжна, являет мне твой взор,
Иль чувствуешь в шенте жестокий ты задор,
Иль Ебихудов хуй тебе не полубился,
Когда любовный огонь в тебе не утолился,
Иль в ебле он тебе еще явился слаб?

П и з д о к р а с а

Хоть князь он по уму, но по хую он раб.
Печали моя причина есть сугуба;
Внимай ее, внимай, дражайша Хуелюба!
Лишь только я легла со князем на кровать
И думала под ним задор свой утолять,
Уж ноги я ему просторно разложила
И в губы плешь его, послунивши, вложила,
Готовилась ему проворно подъебать,
Но пакостный не мог его хуишка встать.
Я тщетно много раз дровичь его старалась,
И тщетно я к мудам поближе подвигалась,
Казала я ему, раскрыв, свою пизду,
Но не могла ничем взманить его елду.
И видя, что под ним без пользы я лежала,
Я сбросила его с себя и убежала.

Вот горесть вся моя; представь же ты себе,
Когда б сия беда случилась тебе,
Могла ль бы ты ее снести великодушно?
Без добрыя битки век жить на свете скушно,
А я, лишась теперь любезна своего,
Лишилась вместе с ним и елдака его.
Любезный Мудорван в оковах пребывает,
А без него меня задор одолевает.
Когда б он был со мной, он огонь бы утолил
И вплоть бы по муде свой хуй в меня влупил.

Х у е л ю б а

Достойно плачешь ты, достойно ты стенаешь,
По полюбовнике ты слезы проливаешь;
Он стоит, ах! сего, я знаю его плешь,
Мне хуй его знаком, он толст, велик и свеж,
Достойны суть муде его златого века,
И в ебле нет ему подобна человека.
Когда б ты под него попался хоть раз,
Он раскорякой бы пустил тебя тотчас,
Пизденку б он твою, как шапочку, расправил,
И раз пятнадцать бы он в ночь тебя ошмарил.
Заебин бы с ведро в тебя он наплевал
И ложе брачное все кровью б измарал.
Тогда-то в ебле сласть подробно б ты узнала
И милому дружку со вкусом подъебала.

П и з д о к р а с а

Почто любовь к нему ты тщишься умножать?
Почто елдак драгой теперь воспоминать?

Дай волю в храmine мне слезы лить спокойно;
Иду об милом в ней восплакать я достойно.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

М у д о р в а н

(один, в цепях)

Вот для ради чего елдак я свой дрович,
Почто я хуй в княжну, о небо, не всучил?
Без ебли зрю себя в том доме, где родился,
Где Пиздокрасу еть в спокойствии я льстился.
А ты еще, битка, бесслабно все стоишь
И тщетною себя надеждою манишь.
Хоть Пиздокрасы я лишен уж невозвратно,
Воспоминание шенти ее приятно.
Дражайшая пизда, о милый секелёк!
Свирепый Ебихуд, почто ты столь жесток!
Не царствуешь ты здесь, а еблю переводишь,
Найжесточайших ты кастратов превосходишь;
Подобно как на сене лютый лев лежит
И оно брать на корм с свирепостью претит,
Так точно ты, меня лишив княжны любезной,
Не пользуешься сам пиздой сей бесполезной.
Но что я говорю! Ее прелестный зрак,
Я чаю, возбудил давно его елдак.
О мысль жестокая, ты чувств меня лишаешь,
Коль проебённую княжну мне представляешь.
Дражайшую пизду я для того ль хранил,

Чтоб Ебихуд в нее свой вялый ствол всадил?
И для того ль тогда пиздою сей прельщался,
Не ебши чтоб ее, навеки с ней расстался?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пиздокраса и Мудорван

Пиздокраса
(вбежав)

Еще ли вижу я любезна своего?

Мудорван

Тебя ль я зрю, предмет задору моего?

Пиздокраса

Я страсть ебливую, но вредну мне и люту
Послышала в пизде в несчастную минуту.
Как тщила к тебе всей силой на елдак,
Битки твоей меня пленил приятный зрак,
Но вымысел судьба ебливый предварила
И Ебихуду нас обоих покорила.
Однако же не мни, чтоб с ним я уеблась;
Пускай навеки я погибну в сей же час,
Когда надеждой я ему хоть малой льстила
И естли хуй его в пизду к себе впустила.

Мудорван

Коль целка ты еще, так я спокоен стал;
Пускай даром мой елдак всегда стоял,

Но, ах! уеть тебя надежды я лишаюсь,
И тщетно я твоей махонею прельщаюсь.

Пиздокраса

Надежда есть еще, когда стоит елдак!
Пускай в отчаяньи смущается дурак,
А ты, коль еть меня по-прежнему желаешь,
Почто дражайшие минуты упускаешь?
Стоит ли твой рычаг, готов ли ты к сему?
А я тотчас тебе и ноги подниму.
Спеш и проебай, и, выгаща хуй славной,
Тем докажи теперь, что ты ебешь исправно.

Ложатся оба друг на друга. В самое это время
входит Ебихуд с войнами.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ебихуд, Мудорван,
Пиздокраса, воины

Ебихуд

О небо, что я зрю! они ебутся здесь!

Пиздокраса
(вскочив)

Дражайший Мудорван, кто нам поможет днесь?

Ебихуд
(Мудорвану)

Погибни ты, злодей, когда ты столько дерзок!
Пускай навеки я княжне пребуду мерзок,

Но ебарю сему, конечно, отомщу,
А хуй в княжну всучить никак не допущу.

(Воинам)

В темницу, воины, отсель его ведите
И Хуестану свой елдак дровичь велите;
Пусть примет казнь сию, пускай погибнет он
И на хую пускай последний спустит стон.

М у д о р в а н

Я хуестанову шматину презираю
И на елдак его без ужасу взираю.
А может быть, и сам ему я отплачу,
Как хуем в афедрон своим его хвачу.

Воины его уводят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Е б и х у д и П и з д о к р а с а

П и з д о к р а с а
(стоя на коленях)

Великий государь, смягчи ты свою ярость
И к брату своему почувствуй ныне жалость;
Иль дружбы вашей днесь забвенны уж плоды?
Вы из единыя с ним вылезли пизды.
Прости его вину, или ты чтишь за важно,
Что сделал он в пизде моей немного влажно?
Он мог ли в том тебя столь много прогневить,

Что плешь в мою шентю хотел он завалить?
Ты сам проеть меня уж сил не ощущаешь,
Почто ж за ебдо ты столь строго отмщевашь?

Е б и х у д

Тебя я проебу, а Мудорван умрет,
И зрит в последнее уже он дневный свет.
Поди отселе вон и кликни Хуестана.

П и з д о к р а с а уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Е б и х у д
(один)

Пребудет пусть родство и дружба мной попрана,
Я брата на хую умрети осудил,
И ближнего родства я в нем не пощадил.
Вот до чего пизда теперь меня доводит
И дружбу, и родство в забвение приводит,
Единой ярости своей внимаю я;
Пришла, о Мудорван, последня часть твоя,
Елдак уже вздрочен, готовь свою ты жопу...
Пусть варварством я сим и удивлю Европу,
Все скажут, что затем я брата умертвил,
Что мне проеть княжну недоставало сил.
Что нужды до того? Я в нем злодея вижу
И страшную его шматину ненавижу.
Он рано ль, поздно ли княжне сычуг прорвет,
А после и меня он, может, уебет.
Елдак его княжне всегда будет прелестен.
Но вот и Хуестан.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Е б и х у д и Х у е с т а н

Е б и х у д

Уже ли ты известен

Об ебле?

Х у е с т а н

Государь, известен я о всем.

Е б и х у д

Что ж думаешь о сем нещастии моем?

Х у е с т а н

Когда перед тобой виновен брат явился,
И дерзостно уеть княжну он покусился,
Так смертью надлежит тебе его казнить,
А я готов в него шматину свою вбить.

Е б и х у д

Ты знаешь, Хуестан, что мы одной с ним крови.

Х у е с т а н

Когда он дерзок стал против твоей любви,
Он изверг есть пизды и должен умереть,
И токмо прикажи, я брошусь его еть.
Задрищит он тотчас, как я в него попячу,
И высунет язык, как вплоть я запендрячу.

Е б и х у д

Но как явлюся я пред светом в сей вине?
В младенчестве всегда он друг считался мне,

Ебали вместе мы, доколе вместе жили,
До тех пор, покамест нас порознь разлучили.
Довольно уж и тем я зла ему нанес,
Что Пиздокрасу я из рук его увез.
И боги, зная, меня за это наказали,
Что слабость на елдак безвременно послали.

Х у е с т а н

Не будь, о государь, в рассудке столько слаб!
Послушайся меня, хотя я твой и раб.
Что к проебению ты сил своих лишился,
То было оттого, что брата ты страшился,
Но как скоро на смерть его ты осудишь,
То тотчас и в княжну битку свою всадишь.

Е б и х у д

Всегда ты, Хуестан, мне верен быть являлся,
Всегда я на твои советы полагался,
Последую и в сем я слову твоему
И смерть определю я брату своему.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Е б и х у д и П и з д о к р а с а

П и з д о к р а с а

Что в том, что брата ты злой смертью поражаешь?
Ты оттого меня не лучше проебаешь.
По-прежнему твой хуй без действия висит,

Но Мудорванова на небо кровь гласит.
Сколь много подьсбать тебе я ни старалась,
Но тою ж целкою с тобою я рассталась!

Е б и х у д

Уети чтоб тебя, желаньем я горю,
И заблуждение свое я ясно зрю,
Что Хуестанову последовал совету.
Но брату моему спасения уж нету.
А Хуестана я за злобу накажу
И на слоновый хуй живого посажу.
Но ты, дражайшая, возьми елдак мой в руку,
Авось-либо мою теперь окончишь муку.

П и з д о к р а с а

Ты Хуестану казнь за злой совет сулишь,
Но брата своего ты тем не оживишь.
Он смерть уже вкусил, а я осталась целкой;
Трудись хоть целый день ты над моею щелкой —
Напрасно будет все: елдак я не вздрочу
И больше баловать его я не хочу.

Е б и х у д

Что ж делать я начну, скажи, княжна драгая,
Когда не действует теперь моя уж свая?

П и з д о к р а с а

Коль хочешь еть меня, так брата ты спаси.

Е б и х у д

Забудь о нем, княжна, и больше не проси!
Старайся ты теперь взманить мою шматину,

Я еть хочу тебя на свете лишь едину;
А вестник как сюда во храмину войдет —
О смерти братниной известье принесет.

В е с т н и к в х о д и т .

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и в е с т н и к

П и з д о к р а с а

Что вижу я, увь...

(Падают.)

Е б и х у д

Ах, брата я лишился!

В е с т н и к

Княжна, опомнися, подол твой залупился.

П и з д о к р а с а

(в отчаяньи)

Кого лишилась я и чей погиб елдак!
Дражайших муд его навек сокрылся зрак!
Любезный Мудорван, тебя, ах! я лишилась,
И тщетно на хую сидеть твоим я льстилась.
Сей варвар Ебихуд окончил жизнь твою,
Но тщетно будет он дрочить елду свою;
Я злости сей его вовеки не забуду
И хуй его отнюдь в руках держать не буду.
Не лстися тем, тиран, чтоб ты в мою пизду
Проклятую свою всандрячить мог елду.

Когда я чрез тебя с любезным разлучаюсь,
Своею пред тобой рукою я скончаюсь.
Смотри...

(Хочет заколоться.)

В е с т н и к

(вырывая кинжал)

Постой, княжна, постой и не спеши,
Успеешь быть еще у чорта на плечи.
Внемли мои слова: твой Мудорван любезный
Живет и дробит хуй; отри потоки слезны!

П и з д о к р а с а

Не льстишь ли, ах! ты мне, елдой его маня?

Е б и х у д

О небо, оживи сим счастьем меня!
Вещай, о верный раб, скажи нам все подробно.

В е с т н и к

Мне храбрость княжью изъяснить всю неудобно,
Скажу лишь только то: в темнице князь сидел,
Однако он на смерть без робости глядел,
Которую ему мы все приготовляли
И точно твой приказ жестокий исполняли.
Елдак уж Хуестан ужасный свой вздрочил
И к жопе княжеской близенько присучил;
Мы, князя наклона, все в страхе пребывали
И Хуестановой шматины трепетали,
Как вдруг престрашный хуй князь вынул из
штанов.

Такого хуя мы не зрели у слонов!
На воинов он с ним внезапно нападает
И в нос, и в рыло их нещадно поражает.
Подобно как орел бессильных гонит птиц
Иль в ясный день, когда мы бьем своих площади,
Так точно воинов он разогнал отважно
И, хуй имея свой в руках, вещал нам важно:
«Хотя меня мой брат на казнь и осудил,
Но он несправедливо в сем деле поступил;
А сделал он сие пронырством Хуестана.
Так должно наказать теперь сего тирана!»
Мы слушали его, не зная, что сказать,
Не смели мы ему от страха отвечать;
Один лишь Хуестан дерзнул пред ним явиться
И с князем дерзостно схватился он браниться,
Однако же рукой держался за штаны
И помощи просил себе у сатаны.
Тут вонью воздух весь в темнице наполнялся,
И знатно Хуестан от страха обдристался.
Но твой прехрабрый брат, презревши вонь сию
И приподнял рукой шматинищу свою,
Ударил ею в лоб злодея Хуестана
И на землю поверг елдой тирана.
Потом подняв его и на хуй посадил
И по муде в него елдак свой вколотил.
В говне хоть от него и весь он замарался,
Однако же князь наш сего не ужасался;
И в нем держал елду престрашную свою
До тех пор, как он жизнь окончил на хую.
Вот что о князе я донести теперь держую
И мужество его достойно выхваляю.

Е б и х у д

О день, любезный день! но где ж теперь мой брат,
Скажи скорее мне.

В е с т н и к

Теперь пошел он в сад,
Он тамо на пруде старается обмыться,
Ведь пакостно ему в говне пред вас явиться.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Т е ж е, Мудорван и Хуелюба

Х у е л ю б а

Княжна, се твой жених, и цел его елдак.

П и з д о к р а с а
(бросаясь к Мудорвану)

Воистину ль я зрю, возлюбленный, твой зрак?

М у д о р в а н

Я жив, дражайшая, я жив и торжествую
И должен жизнью я сему большому хую.

(Показывает на свой хуй.)

Е б и х у д

Когда уже то так, что ты остался жив,
Так будь, любезный брат, навеки ты щастлив;
Я Пиздокрасину шентю тебе вручаю
И еть ее ни в пост, ни в праздник не мешаю.
Лишь только ты в нее послюнивши клади

И толстою биткой пизды не повреди.
А обо мне прошу при вспервом помнить взводе.

М у д о р в а н
(обнимая его)

Теперь, любезный брат, ты отдал долг природе!
А я елдой княжну потщуся пошадить,
Чтоб частой еблею ее не надсадить.

П и з д о к р а с а

Любезный Мудорван, откинь ты страх сей
взорной!

Конечно, не ебал ты женщины задорной.
Во весь я хуй тебе позволю себя еть,
Для друга милого я рада все стерпеть.
Да я притом еще скажу тебе не ложно,
Что кашу маслом ввек испортить невозможно.

К о н е ц д р а м ы

Дурносов и Фарнос

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дурносов — брат и наследник великого князя, любитель Миликрисы.

Долгомуд — бывший владетель княжеской столицы.

Миликриса — дочь Долгомуда и любительница Дурносова

Фарнос — наперсник Долгомудов и жених Миликрисы.

Щелкопер — друг Фарносов.

Секеля — мамка Миликрисина, блудь и сводня.

Действие в княжеском доме

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дурносов и Миликриса

Дурносов

Княжна! Ты ведаешь кручинушку мою?
Когда позволишь зреть махонюшку свою?

Когда прикажешь, вбить любви предолгий знак?
Иль будет век тобой томиться мой елдак?

Миликриса

О, князь! Престань, прошу, являть ко мне амуры
И, уж пожалуйста, не строй мне больше куры:
Ведь улещанья все пригодны лишь для дур;
Так шутки в сторону, проказник, балагур,
Ты знаешь подлинно, что я еще ведь целка
И что еще узка безмерно моя щелка.
Так как склониться мне теперь к твоей любви
И дать мне обмочить твой уд в моей крови?
Как раком действуют, как тычутся в стоячку,
Как тепутся с бочку и как ебут в лежачку —
Во всем этом я, князь, поверь мне, так глупа,
Что вместо под попа легла бы на попа!
Битку с коклюшкою мне трудно распознати,
Хоть склонна бы была тебе, князь, подъебати,
Хотя б и вздумала смягчить твой штанный рог;
Но есть мне хочется, купи сперва пирог!

Дурносов

Когда ты мягкий съешь, княжна, пирог иль сайку,
То пернешь со сто раз, как всуну в тебя свайку.
Узнав мою к тебе чрезмерную любовь,
Позволь, чтоб пролил я в шенте кипящу кровь.
Ты не лишишь меня любезной сей отрады,
Не буду утомлять тебя я без помады.
Или тебе когда со мной противен блуд,
Хоть то почувствуй ты, как страждет бедный уд:

Любовной поражен он страстью, горемыка.
Желает лютого избежать хуерыка.

М и л и к р и с а

Я знаю, князь, твое мучение и страсть
И сколь твои штаны упруга порет снасть.
Давно бы я была пленна твоей любовью,
И скоро б запеклась моя махоня кровью.
Но ужасом меня страшит твой талант,
Как отстегнул ты свой широкий штанный бант.

Д у р н о с о в

Не ужасайся, ах, ты оного героя:
Мы будем тешиться между собою стоя.
Лишь презри толстоту с длиною естества,
И что его красна и кругла голова.
Почувствуешь сама, везде как будет гладко,
Узнаешь, сколь пребыть в союзе тесном сладко!
Ты будь пастушкой, я буду пастушкой
И стану забавлять тебя своим рожком.
Чтоб ты довольна быть могла моей свирелью,
Старайся поддѣбать приятно мне щелью.
И больше тщетного сомненья не имей,
Скажи не думавши: — Забей, о, князь, забей!

М и л и к р и с а

Что отказала я и не хочу дать слова
И что кажусь тебе несклонна и сурова,
То пять тому назад прошло уже недель,
Как клейстером свою замазала я щель.
Итак, как ни сильна твоя ко мне доука,
Да только мне терпеть несносна будет мука.

Д у р н о с о в

Готов намазать плешь помадой я в сей час
И в дегте обмочить муде свои сто раз:
Лишь только ты, моя дражайшая, склонись
И расщеперь дыру...

М и л и к р и с а

Напрасно, князь, не лстися
И не старайся, ах! чтоб ты в мою красу
Претолстую свою запрятал колбасу.
Я трепещу от ней, ее боюсь, ах!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д у р н о с о в

(один, в горести и отчаянии)

Ужель от моего в княжне таланта страх?
Жестокая судьба! о, грозная минута!
Почто, любезная, сурова ты и люта?
Когда бы я на то желанье устремлял,
Чтоб только о тебе без пользы вздыхал:
На тщетные б мои тогда взирая вздохи,
Несчетные одни смеялися бы плѣхи.
Сердечным пламенем, несчастный, весь горю.
Устами я воплю, не жопой говорю.
Склонись, дражайшая, склонись в любовь
и верность,
Почувствуй штанную мою к тебе усердность.
О, если б счастлив я одной тобою был,
С мудами бы в тебя ствол жалостный влупил.

Но, мучась всякий час, терзаюсь без отрады.
Иль нежить бедному кобыл пришло с досады?
Любезная моя! Утешь меня, утешь!
Позволь, чтоб закалил в тебе плачевну плешь!
Холодности во мне, верь, столько не достанет,
Чтоб думать, что елдак мой на тебя не встанет.
С биткою сердце все тебе я посвятил,
А ты мне дай шентю, чтоб я в нее всучил!

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М и л и к р и с а и С е к е л и я

М и л и к р и с а

От корня толстого, упругого шурупа
Плешь грановитая воздвиглась выше пупа,
И по брюху уже распространялся ствол,
Как, сунув руку вдруг себе я под подол,
Послышала в шенте я много жару, зуду,
Откуда разлился задор уже повсюду.
Мне чувство было то неведомо дотоль,
И чудно стало мне: взялось оно отколь?!
Почувствовала вдруг любовь моя пещера.
Ту склонность сладкую, знать, ей дала Венера.
Разжег уже, разжег мою махоню враг,
И приготовил уж Дурносов свой рычаг:
Но, ах! какой злой рок меня тогда постигнет,
Как он свой долгий шест в меня поглубже
вдвигнет!
Каким меня тогда ударом поразит,

Как скало он свое претолстое ввалит!
Со страху вся дрожит в махоне щекоталка,
Лишь думаю, что вложится его сурова палка.
Уж в робости такой упорной быть стыжусь,
Хоть чудится мечта, что будто въявь ложусь,
Но вдруг, вообразив задор неуголимый
И купно толстый ствол его непреломимый,
Не смею для того в его предаться власть
И чувствовать боюсь к нему я сильну страсть.
Как думаешь о сем, любезна Секелия?

С е к е л и я

О, коль прекрасна плешь! Муде также драгие!

М и л и к р и с а

Достоинства его чрез чур не выхваляй
И склонности к любви во мне не умножай.
Он князь, я знаю то, и елдаком не скуден,
Хотя и невзрачен, однако ж весьма чуден.

С е к е л и я

Природа знает, что прилично дать кому.
Пускай пригожства нет, пусть глуп и по уму:
Однако, так она таланты разделяет,
Как блядь разумная, кому уж дать, так знает.
Князь важен елдаком, осанист и с мудей,
Которыми давно прельстил уже блядей.
Довольно награжден сим даром от природы,
И плешь его бодра премногие уж годы.
Притом зарубами роскошествует она,
Как будто многими приятностями весна.

М и л и к р и с а

Весною дышет плешь; шентя моя — зимою.
И сохнут оттого сады на ней без зною,
Которые сперва в прохладе все цвели,
И нагло воробьи летать в них не могли
С восторгом вспомню я то время, как не знала
Ни самых я мужчин, ни их опасна жала.
Сколь страшен для меня Дурносов, злой сей рок,
Столь вдвое мой отец в таких случаях строг.
Ты знаешь ведь его.

С е к е л и я

Суровость Долгомуда?

Не строг он для любви, но строг он лишь для блуда.
Он дряхл и тешить сам не в силах молодых,
Затем не хочет зреть веселостей твоих.
Подобная всегда так кладена скотина,
У коей фунта с три пускай висит шматина.
Взирая на других плодящихся скотов,
Не чувствует, чтоб в ней зажглась с задору кровь.
А ты, прекрасная в сих годах Миликриса,
Со зрелой красотой спокойно веселися.

М и л и к р и с а

Опомнися, мой свет, что погрешила ты,
Хваля Дурносова мне слишком красоты.
Его ты предо мной бесстыдно уж почтила,
А Долгомуда же так ложно осудила.
Разве забыла ты, что он ведь мой отец?
И в молодости был такой же молодец!
Сама же ты об нем не раз мне говорила,

Какая прежде-то к любви была в нем сила!
Дурносова ты уж высоко вознесла,
Его муде и плешь чрезчур превознесла.
Неужто и того родитель не достоин,
Что ратовал в шенте он так, как храбрый воин?

С е к е л и я

В нем важность старости сияет, а не блуд.
Он разумом силен, как хитр у князя уд.
Чтоб правду доказать могла вам очевидно
И если б вы могли на то зреть безобидно,
Желала б я весьма изведать на весах,
В его ли голове иль в княжеских мудах
Есть весу более?

М и л и к р и с а

Но кто сему поверит?

Тот разве, кто муде и разумы так мерит.

С е к е л и я

Кто больше в свете жил, и знает больше тот.
Примеров много есть; неопытный — как скот.
Но разны случаи на разум мне приходят:
В земле как золото счастливые находят,
Так точно и в мудах толк, может быть, ведь есть.
Когда в шентю любви хуй толкнут будет весь,
Другая станет вся и разум изменится.
Чем больше ревности к любви в тебе родится,
Тем выше возносить ту будешь красоту,
Хоть бы всегда была в кровавом ты поту,
Дабы чрез то порок сокрыть свой предо всеми.

М и л и к р и с а

Не искушай меня словами, свет мой, теми,
Которыми даешь заразу в сердце мне.
Не думаю искать я золота в земле.
Коль хочешь, князю будь любовницей ты милой,
А мне он все-таки пребудет ввек постылый.

С е к е л и я

Я рада бы была в его предаться власть,
И пусть бы врезал мне свою шматину всласть.
Но малодушия сего в нем быть не чаю,
Чтоб отсулённую тебе в меня вбил сваю.

М и л и к р и с а

Пристойно князю быть и щедрым к всем,
и честным.
Коварно ты его вдруг делаешь бесчестным.
Известна всем его, конечно, доброта,
Что не вернется уж с хуя его пизда.
По щедрости своей он столь великодушен,
Что всякую биткой довольствоваться радушен.

С е к е л и я

Почто ж не склонись женою быть ему?

М и л и к р и с а

Противник может быть желанью моему
Отец, который в том...

С е к е л и я

Во всем будь безопасна!
Столь плешь Дурносова велика и ужасна,

Что будет Долгомуд со страху трепетать
И тпиться сам, чтоб вам в любви не помешать.

М и л и к р и с а

Возможно ль утратить прехрабра Долгомуда?
Не оробеет он и от слона уда!

С е к е л и я

Дурносов уверял, что плешь его хитра,
Что всяка от нее должна страдать дыра,
Что в обморок он всех, кого ебет, кидает,
Но до смерти еще совсем не забаует,
Я разумею здесь, кого в сердцах ебет,
В пизду же только мед один пресмачный льет.

М и л и к р и с а

Любезная моя, я в том не сомневаюсь,
И больше на тебя я в оном полагаюсь.
(Уходит.)

С е к е л и я

Имей надежду ты...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С е к е л и я

(одна)

Хоть я тебе раба,
Но в случае таком и я дырой слаба.
Что ежели он мне запялит как хуищу,
Вдруг раздерет до жопы и дырищу?
Дурносова меня страшит великий уд.

Не знаю, может ли княжна снести с ним блуд?
Хоть ты Дурносовым пленна любовным знаком,
Но он с задору как поставит тебя раком,
То так сразит тебя великой толщиной,
Что не пособит тут уж и родитель твой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Д о л г о м у д, Ф а р н о с
(входят) и С е к е л и я

Ф а р н о с

Почто смутилась вдруг? Или внезапным входом
Я мысль твою потряс, трясу как я уродом?
Иль видом я тебя геройским устрошил?
Иль скверными чрезчур словами омерзил?

С е к е л и я

Смушенью моему другая есть причина:
Горазд меня страшит плачевная судьбина
От знака толстого Дурносовой любви...

Ф а р н о с

Яснее мне о том не медля говори!

С е к е л и я

Недавно знаком тем он гордо возносился,
Тщеславясь без стыда, биткою похвалился,
Что Миликриса той давно уж пленена.
Ярилась тут ее и рделась голова,
Как много свой талант он выхвалять старался,
Бант у штанов его внезапно оторвался:

Велик и страшен вдруг всем виден стал урод,
Зарделся весь в лице и, свой разинув рот,
Свирепый обратил свой взор он всем девицам,
Прилежно стал мигать завистливым их лицам,
И знаки тем всего смущенья мне вперил.
Дурносов тут свою кручинушку открыл
И дерзко говорил: — Позволь зреть, Миликриса,
В шерсти ли у тебя махоня или лыса?

Ф а р н о с

Какой удар даешь противной вестью сей!
Все счастье у меня отнять хочет злодей!
Не радуйся, брат, ты! Противник вдруг восстанет,
Иль разве мой елдак совсем уже увянет.
Тогда лишь попушу ему ругаться мной
И отнимать мои утехи и покой.
Отмщу ему, отмщу! И мечь не отлагаю
И злобный дух его немедленно скончаю.
За честь свою и дочь мстить будет и отец,
Ступай и поражай столь дерзкого вконец.

Д о л г о м у д

На верность я твою и храбрость полагаюсь.
Отмщай! И я на то охотно соглашаюсь.
Но лучше ты умерь геройский подвиг свой,
Чтоб толстой он тебя не повредил кишкой,
Разумные не вдруг пускаются в отгагу,
Чтоб иногда самим как не попасть в корчагу.

Ф а р н о с

Столь скоро мстить врагу меня то нудит зло,
Чтоб далее оно идти бы не могло.

Но если ж оного кто корень истребляет,
Тот весь приход его, конечно, окончает.

Д о л г о м у д

Что корень уменьшить нельзя врага сего,
То явствует длина и толщина его.
Представь же ты, Фарнос, в своей премудрой

мысли,

Когда б мои муде, что на аршин отвисли,
Короче, чем твой нос, кто б сделать захотел,
Великий бы ущерб я от того имел.
Верхи одни у древ когда кто подчищает,
Тот в толщину расти чрез то им помогает.
Подобно если верх от корня отрубить,
Излишней толстотой ствол можно наградить.

Ф а р н о с

(к *Секелии*)

В каком рассудке он преостром и глубоком!
И коль далеко зрит своим пресветлым оком,
Что толстоту ствола Дурносова проник!
Знать, мстить за честь свою ему не приобьк.
Отважусь я один!

С е к е л и я

(*удерживая Фарноса*)

Смягчись, Фарнос дражайший!

Д о л г о м у д

Препятствуют идти мне вслед муде тягчайши.
Я рад бы купно с ним за дочь мою отмстить,

Да только у меня и так дыра болит.
Отмщение ему в его оставлю воле.
Пусть мстит, коли его дыра моей поболе.

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Щ е л к о п е р и Ф а р н о с

Ф а р н о с

Участник ты во всех делах моих и друг,
Взирай на яростью мой днесь встревожный дух.
С тобою завсегда я был чистосердечен,
Ты знаешь уж давно, как я простосердечен.
По одному лицу поймешь, конечно, сам,
Как сильно стражду я! Поверь моим словам!
Я так разгорячен, что сердцем каменею.
Назначил бы тотчас я казнь своему злодею,
Который мой покой дерзнул поколебать,
Которую люблю на свой салтык склонять!
Дурносову тому — за ту сердечну рану,
Котору сделал мне, — всей силой мстить я стану!
Лишь только этого злодея истреблю,
Сколь Миликрису я прекрасную люблю,
То тем я докажу всем людям без разбору,
Что столько же во мне, как в нем, пихать задору.

Щ е л к о п е р

Хотя противника велит карать закон,
Хотя б и жалости не стоил вовсе он,

Что разлучить тебя с любезною дерзает,
От коей у тебя в штанах все сердце тает,
Не лучше ль бы ее горячность испытать
И мысли тайные сперва все разузнать?
Ну если пред тобой она вдруг возгордится?
Не будешь ли за то по праву ты стыдиться?
Насилу милу быть нельзя, ты знаешь сам,
Где нету склонности, нет и приятства там.

Ф а р н о с

Ты Миликрисы ведь не знаешь совершенно,
Что сердце у нее доселе не плененно.
Она приятна мне, не меньше я ей мил.
Хоть дела не было, хоть скала не всадил,
По минам усмотреть то мог ее прелестным,
По обхождению и случаям известным,
Такой пылает жар в драгой ее щели,
Что рада б, коль шентю чесали кобели.
А я поступками, геройством и дородством
Ужель не вспламенил ее хоть благородством?
Соперник хуем мнит в ней жар произвести,
А пламень воспалить горячестью в шерсти.
А я горячность ту в ней обрету красою,
Как напою ее Венериной росою!

Щ е л к о п е р

По правде, хороша Венерина роса,
Но вянет от нее девическа краса.
От влаги нежный цвет нередко увядает,
От влаги вся шентя обильно сласть теряет,

Цвет нежный солнечным сиянием блестит,
От солнца то ж потом увянет и сгорит.
Как шерстью обросла пизда — желает хуя.
Но он красы ее лишает, в ней блядуя.

Ф а р н о с

От собственных доброт краса ее и честь
Умножатся, вовек в весельи будут цвезть
Кто сроду наделен великими дарами,
Тот может быть сравнен с пресветлыми лучами,
Которы светят сплошь, лишь не было б препон.
Взаимным счастьем сей вознагражу урон.

Щ е л к о п е р

Сколь счастья в любви велик есть недостаток,
Столь будешь ты потом отрадой ей и сладок,
Коль склонность объявит тебе в том Долгомуд,
К чему издавна ты употребляешь труд.
Старайся, чтоб он был твоим усердным другом,
Коль хочешь дочери его ты быть супругом.

(Уходит)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ф а р н о с

(один)

Я дружеский совет потщуся сохранить,
Чтоб долгомудовым наперсником мне быть.
Он в старости своей почтет меня за сына,

И милосердия ко мне любви богиня
Со временем его мне дочь препоручит,
Со временем мою любовь к ней совершит.
О! если б я его мог облегчить древность
Иль разогнать печаль! Сия есть перва ревность.
Тогда б скорее мне в нем милость приобрести,
И согласился б быть, наверно, мне уж тесть.
Хоть и теперь его я вижу благосклонным
И к браку с дочерью его ко мне наклонным.
Но больше бы еще достоин был сего,
Услугу сделавши столь важну для него.
Тогда-то бы уж я проклятого злодея,
Который, честности отнюдь не разумея,
Моим препятствовать желаниям дерзнул,
Хотя в красавицу ни разу не воткнул.
Пред всем бы обругал и обесславил светом
И сделал бы его посмешища портретом.
Пусть зависть бы тогда преподлая его
Старалась верх отнять блаженства моего,
Но я бы счел его за тварь совсем не годну
И предпочел бы честь свою пред ним природну.
Своим бы счастьем, драгая, веселясь,
С приятностью тогда сказала мне тотчас:
— О, как довольна я супругом столь достойным,
При коем сладким сном и житием спокойным
Во веки я себя увеселять должна.
На то одно она и рождена,
Чтобы иметь таких супругов благородных,
А не Дурносовых и всех ему подобных,
Которому всю честь любовный знак дает.

Пусть с толстым елдаком злодей сей пропадет.
Доколь свет солнечный он зрети в небе станет,
Дотоле знак любви его пускай не встанет!
Спешу исполнить то...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Щ е л к о п е р , Д о л г о м у д
и Ф а р н о с

Щ е л к о п е р
(Фарносу)

Веди к концу свой труд!
Скорее достигай того, во что кладут!

Ф а р н о с
(Долгомуду)

Избранна голова, почтенна сединою
И изукрашена муд ветхих долготою,
Высокоумный муж, правдивый Долгомуд!
К тебе я обращу се просьбу мою тут.
В твоих морщинах зря блистающую склонность,
Я жалобу творю на мерзку вероломность
Той редкой красоты, которой ты отец:
Она, мне слово дав, солгала наконец.

Д о л г о м у д
(удивляясь)

Не странно ли сие необычайно дело,
Чтоб дочь моя когда б отважилась так смело,

Забывши над собой родительскую власть,
В столь дерзкий для нее такой проступок впасть,
Без воли отческой давать другому слово?

Щелкопер

О, если б было в том согласие отцово...

Фарнос

При важности хранит и строгий он устав;
Я вызнал в нем давно благочестивый нрав.

Долгомуд

Родительская власть уставы превышает.
Когда законно кто детей своих рождает,
Обязан строгим их законом управлять.
Кто жизнь дал детям, тот их должен воспитать.

Щелкопер

Я часто жизнь даю, но сам не воспитаю:
Два дела делать вдруг никак не понимаю.
Один имею член, одни и руки я,
В одну сунь — у другой готова щель своя.

Фарнос

Оставь, любезный друг, свои теперя шутки!
Коль дело важное, не йдут тут прибаутки.
О, как несчастен я, что тем не награжден,
Чем можно дать живот, чтоб мог быть кто рожден.
Когда б Дурносовой я обладал бы штукой,
То не терзался б я сомненья горькой мукой!

Долгомуд

И дети иногда наносят нам удар,
Хоть в сердце чувствуем мы к ним всегдашний жар!
Различны к счастью их изыскиваем средства,
Должны мы отвращать от них жестоки бедства,
Их нравы исправлять, предписывать предел
Началу и концу, середине всех их дел,
Который бы они отнюдь не преступали.
Дочь собственна моей примером есть печали,
Столь дерзновенно власть родительску презрев
И чаяла в ничто его поставить гнев.

Фарнос

Сколь много я ее люблю и почитаю,
Довольно из моих узнал ты слов, я чаю,
Которы я тебе недавно говорил,
Когда за верность ты мою благодарил.
Отмстить готов я был презлому супостату
За то, что причинил нам общей чести трату.
Не Секелия ли живот его спасла,
Как дочь твоя склонна к его любви была?
Противна сделалась отцовскому тем нраву,
Коль своевольному последовала нраву!
Однако для твоей усердности ко мне
Прощаю дочь твою я в дерзностной вине.

Щелкопер

Он страстию давно пылает к ней безмерно,
Горячности его свидетель буду верно.
Я пред тобою быть стыжуся лицемер,

Что явно видел сам уж ты тому пример.
Как смело он хотел восстать против злодея,
Любовью к дочери твоей все пламеняя!

Ф а р н о с

Мне справедливость в том повелевает так,
Когда пред всеми тот означился нам враг.

Д о л г о м у д

Величина красы не составляет в теле.
Искусством произвесть то можно в каждом деле.
Я смолоду и сам бывал на все ходок,
Хотя худой во мне под старость стал порок.
Как в юных был летах, то так тогда был славен,
Что не был мне никто в делах любовных равен.
Я пальму изо всех один в том заслужил,
Что раз по тридцати за сутки плешь калил.
А ныне уж сего я дара не имею,
Не больше в ночь трех раз довольствоваться посмею.

Ф а р н о с

По немощи своей о прочих рассуждай,
Я смею ль дочери твоей промолвить: дай?

Д о л г о м у д

Она еще мала, узка ее и щелка.
Любиться в нежности — ведь это не безделка.
Не возбранял бы я в любви ей пребывать,
Когда б опасности не надо было ждать.
Щель бедная ее распорется до пупа
И будет шириной не уже, как и ступа.

Тогда в нее ломи не только елдаком,
Но можно без труда толкать большим пестом.

Ф а р н о с

Чтоб сладость снизу влить до сердца, сам
постражду,

Потщуся произвесть в ее махоне жажду.
Без пользы проведя цветущие лета,
Девушка весь свой век пребудет сирота.
Лишившись всех друзей, не будет знать отрады,
Пристойны в младости любовные надсады,
Которых в старости не чувствует никто,
Хотя бы елдаков в шентю ввалилось сто.
Пусть, впрочем, говорят, что молод жил кто в горе,
Под старость сладку жизнь тот приобретает вскоре.
Противна правилу сему одна любовь,
Котора лишь сладка, пока играет кровь.
При старости ж всегда бывает неприятна.

Д о л г о м у д

Противна речь твоя, хотя мне и понятна.
Без жалости могу ль кому отдать я дочь?

Ф а р н о с

В замужестве первая бывает тяжка ночь,
Котора в совести всех девушек терзает.
За лучшее ж всегда разумна почитает,
Не изнурия свой терпеньем долгим дух,
Манденку с радостью подставит хую вдрут.
Когда б заране дочь мне ваша полюбилась,
С любезным бы своим без робости склешнилась.

Спокойна б в совести своей всегда была,
Хотя б и тысяче других потом дала.

Д о л г о м у д

Когда законным с ней совокупишься браком,
Хотя в лежачку тешь, поставь ее хоть раком.
Что ж без закону ты в шенте пролить мнишь

кровь —

То больше о пустом терять не нужно слов.

Щ е л к о п е р

Рассудок справедлив и похвалы достойный!
Исчезни срамота забавы непристойной!

Ф а р н о с

Премудрый Долгомуд, могу ль я быть твой зять?
Достоин ли твою я дочь в замужство взять?
Ужели и на то ты, старче, не согласен?
А коли так, скажи, чего же ты опасен?
О, щедры небеса, доколе мне страдать,
Доколе красотой мне той не обладать,
Котора на меня оковы возложила,
Которая мой дух и сердце сокрушила?
Услышьте жалкое стенание и глас,
Кой простираю к вам, несчастный я, в сей час!

Д о л г о м у д

Оставь стенание, не проливай слез реки,
Несчастью многие подвластны человеки.
А ты желанное получишь от меня
То счастье, как женю на дочери тебя!

Не мешкая, о том я предложу невесте.
Пусть пойдет Щелкопер, твой друг, со мною
вместе!
(Уходит с Щелкопером.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ф а р н о с

(один)

О, предвещаемый желанный мой успех,
Тобою я всхожу на самый верх утех!
Мне храбрый Долгомуд дверь к счастью отворяет,
На мой салтык склонить свою он дочь желает.
Понудит строго ей со мною в брак вступить,
А я потщусь в нее любовну снасть влупить!
Не будет мне тогда препятства никакого,
Не утрашусь тогда Дурносова я злого,
Который все мое веселье помрачил.
Ах! если он в красе елдак уж обмочил,
К которой лестная надежда мя питает?
Увы! сколь мрачна мысль меня зло утрашает!
О, храбрый Долгомуд! Спеши скорей, спеши,
Врага предупреди и ярость утиши,
Котора в елдаке его неутолима
И что есть дочери твоей весьма любима.
О, как я елдака Дурносова страпшусь!
Конечно, им красы драгой своей лишусь!
Но что ж я больше жду и казнь не совершаю
И злобному врагу ругаться попускаю?

Иду, и казнь воздам достойную врагу!
А если от него сычуг не сберегу?
Прочь, мрачна мысль! Бодрись, мелькнул мне луч
в надежде!

Испробую сперва, что я задумал прежде:
Постой, я притуплю Дурносова кинжал,
Чтоб у него елдак вовеки не вставал!
Престанет хвастаться тогда своей биткою,
Как будет век бродить с повисшею киткою!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д о л г о м у д, М и л и к р и с а
и Щ е л к о п е р

Д о л г о м у д
(к *Миликрисе*)

Готовься в радостный вступить ты вскоре брак,
Жених твой ждет тебя, готовься на елдак!
Днесь к счастью тебе дверь мною отворенна;
Моим ты промыслом вдруг сделалась блаженна:
Достойного тебе супруга я избрал,
У коего давно елдак, надеюсь, встал.

М и л и к р и с а

Любезный мой отец, я брак не презираю,
Но к счастью приступить такому не дерзаю!
Незрелость лет моих, незрелость и ума

Желаниям моим противятся весьма!
Исполнить бы твою не отрекалась волю
И всяку б приняла непрекословно долю,
Но страх несчастную удерживает тот,
Что узок у шенти моей безмерно вход!
Я лучше смерть принять безвременну готова,
Чем муку претерпеть мне от тирана злого.
Кто б ни был обречен тобою мне супруг,
Который елдаком прохватит мой сычуг,
Всю внутренность мою пронзит своим кинжалом,
Хоть как ни мажь свой хуй помадой он иль салом.
Несчастья моего злым роком не верши,
Чтоб горестную жизнь скончать мне на плещи.

Д о л г о м у д

Ты смеешь ли моей не покоряться власти?
Судьба велела так, ты суждена сей части
Достойна быть!

М и л и к р и с а

Но кто ж мой суженый жених?
Не крови ль княжеской иль из дворян простых?

Д о л г о м у д

Из слов твоих совсем другое заключаю:
Ты сердце отдала Дурносову, я чаю?
Но тщетно себя надеждою не льсти
И сердцем ты об нем напрасно не грусти.
Я жениха тебе избрал совсем отменна,
Который чтит тебя и любит беспримерно,—

Фарнос и предками своими знаменит,
Героев всех краса, друзей надежный щит.
Недавно на врага восстав нам в оборону,
За нашу честь мстить мнил ему он по закону,
Что обругал твою публично красоту
И сманивал тебя на гнусну срамоту.
Свидетель есть тому правдива Секелия,
Что молвила тебе: — Муде и плешь драгие!
Но все достоинства излишне изъяснять.
Фарнос, наперсник мой, мне будет милый зять.
Вот друг его и мой, он знает наши нравы,

(Указывая на Щелкопера)

Все добродетели и превосходства славы.

Щелкопер

Он добр и целомудр, и в совести правдив,
В любви, как камень, тверд, и нрав его не лжив.
Хотя бы полюбил свинью он или суку,
И с той бы не стерпел он горькую разлуку.
Тебе, дражайшая, ввек верен будет он,
Хотя бы тысячу в любви имел препон.

Миликриса

Пускай он будет добр, не лжив ни в чем и верен,
Пускай и тверд в любви, правдив, нелицемерен:
Но не хочу я быть невольницею в том,
Чтоб скарედный Фарнос моим был женихом.

Щелкопер

В любви его к тебе не может быть препятства,
Хотя откажешь ты, но он своим приятством,

Которым твоему усердствует отцу,
Все дело приведет к желанному концу.

Миликриса

Непринужденный брак союз лишь составляет,
А приневоленный, напротив, разрушает!
Ну может ли у нас с ним быть любовь-совет,
Когда меня отец насильно отдает?
Неволя пуше есть всегда своей охоты.

Щелкопер

(Долгомуду)

О дочери твоей напрасны все заботы,
Она не думает Фарноса полюбить,
Который хочет век в союзе с ней пребыть
Иль в горести страдать...

Долгомуд

На то я не взираю,

Намеренье мое немедля окончаю.

Щелкопер

Скорее соверши все дело, как обык,
Дабы не сделался у зятя хуерык.

Долгомуд

О браке ты о сем не мни теперь нимало.
Когда положено хорошее начало,
Хорошего должны мы ожидать конца,
Чтоб два совокупить любовию сердца.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Щелкопер и Миликриса

Щелкопер

Фарносову любовь почто ты презираешь?
Или его елдак в ничто себе вменяешь?
Что в голову тебе пришла за чепуха,
Что на Фарноса так ты сделалась лиха?

Миликриса

Ничем я не могу в его любовь склониться.

Щелкопер

Так чем же мог тебе Дурносов полюбиться,
Что ты его в любви так много предпочла?
Конечно, в елдаке его ты смак нашла?

Миликриса

Мне подозрение такое не ужасно;
Но ты стараешься склонить меня напрасно.
Иль в робость думаешь ты тем меня привести,
Дурносов будто бы похитил мою честь?
Обманываешься в пустом своем сомненьи:
Я целомудренна, крепка в своем терпеньи,
И к злу меня никто не может соблазнить,
Доколь не суждено судьбой мне в брак вступить.
Да только не Фарнос иметь то счастье станет.

Щелкопер

Но ежели тебя надежда в том обманет
И твой сычуг отец Фарносу поручит?

Тогда ведь он в тебя без жалости всучит,
Тут можешь ли ему еще сопротивляться?

Миликриса

Того я не боюсь, нельзя тому и статья.
Я прежде, нежели с Фарносом в брак вступлю,
Желанья своего успех употреблю,
Что кончу свой живот я в случае жестоком!
Причиной смерти сей Фарнос мне будет роком,
Когда кинжалом я...

Щелкопер

Зачем толь мысли злы
Вселяешь в голову? Оставь мечты пусты!
О смерти думать нам заране не годится,
А прежде сладостью любви насладиться.
Иль лучше на битке ты хочешь умереть,
Чем попустить себя женой Фарноса зреть?
Фарнос давно уже к тебе пылает страстью,
Так насладиться дай ему свою сластью;
Он в нетерпении...

Миликриса

Он гнусен для того!
Ну можно ли мне спать всегда возле него?
С такою рожею связаться не хочу.

Щелкопер

Выходит, он тебе совсем не по плечу!
Мужская красота так женщин не пленяет,
Как добрая битка глаза их соблазняет!

По мне, так хоть куда годится наш Фарнос.
А разве может быть не ладен его нос?
Так красоту мужчин не в носе полагают,
А умны женщины в битке ее считают.
Фарносов хоть талант не то чтобы велик,
Однако нежить он уж много приобьк.

М и л и к р и с а

Не думай, чтобы я к Фарносу стала склонной,
Но, как сказала, уж пребуду век упорной.

Щ е л к о п е р

Что стану делать я? Не внемлет мой совет.
Пойду теперь сказать Фарносу сей ответ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М и л и к р и с а

(одна)

О князь, дражайший князь! приходит мой конец!
Фарнос старается, чтоб врезать в мой рубец
И век лишит тебя сердечных забавы,
В которой ставит он себе так много славы.
Исчезла радость мне прелестной булавы,
Которую в меня забить желаешь ты!
Мечты приятные мне в голове толпятся:
Что будто я лежу, ты ж начал уж стараться...
Но вот чего боюсь: как сильно ты попрешь,
То узку щель мою до пупа раздерешь!
Тогда я под тобой...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М и л и к р и с а и С е к е л и я

С е к е л и я

Великий Долгомуд

При старости своей немал имеет труд:
Изыскивать спешит с Фарносом к свадьбе средство.

М и л и к р и с а

Колико на себя зрю воруженно бедство!
Почто я ныне в свет несчастна рождена!
Почто толь елдаком драгим побеждена!
Почто, о, злой Фарнос, ты мною столь пленился,
А ты, родитель мой, почто так осердился,
Что бедной мне велишь с немилым в брак вступить.
А милому претишь любовну страсть явить,
Который лишь ко мне усердностью пылает:
Иль жажду утолить, иль умереть желает!
Приятну его речь я помню и теперь,
Как он в любви сказал: — Драгая, расщеперь
Любовный чемодан и дай вложить булаву!
Я зрела тут его в готовности приправу.
И если б не боязнь во мне тогда была,
Я б тот же час ему с приятностью дала.
Судьба той склонности как будто ревновала
И ту любовь свершить драгую помешала!

С е к е л и я

Откинь, княжна, сие смущенье от себя
И жди приятных дней, когда въебет в тебя!

Уж ты и так весьма в печали похудела,
Как будто на битке слоновой посидела.
Престань воображать, что князь тебе твердил,
Брегись, чтобы Фарнос злой прежде не впялил
В красу твою свою бесчувственную палку,
Которой распалил лишь только щекоталку.
Испортит дело все, не сделавши добра,
Ведь маленька его и вялая елда;
А князя через то в несносну ввергнет муку:
Он будет принужден с задору чванить суку;
Ты можешь ли на то без жалости смотреть,
Когда твой князь к тому...

М и л и к р и с а

Ах! как мне то стерпеть
И как лежать под тем, кто очень мне противен?

С е к е л и я

Куда как ваш союз с Дурносовым мне дивен,
И как его биткой ужасно пленена!

М и л и к р и с а

В шенте, что и в елде, еблива страсть равна,
Когда б ты по уши сама в кого влюбилась,
Скорей моей шенти твоя бы расщепилась!

С е к е л и я

Хоть тысячу бы раз пленна как ни была,
Однако ж я и тут...

М и л и к р и с а

Ну так любовь мала!

Но если кто ее всю в тонкость распознает,
То к ярости тотчас махоню зажигает.
Всечасно будет мысль в шенте тревожить кровь
И нудить усладить кипящую любовь.
Так равно я теперь, несчастная девочка,
Презренная отцом, как без сивухи бочка,
Когда он высуслил ее до сама дна
И смотрит, что пуста уже стоит она,
Котору мой отец безмерно взненавидит,
Коли ни капельки винца в ней не увидит,
Все обручи с нее велит посколотить,
А после и совсем ее в огонь ввалить;
Вдруг яростью свои наполнит быстры очи,
На гузне гуж тотчас подвывает покороче,
В раздумье бродит все, не зная, что начать;
Потом под нос себе принявшись ворчать,
Пойдет искать вина, чтоб допьяна напиться,
А как найдет, то рад в вине хоть утопиться!
Но что теперь о нем мне больше рассуждать?
Секелия, мой свет, потщись совет мне дать,
Иль ты меня совсем оставить предприяла,
Что не дала в шентю забить Дурносу скала?

С е к е л и я

Не думай о своей ты мамке так, княжна,
Останусь всей душой по гроб тебе верна...

М и л и к р и с а

Так что ж советуешь? Что делать мне прикажешь?

С е к е л и я

Счастливой будешь ты, когда отцу расскажешь,
Желанье в чем твое теперя состоит.

М и л и к р и с а

Да он мне о любви и думать не велит!

С е к е л и я

Рабов наказывать без жалости довлеет,
А к чадам всяк отец сердечну скорбь имеет.
Равно и Долгомуд: хоть строг его приказ,
Но, как он из твоих увидит слезы глаз,
В нем жаркий гнев тогда мгновенно охладает.

М и л и к р и с а

Он сожаления такого не имеет.

С е к е л и я

Но ежели пред ним в тоске будешь стоять,
Конечно, может он тебе отраду дать.
Ты только лишь мочи штаны его слезами,
И крепко ухвати муде его руками,
Проси, чтоб милость он отцову показал
И чтоб Фарносу он в женитьбе отказал.

М и л и к р и с а

Я в сердце твой совет потщуся содержать,
Иду перед отцом в злой горести рыдати!

С е к е л и я уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д у р н о с о в и М и л и к р и с а

М и л и к р и с а

Хоть склонностью влекусь к твоим мудам все боле,
Но как послушницей мне быть отцовской воле?
Как можно преступить родительский приказ,
Когда им долг велит иметь послушных нас?
Я лучше век хочу не быть никем любима!
Дочь Долгомудова, как он, неколебима!

Д у р н о с о в

Какую язву сим упорством мне даешь!
Какими вредными муде клещами жмешь,
Какие кандалы ты на хуй мне вложила!
Ты мысли все мои к себе приворожила!
Я мучусь яростью, терзаюсь, скорбь несу,
В мудях ужасна боль, без пользы хуй трясу.
В мечте на цель твою, прекрасная,зираю
И, будто как в тебя, в кулак свой попираю.
Любовное млеко ручьем всяк час течет,
А ярости и тем во мне не пресечет.

М и л и к р и с а

Ты живо, князь, свою мне страсть изображаешь
И всю суровость тем мою уничтожаешь.
Но как? Подумать лъзя ль, чтоб я тебе сдалась,
Когда еще ни с кем я с роду не еблась?

Д у р н о с о в

Коль не гнушаешься моею штанной частью,

Коль тлеет и твоя махоня тою ж страстью,
Не трать, дражайшая, свои цветущи дни,
Возри — ведь мы с тобою здесь одни,
Решись со мной совокупиться тайным браком,
Я стать перед тобой готов теперь хоть раком!

(Становится на карачки)

Взгляни на скорбь мою: взгляни на мой задор!
До коих будет мне терпеть, до коих пор?
Смягчи суровость ты! Моя вся печень рвется,
Из уда штанного млеко ручьем лиется!
Иль мыслить, что в тебя попру, тебе не в мочь?

М и л и к р и с а

Я мыслю только то, что Долгомуда дочь!

Д у р н о с о в

А то, жестокая, забыла, что Фарносом
Не хуем щель твоя, долбиться будет носом?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П р е ж н и е и Ф а р н о с

Ф а р н о с

Нет доли здесь твоей! Утри-ка свой ты ус!
Не твой уже теперь, не твой сей сладкий кус!
Хоть мнишь ее уеть, да поеби-ка крысу!
Уж мне отец обрек прелестну Миликрису.
Твой тщетно штанный шмат лишь прочится в
гнезде.

Д у р н о с о в

Но деве сей пришел елдак мой по пизде,
Карандыш, нос-урод!

Ф а р н о с

Дурацкою биткою

Прельщаешь дев, а нас лишаешь ты покою
И уверяешь, что большой приятен ствол,
В нем больше сладости находит женский пол;
Враль скаредный!

Д у р н о с о в

Постой! Не разорви ты глотки

И не вини, коль глуп, ни девки, ни молодки;
Ведь ихний пол привык в утехах пребывать:
Им был бы хуй хорош, а на нос наплевать!
Но ты не мни, чтобы с битки моей свернулся
Иль чтоб мой хуй в твоём заду не окунулся.
Управлюсь я с тобой, забудешь мне грозить:

(Указывает на хуй, потом отстегивает штаны и вынимает хуй наружу.)

Кинжал мой, брат, готов, чтобы в тебя вонзить!

Ф а р н о с

Ты устремляешься лишить меня ввек духу,
Не сроблю от тебя!

Д у р н о с о в

(бросается к Фарносу)

Я заебу как муху!

М и л и к р и с а

(подняв подол, бросается между ними)

В ком более из вас ко мне любви есть,
Моя кому из вас теперь нужнее честь,
Коль к ебле вас могла шентя моя склонити:
Изволь тот лучше свой елдак в меня забити!

(Фарносу)

Изволь!

(Дурносову)

Не то хоть ты битку в меня втеши!
Придется ж быть когда-нибудь мне на плечи!

Ф а р н о с

О, шерстка, губки, шель! О, секелёк прелестный,
О, жопка толстенька, о, ляжечки чудесны!
А титек кругленьких какой приятный вид,
В чужих руках мой нос сие приятие зрит!

Д у р н о с о в

Я для ради тебя не мшу сему злодею!
Но дерзкую вину нельзя ж простить халдею,
И прежде между нас не может быть приязнь,
Доколь не примет сей злодей еблиту казнь!

Ф а р н о с

Ты еблей мне грозишь?

М и л и к р и с а

(Фарносу)

Коль рок тя выгоняет,
Поди отсель, Фарнос! уж от тебя воняет!

Ф а р н о с

Где я ни буду жить, доколь во мне дух есть,
К сему врагу питаю за долг почту я месть!

(Дурносову)

О, хищник, о, злодей! тебе я к мотовилу
Во что ни стало уж приворожу я килу!

(Уходит.)

Д у р н о с о в

(бросается за ним)

Еще ты стал ворчать!

М и л и к р и с а

(ударживая его)

Смягчись, мой князь, смягчись;
Злодея уж изгнав, ты больше не ярись!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М и л и к р и с а и Д у р н о с о в

Д у р н о с о в

Достоин ли принять я от тебя ту мзду,
Чтоб ливер мой впихнуть теперь тебе в пизду?
Сугубая моя тем слава разнесется,
Как влажность из ствола в твою шентю прольется.
Ты в этом отказать не можешь мне теперь:
Победой отворил себе я эту дверь.
Ты зрела то сама: лишь бант мой отворился,
Враг тотчас вышел вон и страху покорился.

Но крепость лишь твою нет сил атаковать.
Престань о толстоте, престань ты толковать,
Почувствуй ты мою с задору злую муку,
Позволь хоть под подол к тебе мне сунуть руку!

М и л и к р и с а

Не будь так скор и тщишь желанья умирять;
И дай хоть пальцем тут сперва поковырять;
(указывая на пизду)

Потом я под подол пушу гулять уж вольно,
Не думай ты тогда, что мне уж будет больно.

Д у р н о с о в

Веселие мое на муку пременя,
Какую сласть отнять ты хочешь у меня!
Во всей подсолнечной до целочек охочи,
Что может быть милей нам целки в первой ночи?

М и л и к р и с а

Что буду делать я? — не внемлет ничего!
Не презирай ты, князь, прошенья моего.
Хоть три часа мне дай еще на размышленья,
Чтоб сделать как-нибудь без боли то мученье.
Суровость всю твою тогда я укрочу,
Пусти меня теперь, я очень сцать хочу!

Д у р н о с о в

Я более держать драгую не дерзаю.
Пойду и я на час в заходе побываю.
(Уходят.)

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д о л г о м у д
(один)

Наполнена шентя премножеством площади!
Но что есть тайный уд, рассмотрим, у девиц.
Войдем в подробность ту, увидим тотчас тамо,
Что, в сущности, он есть; рассмотрим его прямо.
Член этот, так сказать, член сладости плода,
Что общим правилом наречена пизда,
Не что иное есть, как некая пещера,
Котору в чистоте блюдет сама Венера.
Иль иначе сказать, такой она сосуд,
Устроен, чтоб вмещать внутри весь мужеск уд.
Не долго, впрочем, он в сем месте пребывает,
Лишь только что войдет, уже и выступает,
И вот как я сию толкую мудру вещь:
Что девушки должны, как глаз, ее беречь!
А для мужчины сласть велику составляет,
Коль девушка ему пизду вдруг предлагает.
Но если чье дитя пленится елдаком,
Что делать надлежит нам в случае таком?
Я в бедствии теперь подобном пребываю,
Что дочь свою я зрю влюбленной в толсту сваю!
И не могу ничем от оной отучить.
Стремится на битку к Дурносову вскочить!
Дурносов всех попра, победой возгордился
И поражати всех противных устремился.

А я при старости к концу уж дни веду
И заебнным быть черёдкой смерти жду.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д о л г о м у д и Ф а р н о с

Ф а р н о с

Почтенная глава покрыта сединою,
Отличный ото всех муд ветхих долгогою,
Покоящий в штанах обширный вялый гуж,
Поборник дряхлости, нежно желанный муж!
В твоих морщинах зрю блестящу добродетель:
Будь мне отцом родным! будь счастья содетель!
Потщися отвратить всеобщую напасть,
Употреби к тому родительскую власть:
Понудь дщерь в брак вступить со мной, минут не
тратя,
Ты будешь зреть во мне послушнейшего зятя!

Д о л г о м у д

Ах, перестань, Фарнос, ты тщетно в хуй стучать
И беспрестанно мне о браке докучать!
Другому в дочери моей досталась доля!
Прешла моя над ней родительская воля,
Дурносовой и я шмагины трепещу,
И так при старости уж я дырой крихчу.

Ф а р н о с

Как к дщери я твоей любовью ни пылаю,
Но князя раздражать и сам я не желаю,

А также не хочу соперником с ним быть,
Но части должен в том его я уступить.
Но я другое уж намеренье имею,
О коем объявить тебе еще не смею.

Д о л г о м у д

Маня надеждой дух, не тщетно ль в хуй трубишь?
Какое ж средство ты, Фарнос, употребишь?
Отъяты все пути с Дурносовым сражаться,
Мы с жопами должны подале уплетаться.

Ф а р н о с

Не думаю я с ним в ебливу брань вступить,
Но хитростью потщусь упругость притупить.
Когда кто победить врага сил не имеет,
То в крайности обман и месть чинить довлеет.
Удачи нет всегда в сражении прямом:
Кто силою разит, а кто разит умом.
Как силен был Самсон, известно всей вселенной;
Но хитростью пизды стал вдруг он побежденный!
Кто как ни силен будь, да если разум худ,
Не страшен столько же, как будто хуй без муд.
Как было б естество ни толсто, ни велико,
Упругость можно стерть и сделать так, как лыко.
Лишь хитрость малую к тому употребить,
То будет хуй — хоть брось иль лучше отрубить!
Позволь то сделать мне, а я отмщеньем жажду.

Д о л г о м у д

Отмщай, как знаешь ты, а я так гүзном стражду.
Но прежде ты узнай от дочери моей,

Намеренье твое угодно ль будет ей.
Вот и она...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прежние и Миликриса

Фарнос

Княжна! Я должен известиться,
Могу ли склонности твоей хоть мало льститься?
Желаешь ли со мной вступить ты в должный брак,
Иль уж прельстил тебя Дурносова елдак?

Миликриса

Не обвиняй меня, Фарнос, виною тою,
Что будто я пленна Дурносовой биткою!
Хоть он ее всегда, гордяся, мне сулит,
Да мой родитель мне склониться не велит!

Долгомуд

Ты княжеская дочь, должна быть горделива,
Не то, как подлая бывает девка члива,
Которую за грош нахальник всяк валит.
Нередко оттого в шенте у них болит.

Миликриса

Коль знатною биткой моя жизнь зачалася,
То лъзя ль, чтоб я кому без брака в блуд далася?
Не может огонь никто в шенте моей зажечь!

Фарнос

Княжна! Я не о том начать имею речь.

С горячностью дрочу всегда хуй, как дубину.
Определи, прошу, княжна, мою судьбину:
Надеждой льститься ли тебя в замужство взять?

Долгомуд

У нас положено, чтоб был Фарнос мне зять.
Я вместо слов муде в залог дал в той надежде.

Миликриса

Ко мне не заглянул почто под юбку прежде?
Почто столь суетно Фарноса тем ласкал
И в обязательство столь важное вступал?
Не дам в красе своей ничьей смочить я снасти
И девой снизу в гроб — не прикоснусь сей сласти!

Долгомуд

(Фарносу)

Принужу дочь свою я быть твоей женой,
Лишь только потерпи... поди, княжна, за мной!

(Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фарнос

(один)

В штанах моих, увы, багряна плешь бледнеет,
Хладеет в жилах кровь, уд страждет, леденеет,
И крепости уж нет по-прежнему в хуе!
О, рог, о, длинный рог! о, толстые муде!
На что красавицей, княжна, ты в свет родилась!

На что ты мне опять так сильно полюбилась,
Что я любовь к тебе не властен одолеть!
Я со сто раз других уж принимался еть;
Но что ж? Тем плоть моя лишь только истощалась,
А страсть любовная нимало не смягчалась.
О, как я беден днесь! о, случай мой как лих!
Котору еть хочу, ах! той я не жених!
От страсти плешь моя, как рыба об лед, бьется!
Колико мой злодей победой вознесется,
Все счастье ему ебливый знак дает!
Пусть ж с толстою биткой злодей сей пропадет!
Пока свет солнечный на небе зреть он станет,
Елдак его вовек с сего часа не встанет!
Пускай повисшую таскает он битку,
Котору уж никак не втискает в пизду!
Чтоб лучше удивить, так эта невстаниха
Подкрадется к нему не вдруг, а из-под тиха!
Спешу исполнить то.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дурносов и Секелия

Дурносов

Удобно место здесь,

Где беспрепятственно свершить брак можно весь.
Благоприятствует сама судьба теперя,
Лишь нет одной княжны, лежащей расщеперя
Пресладостную щель, которой мне почать.

Потщись, Секелия, наш брак ты окончать,
Уговори княжну!

Секелия

Уговорить не штука;

Но знаешь ли ты, ей какая будет мука?
Не лучше ль мне сперва задор твой утолить,
И сладость ту в меня изволь хоть ты пролить.
А за княжну свою готова быть в напасти;
Не можешь произвести сим разом ты в ней сласти,
Какую б исподволь возмог в ней произвести.

Дурносов

Престань, Секелия, дурные враки плесть.
Ничья краса елдак уже мой не прельщает.

Секелия

Но Миликрису страх склониться запрещает:
Величиной ствола распорется шентя,
Тогда в нее пихай хоть что ни подхвата!
Я зрю то и сама, что хуй твой ей не в меру.
Ей лучше дать сто раз с усами гренадеру,
Чем страшному для ней с тобой союзу быть,
При коем должен ты в княжну и хуй забить.
Твой сильный жар ствола теперь мне то являет.
Так вот о чем княжна тебя, князь, умоляет:
Когда ты ей вонзишь, направля свой кинжал,
То прежде чтоб к губам не сильно ты прижал
И в ярости своей хоть мало б удержался,
Но в ней бы произвести жар прежде постарался.
Иль лучше наперед ей знак свой тебе дать,
А сам своей рукой у ней побаловать.

Не много в деле сем минут у вас продлится.
И сама крепкая девица соблазнится,
Подавно уж княжна, нрав коей мне знаком.
Она твоим давно пленна уж елдаком.

Д у р н о с о в

Я все твои слова приемлю за отвагу.
На ложе брачное до тех пор с ней не лягу,
Доколе не пролью в шенте ее я кровь
И не сберусь опять к пиханью с силой вновь.
Вот как я предпринял...

С е к е л и я

Еще я позабыла
Сказать, чтобы не так сперва ей больно было,
Не лучше ль на себя попрежде взяли труд,
Побольше чем-нибудь хуй смазали б до муд.
Пихаться так легко и жеребьячим скалом:
Ведь узки сапоги же смазывают салом?

Д у р н о с о в

Я все уж способы потщусь употребить,
Чтоб как бы уж нибудь в княжну полегче вбить.

С е к е л и я

Княжна, спознав о сем, сама дать будет рада.

Д у р н о с о в

Со мной вот у меня с духами есть помада,
Котору щегольки трудятся покупать;
А я в сей час ее без денег мог достать.
Что долго нет княжны?

С е к е л и я

Я к ней идти потщуся
И без нее, мой князь, к тебе не возвращуся.
А ты, князь, между тем намажь себе елду.
Ну, до свидания. Я духом приведу!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д у р н о с о в

(один)

Теперь потребно мне порядком прибодриться,
Вот уже чувствую, как хуй мой стал яриться.
Муде мои трубят в торжественну трубу,
И чудится уж мне, что будто я ебу.
Но самый этот жар как вдруг что охлаждает:
То встанет хуй, как рог, то вдруг и опадает
И словно как беды великой себе ждет.
При дверях сладости, сгибаясь, унывает!
Ведь перед старостью лишь только так бывает!
Нет страха мне ни в чем, препятствий когда нет!
Исполню я совет... вот и княжна идет!

(Намазывает хуй помадой.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Д у р н о с о в, М и л и к р и с а
и С е к е л и я

Д у р н о с о в

Дражайшая княжна! Ужели ты готова
Вступить со мной во брак, исполнить данно слово?

Ужели я могу сей день торжествовать?
Ужели можешь мне красу свою отдать?
Ужель дозволишь внутрь войти сего приятства?

С е к е л и я

Нам уже нет, любезный князь, ни в чем
препятства.

Д у р н о с о в

Сколь сильной яростью плененный уд мой тлею,
Столь никаких на то мастей не пожалел:
Оранже, и розовой, и с цедрою прямою,
А на прикрасу к той намазал и гуньбою.
Зри, как от сих мастей моя сияет плешь!

С е к е л и я

Князь, времени не дли, скорей ее ты пежь!

Д у р н о с о в

Дражайшая княжна!

М и л и к р и с а

Нет казни мне сей злее!
(*Падает в руки Сekeлии.*)

С е к е л и я

Княжна, ах, ободрись! Хоть ты, князь, будь смелее!

Д у р н о с о в

Смягчи, княжна, мой ствол, смягчи сурову часть!

М и л и к р и с а

(*опоминась*)

Я не могу никак в твою предаться власть!
Коль берегу красу,— я честная девица,—
А как ее лишусь, что буду?

С е к е л и я

Молодица!

Но что о суетном напрасно толковать,
Спешి скорей, княжна, спеши скорей ты дать
И вечным как-нибудь союзом сопрягися!

Д у р н о с о в

Склонись, дражайшая, потешиться, склонись!
Прохладу слабую хоть дай ты елдаку,
Дабы предупредить мне тем хуеруку,
И, чтоб не испустить без действия потока,
Предотврати, княжна, его жестокость рока!
В отраду мне хоть тем немного одолжи,
Что малою своей рукою поддержи!
А я моей рукой к твоей шенте прижмуся!

М и л и к р и с а

Ах, нет! мне стыдно, князь! рукою я не примуся.
Мне лучше век терпеть.

С е к е л и я

Князь! Времени не дли,
Будь храбр и снасть свою насильно ей ввали!

Д у р н о с о в

Жестокая! Не мучь, не мучь меня, склонися!
Взгляни! хоть раз взгляни! хоть пальцем
дотронися!

М и л и к р и с а

Не лсти себя, мой князь, надеждою пустой:
Я дева, ты герой, к тому ж и холостой.
Удобно ль мне с тобою сильно так растлиться?
Дочь Долгомудова ввек так не распалится!

Д у р н о с о в

Каким, жестокая, ударом ты разишь
И сколь великою напастью мне грозишь!
Какую за любовь готовишь муку злую!
Чтоб я с горячности мой хуй впихнул в другую?
Чтоб расщеперил бы немилой я пизду?
Чтоб я любовную с другой начал ездю?
В другую коль забью в задоре столь жестоком,
Не будешь ли смотреть на то ревнивым оком,
Как я к иной теперь отважусь под подол
И, всунув, ущемлю перед тобой свой ствол?

М и л и к р и с а

Секелия! Что мне в сем случае начать?

С е к е л и я

Советую скорей то браком окончать,
Чтоб непрерывною любовью вас связало;
А времени к тому осталось очень мало.

Д у р н о с о в

Что ж трачу я часы полезные вотще!
Пойду лучше к другой!
(Хочет идти.)

С е к е л и я

(удерживая его)

Помедли, князь, еще!

Д у р н о с о в

Нет, я намеренья сего не отлагаю,
Исполню здесь: в тебя, Секелия, впихаю!

С е к е л и я

Я недостойна, князь, для счастья такого,
Но вот вонзи! пизда перед тобой готова!

(Все сие время Дурносов хочет еть Секелию, но
Миликриса, ухватя его за хуй, подводит к себе.)

М и л и к р и с а

Жестокий, удержись! о, как несчастна я!

Д у р н о с о в

Не ты несчастлива — несчастна плешь моя!

М и л и к р и с а

Не спорю больше я с своею лютой частью:
Вот щель моя, вонзи! и утолись сей сладью!

(В сие время хуй у Дурносова опадает.)

Д у р н о с о в
(дрожжащим голосом)

Что сделалось, увы!

М и л и к р и с а
(в отчаянии)

О, рок! о, случай злой!
К чему меня склонил к гибели такой?

Д у р н о с о в
Ах, как судьба ко мне вдруг сделалася лиха!

С е к е л и я
Что сталося, князь, скажи?

Д у р н о с о в
Ты видишь: невестаниха!

С е к е л и я
Вот случай бедственный!

М и л и к р и с а
Что есть сей казни злее!
Увы, мой князь! Увы!

С е к е л и я
(Дурносову)
Дрочи, дрочи скорее!
Жар утолить в княжне хоть мало порадей!

Д у р н о с о в
(дроча хуй)

Нет способа вздрочить!— подхмистый злодей!
О, раздраженный враг!— отомстить тебе мне надо!
Подействовала так Фарносова помада!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ и последнее

П р е ж н и е, Д о л г о м у д
и Щ е л к о п е р

Щ е л к о п е р
Что вижу я? Княжна! о, стыд! о, нравы строги!
Какую срамотой наполнились чертоги!

Д о л г о м у д
Я с удивлением смотрю на сей позор!

М и л и к р и с а
(на коленях)

Мой отче, отврати от недостойной взор!

Д о л г о м у д
Забудь природу ты или забудь то скало,
Которое уже навек, как лыко, стало!

Д у р н о с о в
О, как злодей мой уд обезобразил вдруг!

Д о л г о м у д

(Миликрисе)

Готовься к браку ты! Фарнос тебе супруг,
И уж Дурносова не думай видеть боле!

М и л и к р и с а

Последую теперь твоей, родитель, воле!
А ты, о, князь! прости! забав наш час протек.

Д у р н о с о в

Прости, дражайшая! Прости, княжна, навек!
(Уходит.)

Щ е л к о п е р

Великий Долгомуд! Хоть ты мирить умеешь,
Но поздно уж теперь Фарносу ты радеешь.

Д о л г о м у д

А что? что случилось с ним?

Щ е л к о п е р

Сперва раздулся нос,

А часа два спустя пришел к нему понос.
Час целый маялся, штанов не подтыкая:
Кряхтел, стонал, ругал; беда, ворчал, какая!
А как понос лишь сей немного унялся,
Он с силою своей еще не собрался,
Как вдруг другой бедой тотчас его сразило
И в бездну, как в шентю, хуй дряхлый погрузило:
Он сильной яростью к прекрасной дочери тлел;

Но, как ее уеть, надежды не имел,
То похоть удержать свою как ни старался,
Но из ствола его ручьем ток проливался;
Не сей был это ток, прохлада что в любви,
Но что случается от похоти в крови.
Раздулася его в минуту бедна потка,
Не помогла ему в сем случае и водка.
Чем жарче рделась плешь, тем был сильнее ток.
Я за плешь ухватил, в крови весь стал платок!
Весь дом он оглашал своим печальным криком.
— Увы! — вопил Фарнос, — я стражду хуерьюком!
Мне приключило то жестокою напасть,
Что к Миликрисе я имел пресильную страсть!
Нам способ излечить один тогда сказали:
С кобылой сделать блуд; к кобыле мы предстали,
Я подмостил его, кобыле хвост заткнул:
Но, о, жестокий рок! Фарнос лишь чуть-чуть ткнул,
Как та кобыла вдруг шарахнулась, вздрогнула,
Со всей жестокостью, что мочи есть, лягнула.
Он пал вдруг, поражен, со стоном рок кляня,
И тут, в последний раз взглянувши на меня,
Он мне проговорил: — Для друга ободрился!
Сему хуерьюку виною Миликриса;
Однако ей скажи, что я ее простил!
И с этим словом дух последний испустил.

М и л и к р и с а

Несчастнейший Фарнос! Я и тебя лишилась!

Д о л г о м у д

Лишилась ты его, и часть его свершилась!

М и л и к р и с а

О, день, горчайший день! источник лютых бед:
Князь вечно погублен, Фарноса больше нет!
Пожри со всею лютостью меня живую, бездна!
Рази! губи! мне жизнь без ебли бесполезна!

Конец

Монах и Пиздом

Ж о п о л ю б

Все чувства роскошью мои напоены,
И мысли ею все в восторг приведены.
Отменным родом я теперь любви таю,
Ни с чем на свете той утехи не сравню,
Котору я теперь лишь только что вкушал,
И весь мой дух исполнен жаром стал.
Скажи, любезный друг, как ты об этом мыслишь,
Между каких забав сию утеху числишь?

П и з д о л ю б

Чтобы без всякой то ошибки угадать,
Мне нечего о том и голову ломать.
Ты сам уже совсем мне ясно в том открылся,
Во всех словах почти подробно изъяснился:
Что где-то еб теперь прекрасную пизду,
И в том хоть к самому я рад идти суду,
Что в сей отгадке я ничем не погрешаю;
Утеху я сию сам свято почитаю.

Ж о п о л ю б

Что где-то еб теперь, то прямо ты сказал;
Лишь только одного ты тут не отгадал:
Я жопой — не пиздой роскошно наслаждался,
Небесной, так сказать, утехой забавлялся,

Да что еще притом, не просто я блудил:
Жопеночку-то я ведь целочку растлил!

П и з д о л ю б

О, небо! словом сим весь дух мой возмущился!
Какой ты скверностью, любезный друг,
прельстился!

И в целый бы мой век того не угадал,
Чтобы содомство ты утехой поставлял.
И как тебя привести то может в восхищенье,
К чему вся в свете тварь имеет отвращенье?
Возьми лишь ты ее в живой себе пример:
Представь себе скотов, народов всяких вер.
Увидишь: то они законом запрещают,
Что многие себе утехой почитают.
Конечно, естества забыл ты, брат, устав
Иль святости его не считаешь прав?
Не жопу, а пизду дала нам всем природа
Телесных для забав и к размноженью рода.
Тьфу! мерзостней скота ты уж, не человек,
Что жопу предпочел пизде противу всех!
Ну можно ль жопу нам сравнить когда с пиздою,
Единственной хую законною дырою?

Ж о п о л ю б

Сама ж природа та, о коей говоришь
И чей закон ты мне столь свято чтить велишь,
Нас склонностями всех прещедро одарила,
Меж ними разности в нас быть определила.
И потому из нас всяк вкус имеет свой,
В чем, верно, спорить сам не будешь ты со мной.

Что ж мне другую тварь ты ставишь здесь в
сравненье?

На то тебе тотчас скажу опроверженье,
Которо истиной и ты признаешь сам,
Когда представишь, сколь должны мы небесам,
Что с бессловесными они нас не равняют
И разностию свойств от нас их отличают.
Они стремлением одним лишь снабжены,
А разумом лишь мы одни просвещены.
И божества в нас знак яснее тем сияет,
Что полной волею нас небо одаряет.

П и з д о л ю б

Я знаю это сам, и верю я всему,
Что к оправданию сказал ты своему.
Но можно ль вкус иметь кому твоему подобный,
Чтоб заразиться так сей страстию негодной?
Представь себе пизду и прелести её,
Не распалится ли всё чувство тем твоё?
Она лишь для того на свет и создана,
Чтоб ей одной любовь была покорена.
Какой, ах, нежный жар, какое услажденье!
Кто может есть ее и быть не в восхищенье?
Юпитер для чего сходил, скажи, с небес? —
Воздать ей должну честь премножеством чудес.
А жопа от кого, скажи, была почтенна?
Она почти от всех на свете сем презренна!
И можно ль на нее с приятностью глядеть,
Особенно тогда как перестанешь есть?
Ведь целый на плечи фунт вытащишь говна!
Как может с жопою пизда быть сравнена!

Ж о п о л ю б

А я тебе на то тотчас в ответ скажу
И разность главную меж ними покажу:
Скорее вымыться, чем вылечиться можно!
Бесспорно, в правде сей тебе признаться должно.
А из сего, скажи, не ясно ль то собой,
Что жопе первенство дать должно пред пиздой,
Затем что от нее болезней не бывает,
А от пизды людей так много пропадает.
Примеры могут нам плачевны доказать,
Как многим суждено от фрянок умирать.
И потому, что нам совсем не повреждает,
То больше и любить нас склонность побуждает.
Говно ль, заёбины ль, ведь вымыть все одно;
Лишь только разность та, что пахнет неравно.
Что ж ты Юпитера в пример мне поставляешь
И мерзкие пизды чрез то ты защищаешь:
А разве не любил он также Ганимеда?
Да жопою его прельстила ведь и Леда.
Но первого всегда имел он при себе,
Тогда как в пизды еб он временно, кой-где.
А те все прелести, ты кои вычисляешь,
И их к одной пизде толь смело причитаешь,
Равно и в жопе их не ложно нахожу
И, не красневши, то пред светом всем скажу,
Что жопу я всегда пизде предпочитаю,
Утеху с жопою ни с чем я не сравняю.
Пускай меня за то кто хочет, тот бранит,
Но мысли сей во мне ничто не истребит,
И я хвалимую достойно мною жопу
Не променяю, верь, на целую Европу!

П и з д о л ю б

Твой странен вкус совсем, и с ним, я чаю, век
Не будет ни один согласен человек.
Конечно, всякому из нас признаться должно,
Что спорить о любви и вкусах невозможно!

Портреты

*

Билеты

*

Написи в альбом

*

Загадки

*

Рецепты

*

Эпиграммы

*

Эпиграфы

Портреты

Женские

Я

Разумна, хороша, в нарядах знаю вкус,
По моде не с одним, со многими ебусь.

Ты

Глупа, нехороша, не знаешь блеску дать,
Неряха, блудишься с одним, без вкусу блять.

Она

Годится девушка, ты хуже всем ей,
Ебется, но не так, ебусь как модно я.

Мужские

Я

Прекрасный молодец, у женщин всех в
почтеньи,
А любят что меня, то хуй всегда в леченьи.

Ты

Хорош не так, как я; ленив, а я в труде.
Распухли ль как мои с работ твои муде?

Он

Хорош бы малой был, да еть не достает,
Купчихи говорят, что всласть не уебет.

Билеты

*

Между цветов и красных роз
Собачий хуй на грядках взрос.

*

Дары все естества нам дурно презирать.
Подобно и тебе, мой хуй, пренебрегать.

*

Узнай, чего теперь, Кларисса, я хочу:
Гляжу я на тебя и хуй в штанах дrouchу.

*

Люблю тебя, мой свет, и от любви стражду.
Сижу подле тебя и еть тебя я жажду.

*

Не видит то никто, тебя чем забавляю:
Тихонько у тебя в пизде я ковыряю.

*

Ебись и не теряй прелестной красоты:
Как младость пролетит, гадка всем будешь ты.

*

Возьми себе ты тот, из коих лучше нет.
Но лучше для тебя в штанах, мой свет, билет.

*

Зовут по красоте тебя, мой свет, звездою.
Но краше в ебле ты сто крат своей пиздою.

*

Целуй меня везде, любезная, целуй,
Но вместо ты меня не поцелуй мой хуй.

*

Коль лъзя б было летать пиздам, подобно птицам,
Хорош бы был сучок — елдак сидеть девицам.

*

Для дела руки мне, глаза даны, чтоб зреть,
А хуй, прекрасная, тебя мне чтобы еть.

*

Ласкаешься ко мне, брюнета, ты, целуя.
Чего желаешь ты? Конечно, хуя.

*

Прекрасный у меня, Кларинда, есть цветок.
Возьми его сама себе ты из порток.

*

Всех лучше кажется та девушкам игрушка,
Как ежели в штанах хорошенька коклюшка.

*

Я тотчас отганул, что мыслишь ты всегда:
Свербится, девушка, всяк час твоя пизда.

*

Не можно изъяснить мне то, что мышло я,
А лучше изъяснит в пизде битка моя.

*

Утеха лучшая в том женщин состоит,
Чесать тогда пизду, когда она свербит.

*

Коль прямо хочешь быть, красоточка, счастливой,
То счастье лучше в том, чтоб быть всегда ебливой.

*

Желаем получить, скучаем мы иметь,
Не буду ж я хотеть, когда б тебя уеть.

*

Красотками мой дух и мысли насыщаю,
Но лучше их пиздой себя я утешаю.

*

Охотно просижу я в пустынькой избе,
Коль будет когда хуй мой в узенькой пизде.

*

Не светится пизда восточна как звезда,
Но любо на нее вам зреть, хуи, всегда.

*

Я никогда так не грущу,
Как долго хуй в штанах ишу.

*

И были лишь одне в штанах моих муде,
Однако вот и те изгнили все в пизде.

*

Досадно, чаю, вам, красоточки девицы,
Когда в пизде у вас блошицы.

*

Как бычий твердый рог, мой хуй всегда стоит,
Но вместо чтоб вредить, он девок веселит.

*

Тогда живут етись охотницы-молодки,
Когда еще у них бывают круты жопки.

*

Ты мыслишь о себе, что девушка целок,
Однако, знаю я, пролезет и щенок.

*

Не тепуся я так в садах весной цветами,
Как тепусь у девиц под юбками пиздами.

*

О чем ни мыслю, ни гадаю,
А все пизды одной желаю.

*

Хотя пизда с краев болит,
Но еться не претит.

*

На мысль старухе ночь коль первая придет,
Старуха тут вздохнет, пизда ее зевнет.

*

Коль мыслишь обо мне, что еть не дам тебе,
То, встанет когда хуй, ты кличь меня к себе.

*

Пусть люди говорят, что я велика блядь.
Грешно же то сказать, чтоб еть кому не дать.

*

Когда еще пизда гола моя была,
Я в те поры ети себя попу дала.

*

Колико до мужчин тот рок злосердный скуп,
Что видит глаз пизду, да не имеет зуб.

*

Ленивая пизда всегда сидит одна,
Досужа перед ней сто раз уебена.

*

Вот видим мы и то,
Что хуй без муд — ничто.

*

Ведь, знать, что хорошо, что девушка хохочет,
Коль страшная битка в пизде ее клокочет.

*

Как малый хуй ебет, тогда пизда свистит,
А толстый хуй ебет, тогда пизда хлопит.

*

Если б так хуй летали, как летают птицы,
Их охотницы б ловили — красные девицы.

*

Заморскую пизду в России чтут издавна.
Хотя она гнила, однако иностранна.

Написи в альбом

Жуто

Из самой вечности и в бесконечны годы,
Ко истечению живот дающих струй
От щедрыя нам ты поставлен, столб, природы,
Её ты нам даров наилучший, твердый хуй.

Жопомае

Ничто не нужно так, присмотр как в доме нам,
А дом наш присмотреть приличный долг женам.
Досужна женщина, ты все не пропускаешь —
Один тебя ебет, другого запасаеть.

Анне

Труды дают нам честь и похвалу во свете,
Трудом восходит вверх могущество героя,
Труды любовь от всех обрели и Аннете —
Затем, что хорошо она ебется стоя.

Елизавете

Прекрасный образ днесь Елизы видишь ты,
Котора, сверх своей отменной красоты,
Отменнее других умеет нарядиться,
Приятно подмигнуть, обнять и ублудиться.

Варваре

Во всяком есть чину всегда особа должность:
Победа или смерть — то воинам прилично;
Молитва, пост и труд и долгая спокойность —
Духовным то отцам здесь, стало быть, обычно;
На спинке ж полежать, проворно подъебать —
Варварушке одной то должно приписать.

Дарье

Весенние в тебе красы изображены,
Утехи вечные тобою подражены,
Краса твоя цветет, подобно вешний цвет,
Прекраснее тебя из всех здесь в граде нет,
Как цветик, Дарьюшка, приятностью блистаешь,
Цветок собирает пчел, а ты хуй собираешь.

Ольге

Захвачена когда от стужи, от мороза,
Еще хотя цветет, но уж цветет не так,
Цвела как средь весны блистающая роза,
Подобно сей красе не так хорош уж зрак.
Увяла Ольгушка, и редко кто взирает,
Однако за пизду доходы собирает.

Арине

По склонностям людей надлежит разбирать,
И склонен кто к чему, тому ту должность дать.

Напрасно, например, свинья сидит судьёю —
Свинье лежать в дерьму приличней со свиньёю.
К чему ж употребить красоточку Арину?
Как только чтоб ни есть, положиши на перину.

Фетинья

Натура разными дарами нас снабжает.
Иному, давши честь, богатством обижает.
Богатство дав сему, ограбила красой.
Фетинья рождена хоть дурой и косой,
Однако отняла не все у ней природа —
Публична она блядь, а блядкам в свете мода.

Настасья

Согласно говорят: прекрасно в свете что,
Не может никогда уж дурно быти то.
Девицу честную, разумную Настасью
Весь город хвалит, что вельми пространна
снастью.

Татьяне Странноприимнице

Ничто похвально так, как суть странноприимства.
Коль если украшен им кто-то без мздоимства,
Свой истинный тем долг являет человек,
Он лучше ничего не делает в свой век.
Татьяна теснотой отнюдь не негодует,
Что друга мужнина в ней хуй всегда ночует.

Алуру

Хоть древние тебя дитятей называли,
Со луком, с крыльями, с колчаном стрел писали,
И разом двух сердца пронзаешь что людей,
Однако ты совсем имеешь вид не сей.
Ты стар и млад живешь и как когда случится,
Но сущим ты совсем младенцем не годишься.
Нет крыльев у тебя, летать тебе нельзя,
И для того предмет ты ищешь поползя.
С колчаном лук на что, стрелы коль не бывало?
Ты сам собой стрела, но тупо твое жало.
Совсем ты не творишь ничьим сердцам вреду.
Стреляешь если ты, стреляешь-то в пизду.

Эпиграммы

Обещанная вдова

— Я обещана,— пришла просить вдова.
Однако знал судья, кто просит такова.
— Кем?— спрашивал ее. — Сегодня у соседа,—
Ответствовала та,— случилась беседа.
Тут гостя на меня так грубо солгала:
Уж четырех ты во вдовстве-де родила!
Судья ей говорил: — На эту плюнь причину.
Стал свет таков: всегда приложат половину.

Большая любовь

Ты очень ей любим, она в твоей вся воле.
Да только тридцать есть, которых любит боле.

Дорогая любовь

Мой свет, любовь твоя мне очень дорога.
Да для того-то я тебе и не слуга.
С кем хочешь ты любись своим продажным
жаром,
А я люблюсь с такой, которая любит даром.

Оправдание

Увидевши жена, что муж другу ебет,
Вскричала на него: — Что делаешь ты, скот!
Как душу обещал меня любить ты, плут.
— То правда,— муж сказал,— да душу не ебут.

Ссора

Повздорил некогда ленивый хуй с пиздой,
С задорной блядкою, прямою уж звездой.
Она, его браня, сказала: — Ты дурак,

Предпочтение

Хоть есть или не есть,
Всё должно умереть.
Неизбежимо смертно жало.
Так лучше умереть, смягчивши штанно скало.

Рассуждение

Мне кажется, что я хуй, руки, уши, рот,
Муде, глаза, язык и бегание ног
Природою достал себе на случай тот,
Чтоб с помощью их пизду эти возмог.

Предосторожность

— Приятель, берегись, пожалуй, ты от рога:
Жену твою ебут и вдоль и поперек.
А тот на то: — Пускай другие стерегут,
А мне в том нужды нет, ведь не меня ебут.

Разочарование

— Вчера свершился мой, жена, с тобою брак.
Что я хотел найти, не сделалось то так.
Жена ему на то: — Не те уж ныне годы,
Нынь трудно то найти, что вывелось из моды.

Арифметика

— Не раз ты мне, жена, неверность учинила.
Скажи мне, сколько раз ты мужу изменила?
— Рогатый! — доводит ему в ответ жена: —
Я арифметике, ей-ей, не учена.

Единство души и тела

Я друга твоего люблю, зрак твой любя,
Его целуючи — целую я тебя.
Едина в вас душа, известно мне то дело.
Так думается мне — одно у вас и тело.

Девичье горе

Горюет девушка, горюет день и ночь,
Не знает, чем помочь.
Такого горя с ней и сроду не бывало:
Два вдруг не лезут ей, а одного так мало.

Объявление

Горшкова дочь дает в наймы свою пизду.
Кто хочет, тот еби, плати лишь должну мзду.
А уж у ней пизда весьма уж не ребячья,
Потребен хуй большой, а плещь чтоб жеребьячья.
Какую ж за труды ей пошлину давать?
Она охотнику сама о том даст знать.

Заика с толмачом

Желанья завсегда заики устремлялись,
И сердце, и душа, и мысли соглашались,
Жестоку чтоб открыть его к любезной страсть,
Смертельную по ней тоску, любви власть.

Но как его язык с природна онемленья
Не мог тогда сказать ни слова ей реченья,
То, вынувши оң хуй, глазами поморгал
И немо речь сию насильно проболтал:
— Сударыня, меня извольте извинити,
Он нужду за меня всю может изъяснити.

Выбор

Муж спрашивал жены, какое делать дело:
— Нам ужинать сперва иль еться зачинать?
Жена ему на то: — Ты сам изволь избрать.
Но суп еще кипит, жаркое не поспело.

Федул

— Федулюшка, мой друг, какой это цветок,
Который у мужчин блистает из порток?
Я видела намнясь, как с батюшкой лежала,
Что матушка, пришед, рукой его держала.
Пожалуй мне его, голубчик, растолкуй,—
Спросила девушка. Федул сказал ей: — Хуй.

Софрон

Софрон как черт лицом, и к дьявольским усам
Имеет еще нос, подобный колбасам,
Которы три года в дыму будто коптились;
А дети у него прекрасные родились;
Что видя, госпожа, имевша мимо путь,
Сказала, чтоб над ним немного подсмехнуть:
— Куда как дурен нос, хозяин, ты имеешь,
А деток не в себя работати умеешь.
Надулся тут Софрон, боярыне сказал:
— Не носом я детей, а хуем добывал.

Девичья память

Худая память, врут, всё будто у седых.
А я скажу: она у девок молодых.
Спросили у одной — при мне то дело было:
— Кто еб тебя вчера? — Она на то: — Забыла.

Оправдание

Напрасно, муж, грустишь, что я с попом ебусь;
Безгрешна от того я, друг мой, становлюсь,

И ежели когда попу я подъябаю,
Тогда я и детей, и мужа вспоминаю.
Всегда с ним благодать мой осеняет лоб,
Или не знаешь ты: чиста пизда, поп ёб.

Вопрос живописца

Дозволь, Клариса, мне списать с тебя портрет,
Который различать с тобой не будет свет,
Столь чрезвычайно он с тобою будет сходен.
Верь мне, что будет он тебе весьма угоден:
Я напишу его без кисти и чернил,
Так чтобы он во всем с тобою сходен был.
Но отгадай, чем мы портреты те рисуем?
Ответ Кларисы: — Хуем!

Загадки

*

Ни глаз, ни рук, ни ног я сроду не имею,
А сделать образ чей я точно разумею.
Любим девицам я, но ими и презрен,
Всяк волку мне дает, но я и заключен.
Противу естества голодный бодр бываю,
А сытым будучи слабею, унываю.
На троне, на суде и в пропастях живу.
Рождаю я кого, того терзаю, рву.
Позорен именем, необходим делами,
Я грешен, но сижу в беседе и с попами.
Я твари всей отец, но я того и сын,
Притчиной бытия я коего один.
Хожу я в кладези, но их я напояю,
Я смертен, но, как свет стоит, не умираю.
Жечь суют меня в горн, но как меня ни суй,
Я точно все таков, каков и есмь: я хуй.

*

Ни пифин я, ни рак, ни зверь, ни черепаха,
Жилище мое — тьма, покров на мне — рубаха,
Не можно образ мой существенно списать,

Ниже подробно всех чудес моих понять;
Владычица сердец, я мать всей природы,
Идут в мои врата все твари и народы.
Собою я сама хоть, правда, подла тварь,
Но перво всех меня целует всякий царь.
Гнушаются все мной, но я небесполезна,
Нельзя меня хоть есть, но вкусом я любезна,
И, тешучи других, я тешу и себя,
Рождаю целости я, целость погубя.
У женщин я живу, мущинами питаюсь,
Рождаю в свет я тех, я кем сама рождаюсь.
Не блещущая я планета иль звезда,
Но прежде всех меня зрит тварь. Но есть *пизда*.

*

Я рос и вырос
И на свет вылез,
Но только я не весь внаружу оголился,
Немного лишь с конца из кожи залупился.
Когда ж совсем готов, тогда от молодиц,
А паче от девиц
Любим живу от всех.
Я есмь *орех*.

*

Мы в свете рождены, чтоб суетно трудиться,
Сует в нас суета прямая людям зрится;
Мы служим одному без мыслей плешаку,

Мушине лысому, мушине-дураку,
Который лишь живет, в корчмах чтоб
прохлаждаться,

Мы, бедные, за ним должны туда ж таскаться,
С наружности стучать и ждать его в дверях,
Доколь он выдет вон, замаран весь в соплях,
И красен, как сукно, и мерзостью рыгает,
Нередко он и нас блевотиной марает.
В презренном навсегда бесприбыльном труде,
Не знаем, нужны ли на свете мы, *муде?*

*

Коль есть я в существе, так есть между ворот,
Валит из коих весь и всех чинов народ,
Но входит только внутрь взлизастой в них муштина,
Которой озорник такой и дурачина,
Что трет меня собой в воротах, не глядит
И двум еще слугам толкать меня велит,
Но я не ябедник, во мне та добродетель;
Спроси, пожалуй, всех, бывал ли истец *секель?*

*

Лежит на мне Ерила,
Я тело оголила
И ноги подняла,
Ярить себя дала.
Тепленька,
Тут мокренька,

Как зачал он юлить,
Как зачал он ярить,
И, въявив сытенька,
Нигде не гомозит,
Нигде не рагозит;
Но погода свербится,
Еще хочу яриться;
Но ждать до той субботы, хоть хочется и Ване;
Я *веник*, коим парятся все в бане.

*

Рукой сперва возьму и влагой помочу,
Потом, поднявши вверх, немного подрочу,
С розмаху ж сунув вдруг, я суну в жерело
До тех пор, как готово уж будет *помело*.

*

Дырою девушку на день ее рожденья
Отец и матушка снабдили в награжденье.
Девочка, сидючи на горке, на горе,
Дареной той своей дивуется дыре.
Дивуется, любитесь
И телом в нее суется.
— Дыра ты,— говорит,— дражайшая дыра,
На тело мне тебя давно бы вздеть пора,
Но пусть я поблюду; как буду под венцом,
Понравлюсь жениху прекраснее с *кольцом*.

*

Ни в сказках рассказать,
Ни в книгах описать,
Какая ето сласть,
Коль шорстка с шорсткой сходится,
Того же к ночи хочется
Чрез опыт только знать,
Что нам есть сладко *спать*.

*

На дело коль меня когда изготовляют,
То жилу тут мою во влагу полагают,
Хотя без рук, без ног,
Стою, подобно рог,
Я твердость, что огнем бываю горяча,
Горячность пища мне из тела, я — *свеча*.

Рецепты

*

Единая для всех, красавица, утеха,
Без коей никогда не можешь пребывать,
И верно я о том скажу тебе без смеха:
Смотри ты первых строк что литеры гласят.

*

Ходила девушка во храм оракул вопрошать,
Узнать, чем можно ей себя от бледности спасать.
Ей слышится ответ: — К лечению способ весь,
Моя красавица, в начальных буквах здесь.

*

Полу женску коль случится
От любви занемочь,
Есть тут способ, чем лечиться,
Бредни все другие прочь!
Им избавились уж многи,
Тем лечились сами боги,
Ету болезнь тем лечите:
С буквы П по Е прочтите.

*

Вот в чем, прекрасная, найдешь ты утешенье,
Единым кончишь сим ты все свое мученье:
Лекарство оное хочю тебе сказать —
И скорбь твою смягчит, и будет утешать.
Со многими уже те опыты бывали,
Единым способом все боли исчезали;
Беды забвенны все в ту сладкую минуту,
Я жизнь уж забывал и всю тоску прелюту,
Узря, лекарство то сколь много утешает;
Есть сладость такова, чего твой дух не знает;
Ты можешь чрез сие лекарство то узнать:
Изволь слова стихов начальных прочитая.

Песня

Ай, ау, ахти-хти!
Кабы теперь локтя в три.
Хоть и есть хуй с локоток,
Да и тот стал короток.

Ах, куды я не пойду,
А в три локтя не найду.
Не найду, ах! я грущу,
Толще хуя не сыщу.

И я с горести, с кручины,
С толстохуевой причины
И столь глупой хлопоты
Проебаю животы.

Хоть всего добра лишуся,
Толстым хуем наебуся.
Разьебусь, млада, я в кровь,
Мне то сделает любовь.

Моя пизда не ребячья.
Хочет хуя жеребчья.
Гренадерских хуя три
Хоть теперь в нее вопри.

Уж терпенья больше нет,
Мне не мил без ебли свет.
Ай, ау, ахти-хти,
Етись хочу хуя в три.

Приди, милый пастушок,
Приди, милый мой дружок,
Утешь горесть ты в пизде,
Я етись хочу везде.

Пастух с радостью предстал,
Весь мой дух вострепетал.
Штаны стал он расстегать,
Хуй претолстый вынимать.

Душа-радость, мой пастух,
Забивай ты в меня вдруг.
Прежде спереди я дам,
Потом сзади приподам.

Ай, ау, ахти-хти,
Во мне хуй есть локтя в три.
Пизду с жопой хоть сравняй
И муде туда ж впихай.

Пизда с радости играет,
Секель сладость ощущает.
Проливает сладость в кровь.
О! приятная любовь.

Ай! вся горесть уж прошла,
Красна плешь в пизду вошла.
Подвигай, пастух, скорей,
Забивай в меня плотней.

До яиц, милой, сажай
И как можно надсаждай.
Ах, прижмись, мой свет, к пизде,
Шевели, пастух, везде.

Хоть кишки все разъеби,
Только ты меня люби.
До пупка, мой свет, достань,
А потом уж перестань.

Вот скажу, что наеблась —
Пизда кровью облилась.
И на секеле потоп,
Не залезет в пизду клоп.

Я молодка, не девица,
С пизды вся сошла площица.
Веселись теперь, пизда,
Полна соусу манда.

Эпитафии

*

Устинья здесь лежит, что в том успех имела,
Что ходючи спала, проснувшись же — ела.
И вечером одним пивнцем напилась,
А в пьянстве том, шала с профосом, уеблась.

*

Под камнем здесь лежит пизда седая,
Которая шесть раз еблась уж умирая.
Подумай же о сей, прохожий, ты дыре,
Усердно сколь еблась она в своей поре.

*

Под камнем сим лежит великая жена,
Что смолоду в пизду и в жопу ебена;
Под старость же, когда краса её увяла,
То способы етись другим она давала.

*

Здесь зрим гроб женщины, с тем в свет
произведенной,
Чтоб в жопу и в пизду быть в прах ей
разъебенной.
Прохожий, и тебе от оной не уйти:
Она и во гробу велит тебя ети.

*

Такой лежит здесь муж: когда он умирал,
То хуй его, как рог, в тот самый час стоял.
Все сродницы к нему проститься собралися,
Которых он ебал и кои с ним еблися.
Одной из них велел к себе он подойти
И, умираючи, еще хотел ети.

Редкие, непристойные и вышедшие из употребления слова

Во каких-то случаях мы приводим для слова только то значение, которое оно имеет в текстах настоящего издания. Это касается, прежде всего, слов, приобретающих скабрезный смысл в непристойном контексте, таких, как битка, кутак, свая, салтык.

А

а́бшит, а́бшид — расставание; **взять а́бшит** — удалиться от дел, перестать делать что-либо.

аво́сь, аво́сь-ли́бо — может быть.

алчба́ — голод.

ана́фема — церковное проклятие; брань, проклятие.

афедро́н — зад, задница.

Б

бабо́н, бубо́н — желвак, нарыв, опухоль в паху (*от сифилиса*).

бе́дство — беда, несчастье.

бе́рце, бе́рцо — нога.

бешме́т — стёганный полукафтан; овчинный полушубок.

битка́ — мужской член.

бла́то — болото.

божница́ — часовня; место с иконами для совершения молитв.

бо́рзо — прытко, бойко.

буза́ — молодое пиво или брага.

бузник — изготовитель или продавец бузы.

бузо́нить — шуметь, шумно делать что-либо.

бу́ка — страшилище.

В

вакха́нт — поклонник Вакха, гуляка, пьяница.

ве́жды — глаза.

ви́нный — провинившийся, виноватый; грешный.

вля́щить — вставить, засадить.

вина́ — причина.

внима́ть — слушать, прислушиваться.

вни́ти — войти.

воззрева́ть, воззри́ть — взирать, смотреть, глядеть.

волва́нка — волнушка.

во́рвань — жир морских млекопитающих.

вса́рначи́ть — засунуть, задвинуть, засадить.

вста́ти — встать.

вчу́же — (глядя) со стороны, не будучи участником.

Г

га́рния — крылатая женщина-чудовище в греческой мифологии, богиня вихря.

глаша́ть, гласи́ть — звать, называть.

гиль — вздор, чушь.

голи́к — банный веник (*с ободранными листьями*).

голица — кожаная рукавица без внутренней вязаной варежки.

гомозить, гомозиться — возиться, вертеться.

гораздо — очень; намного.

гребешок — гребень на прялке для расчёсывания льна.

гудок — трёхструнный смычковый инструмент.

гузно — зад, задница.

гузённый — относящийся к заднице.

гуньба — медуница или тмин.

Д

двуножный — двуногий.

десница — правая рука.

днесь — сегодня.

дбка — знающий человек, мастер своего дела; **дбка**

на дбку напал — нашла коса на камень.

достойны — песнопение в самом начале церковной службы.

досужий — ловкий, искусный, способный к делу.

досужный — свободный от дел, праздный.

драч — драчун.

дщерь — дочь.

Е

елда, елдак — мужской член.

ендова — кувшин для напитков.

естли — если.

етй, еть — сношать.

ефир, эфир — вещество, которое, как полагали, заполняло вселенную; воздух, небо, небеса.

Ж

жабр — челюсть.

жадать — хотеть, желать.

желва — женский половой орган.

жерело — жерло, отверстие.

живот — жизнь.

жмуля — горсть.

жбский — твердый, упругий.

З

завистовать — завидовать.

заграбить — забрать, захватить.

забина — сперма.

зарубка — женский половой орган.

засканный — обнажённый, оголённый.

заутрениа — утренняя церковная служба.

заход — отхожее место.

зеница, зенница — зрачок; глаз.

зефир — лёгкий тёплый ветер.

зрак — внешний вид, образ.

зреть — видеть.

И

испещрённый — пёстрый, разукрашенный.

К

- кара́ндыш — коротышка, недоросток.
кя́ла — грыжа; опухоль, болячка.
китка — пук сплетённой соломы.
кишка́ — мужской член.
кла́деный — кастрированный.
клубу́к — монашеская шапка с покрывалом.
клу́ша — женский половой орган.
коли́ко — сколько, насколько; сколь много.
корча́га — большой глиняный горшок; **попасть в корча́гу** — пострадать, попасть в беду.
кофешёнк, кофешёнок — слуга, подающий кофе и шоколад.
кб́чень — кочан, кочерыжка.
красный, красной — красивый.
кружа́ло — питейный дом, кабак.
крячо́к — судейская хитрость.
ку́пно — совместно, вместе.
ку́рва, курвя́га — публичная женщина.
куре́я — женщина, похожая на мужчину; гермафродит; .
ку́ры: **строить ку́ры** — ухаживать, волочиться (за женщиной).
кута́к — мужской член.

Л

- литб́ня — женский половой орган.
лощи́ться — прихорашиваться.
лощи́ха — модница.
льзя — можно.

- льсти́ться — надеяться.
любе́зный — приятный.
люби́тель — влюблённый.
ля́двезя — ляжка, бедро.

М

- ма́ймист — чухонец.
малаке́йка — сперма; **трясти малаке́йки** — заниматься онанизмом.
манда́ — женский половой орган.
махо́ня, махну́ша — женский половой орган.
ми́на — выражение лица.
младе́нство — младенчество.
мни́ть — считать, полагать, предполагать.
мни́ться — казаться.
мотови́ло — приспособление для сматывания пряжи; *здесь* половой член.
муде́ — мошонка, яички.
мясти́ — приводить в смущение, тревожить, беспокоить.

Н

- намя́сь — недавно, на днях.
напе́рсник — друг, любимец.
не́га — состояние полного довольства.
не́какий — некоторый.
нело́жно — истинно, взаправду.
немова́ть — лепетать, картавить, говорить по-ребячьи.
недото́чный — непричастный (к греху).

неприго́жий — неприличный, не соблюдающий приличий.

носо́к — кончик сапога; **боро́ться с носка́** — вид борьбы, когда соперники берут друг друга правой рукой за ворот и стараются сбить друг друга на землю носком левой ноги.

нынь, ны́не — теперь, в настоящее время.

О

обезживо́тить — лишить сил, засношать.

обмишу́лка, обмешу́лка — ошибка, промах.

одр — ложе.

о́ко — глаз.

онемле́нье — онемелость; немота.

опри́чь — кроме.

ора́ть — сношать.

остыжа́ть, остыди́ть — опозорить.

осьмо́й — восьмой.

отве́рзти, отве́рсти — открыть.

о́тпнут, о́тпук — благословение в конце церковной службы.

отру́б — поперечное сечение; в **отру́бе** — в диаметре.

отсуле́нный — обещанный.

очеса́ — глаза.

ошма́ра — палица, большой кистень; мужской член.

П

па́ки — ещё.

пендрю́чить, пендря́чить — сношать.

пе́рлиц — нитка жемчуга.

пе́рси — грудь.

перю́кье́р, перуке́р — парикмахер.

пест — инструмент для толчения чего-либо.

пе́чься — заботиться.

пива́к, пиво́к — охотник до хмельного.

пиздо́рык — венерическая болезнь.

пи́фин — (возможно) обезьяна.

плёснетъ — плесень, гниль.

плёха — потаскуха.

плешь — кончик члена.

площи́ца — вошь.

погу́тка, погу́дка — прибаутка, побасенка.

подубру́сник — женский головной убор.

подхи́мистый — вороватый, хитрый.

подья́чий — помощник дьяка, писец (в суде).

позиту́ра — поза.

полблещица — женщина, нанятая пропальвать огород.

понт — море.

поса́дский — купец, торговец.

поско́нка — (возможно) бесплодный человек, гермафродит.

поско́нный — деревенский, лапотный, необразованный.

по́тка — мужской член.

потщи́ться — постараться.

поты́лица — подзатыльник.

пра́веж, правёж — взыскание долгов, наказание за неуплату долгов.

презрё́ть — пренебречь.

препя́тство — препятствие.

прети́ть — не разрешать, не позволять, воспрещать.

прия́знь — дружба, приятельские отношения.

приятство — наслаждения, удовольствие.
пройдáк — пройдоха, шлут.
прокáза — проделки, дурчества.
пук — горсть.
пырять — сношать.
пятóк — пятница.

Р

рагозítь — возиться, суетиться (попусту).
радётъ — радоваться; заботиться, усердствовать.
ра́жий — крепкий, сильный; видный, красивый.
разгóня — разбег, простор для разгона.
размáшка — обмен кулачными ударами.
ра́на — женский половой орган.
расщепёрить — развести, широко расставить.
репортовáть — докладывать (по начальству).
рудá — кровь.
ры́ля — трёхструнный музыкальный инструмент, бандура.

С

салты́к — мужской член.
сарафа́нить — сношать.
сва́йка, свáя — мужской член.
се — вот.
сéкель — клитор.
сергítь — дёргаться, егозить.
сиволда́й, сивалда́й — сивуха, плохо очищенная хлебная водка.
ска́ло — мужской член.

скурёха — развратная женщина.
скуфья́ — (бархатная) шапочка.
снеда́ть — сокрушать, мучить, томить.
содо́м — место, где царят порок и распутство; шум, гвалт, суматоха.
содо́мство — педерастия.
сосу́ля — сосулька.
сробо́ть, срóбливать — оробеть, струсить, дрогнуть.

стра́дница — труженица; страдальца.
стра́ждать — мучиться, страдать.
стрекáть — колоть, жалить, язвить.
ступлё́ный — затупленный.
сугу́бый — удвоенный, двойной.
сынáть — снимать.
сыта́ — вода с разварным мёдом.
сычу́т — девственная плева; женский половой орган

Т

тать — вор.
твори́ло — отверстие; западня, затвор.
тёшка — рыбе брюшко.
толь — столь, так.
туз — удар кулаком, тумак; **дать туза́** — ударить кулаком.
тук — жир.
тщítься — стараться.

У

уд, та́йный уд — мужской член.
ужли́ — неужели.

упова́ть — надеяться.
уры́льник — ночной горшок.

Ф

фарья́ — женский половой орган.
фра́нки — нарывы, чирьи; сифилис.
фу́рия — богиня мести в римской мифологии, то же, что эриния в греческих мифах.

Ж

халде́й — наглец, нахал.
хоробри́ться — храбриться.
хра́мина — хоромы, жилой дом.
хуеры́к — половое возбуждение; триппер.

Ц

целова́льник — кабатчик.

Ч

часть — участь, судьба, доля.
ча́ять — полагать, предполагать.
черёдки́й — своевременный.
черка́с — малоросс, украинец.
черне́ц — монах.
честя́, честь — читать.
чкять — сношать.
чли́вый — вежливый, учтивый, благочестивый.

Ш

ша́нкер, шанкр — язва (*от сифилиса*); венерическая болезнь.

ша́стить — искать (*оцупью, с шорохом*).

шентя́ — женский половой орган.

шест — мужской член.

шма́рить, жма́рить — бить, хлестать; сношать.

шмат, шматя́на — мужской член.

шурмоба́ть — возиться, копаться.

Щ

щелупи́на — женский половой орган.

щепетко́й — щегольской, франтоватый.

Э

эвмени́да, евмени́да — богиня мщения в греческой мифологии, то же, что эриния; поскольку люди боялись эриний, они говорили о них как о эвменидах: эвменида означает доброжелательная.

Я

я́бедник — сутяга

явля́ть — показывать

яри́ться — разжигаться похотью, возбуждаться.

Имена и названия

Алэкто — в греческой мифологии: одна из трёх эриний — богинь мести; со своими сёстрами, Мегерой и Тисифоной, она живёт в аиде, служит Плутоу и Персефоне; это отвратительная старуха, у которой вместо волос — змеи.

Алкméна — жена Амфитриона; она родила Геракла от Зевса, который явился к ней в спальню, приняв вид Амфитриона; страсть Зевса была так велика, что он повелел солнцу не подниматься три раза, чтобы продлить ночь.

Амфитрион — греческий герой; пока он был на войне, Зевс воспылил страстью к его жене Алкмене: Зевс явился к ней, приняв вид Амфитриона, и Алкмена родила от него Геракла.

Антоний — римский полководец, соратник Цезаря; ради любви к египетской царице Клеопатре он пошёл против Рима; когда войска Октавиана разгромили египетскую армию, Антоний покончил с собой.

Аполлón — в греческой мифологии: сын Зевса, бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств; изображался прекрасным юношей с луком или кифарой; его часто называли **Феб**, что значит **блистающий**, и иногда отождествляли с солнцем.

Ахиллэс, Ахилл — один из величайших греческих героев; Ахилл участвовал в походе греков против Трои, его участие в этой войне, по предсказаниям, должно было принести грекам победу; после многих сражений Ахилл погибает от стрел Париса, троянского царевича.

Бахус — в римской мифологии: одно из имён Диониса, бога, который покровительствовал виноградарству и виноделию; латинскому Бахусу соответствует греческое **Вакх**.

Борей — бог северного ветра в греческой мифологии; порывистый холодный ветер.

Вергилий — римский поэт, автор «Энеиды» — героической поэмы, в которой описаны долгие странствия легендарного Энея — троянца, спасшегося после разгрома Трои и основавшего Рим.

Виргилишка — уничтожительно о Вергилии.

Ганимэд — сын троянского царя Троса; Зевс воспылил страстью к юноше, который отличался необыкновенной красотой, похитил его, превратившись в орла, и отнёс на Олимп, где Ганимед стал виночерпием, разливая богам нектар на пирах.

Гэктор — в греческой мифологии: царевич, сын Приама и Гекубы, главный троянский герой во время Троянской войны; как старший сын Приама и его преемник, Гектор руководит военными действиями троянцев, сам участвует в сражениях: дважды всту-

пает в единоборство с Аяксом, убивает Патрокла; Гектор погибает от меча Ахилла, который привязывает его тело к своей колеснице и объезжает вокруг Трои, волоча труп поверженного противника.

Гектёрка — уничтожительно о Гекторе.

Геркулес, он же **Герáкл** — сын Зевса от Алкмены; Зевс явился в спальню Алкмены, приняв облик Амфитриона; Геракл совершил множество чудесных подвигов, в то числе «держал на плéчах небеса», подменяя на время Атланта; с другой стороны, он попал как-то в рабство к царице Омфале, или Амфале, которая заставляла его прислуживать и носить женское платье; Геракла обычно изображали с дубиной, отсюда выражение в тексте «старик с дубиной».

Гигáнт — один, любой из Гигантов — порождение Геи, то есть Земли, на которую пролилась кровь оскоплённого Урана; Гигантов насчитывалось до 150, нижняя часть тела у них была змеиной, голова была покрыта густыми волосами и бородой; когда произошла битва между олимпийскими богами и Гигантами, большинство из них были поражены огненными стрелами Зевса, а Энцелад, упоминаемый в тексте Баркова, пал от рук Афины: она раздавила Энцелада, бросив на него остров Сицилия.

Гомёр — древнегреческий поэт, которого считают автором «Илиады» и «Одиссеи», двух эпических поэм, в которых рассказывается о Троянской войне и о странствиях Одиссея.

Гомёрка — уничтожительно о Гомере.

Дардáн — сын Зевса, он поселился во Фригии, где основал город Дардан; по Гомеру, этот город расположен около Трои, так что дарданские берега можно понимать как побережье, прилегающее к Трою.

Дáфна — нимфа, в которую влюбился Аполлон; она дала слово сохранить целомудрие и остаться безбрачной, как Артемида; Дафна отвергла ухаживания Аполлона, а когда он бросился преследовать её, нимфа взмолилась богам о помощи, и те превратили её в лавровое дерево.

Дидóна — в римской мифологии: основательница Карфагена, царица; когда корабли Энея по пути из Трои остановились в Карфагене, она стала любовницей Энея; когда он отплыл в Италию, Дидона, не перенеся разлуки, покончила с собой.

Елéна — дочь Леды от Зевса, жена спартанского царя Менелая; её похитил и увёз в Трою царевич Парис, что стало поводом для Троянской войны.

Зевéс, Зевс — верховное божество в греческой мифологии, отец богов и людей: от его брака с богинями и частых встреч со смертными женщинами происходит многочисленное потомство, которое включает Аполлона, Артемиду, Геракла и Персея; он изобретателем в своей любвеобильности: он проникает в спальню Данаи в виде золотого дождя, он похищает Европу, обернувшись быком, к Леде он является лебедем, к Персефоне — змеем; в римской мифологии Зевсу соответствует Юпитер.

Зефир — бог западного ветра в греческой мифологии.

Изида, Исйда — древнеегипетская, а не арабская, как написано в тексте, богиня плодородия, материнства и домашнего очага.

Иуда — один из двенадцати апостолов, известный тем, что предал Христа.

Калипсо — в греческой мифологии: нимфа, которая в течение семи лет держала у себя в плену Одиссея, не давая ему плыть домой на Итаку, куда он возвращался после Троянской войны; в одном из поздних мифов сообщается, что Калипсо стала женой Телемака, одиссеева сына.

Карфаген — древний город на африканском побережье Средиземного моря; по римской мифологии, он был основан Дидоной.

Кастальский ключ — ручей на Парнасе в Греции; получил такое название после того, как в него бросилась нимфа Касталия, спасаясь от преследования Аполлона; в этом ручье мыли волосы жрицы Аполлона, в нем брали воду для окропления посетители дельфийского храма; выражения **Кастальский ключ**, **Кастальские воды** используются в значении **источник вдохновения**.

Кларинда — условное женское имя в литературе XVIII и XIX веков.

Кларисса — условное женское имя в литературных произведениях XVIII и XIX веков; возможно,

обращая свои послания к условной Клариссе, поэты той поры намекали на ее сходство с Клариссой в одноименном романе Самуэля Ричардсона; у Ричардсона отношения Клариссы с главным героем были слишком вольными и оскорбляли нравственность по понятиям того времени.

Клеопатра — последняя царица Египта, которую часто выставляют чрезмерно любвеобильной и развратной; так или иначе, она была любовницей Юлия Цезаря, затем женой Марка Антония, который ради неё предал интересы Рима; когда войска Октавиана разгромили её армию и вторглись в Египет, она покончила жизнь самоубийством.

Колхида — область, прилегающая к восточному побережью Чёрного моря; в греческих мифах Колхида изображалась страной сказочных богатств: сюда отправляются аргonautы во главе с Язоном, чтобы добыть золотое руно; Язону удастся заполучить руно с помощью волшебницы Медеи, которая затем уплывает вместе с ним на «Арго» в Грецию.

Мегера — эриния, то есть богиня мщения в греческой мифологии; она обитала в царстве мёртвых вместе с сёстрами, Алекто и Тисифоной; эринии выходили на землю, где преследовали людей, совершивших то или иное преступление.

Медéia — дочь колхидского царя, волшебница; помогла Язону добыть золотое руно, за которым он приплыл в Колхиду; став женой Ясона, она родила ему двух детей, но потом убила их, когда Ясон

оставил ее ради коринфской царевны; мстительная Медея уничтожила и царевну, послав ей одеяние, пропитанное ядом: надев его, царевна сгорела заживо.

Менелай — в греческой мифологии: царь Спарты, муж Елены, из-за которой разгорелась Троянская война; в отсутствие Менелая в Спарту явился Парис, троянский царевич, он украл Елену и отвёз в Трою; Менелай в сопровождении Одиссея отправился в Трою и пытался уладить конфликт мирным путём, но Парис и троянцы отказались выдать Елену, и война стала неизбежной; Менелай был в числе тех воинов, спрятавшихся в деревянном коне, который был оставлен греками и который троянцы втащили в город; Менелай убил в схватке царевича Деифоба, который стал мужем Елены после гибели Париса; вернув себе Елену, Менелай возвращается в Спарту, претерпев по пути множество испытаний.

Ментор — друг Одиссея, который взял на себя заботы по воспитанию Телемака, когда Одиссей отплыл в Трою; богиня Афина принимала образ Ментора, когда ей нужно было явиться Одиссею, не будучи узнаваемой другими.

Муза — в греческой мифологии: богиня-покровительница искусств; Музами называли девять сестёр, родившихся от брака Зевса и Мнемосины, каждая Муза покровительствовала определенному виду искусств, например, Терпсихора — танцам.

Неоптолем — в греческой мифологии: сын Ахилла от Деидамии; когда греки осаждали Трою, им стало известно от прорицателя, что для победы необходимо участие Неоптолема в войне; Одиссей доставил Неоптолема в греческий лагерь; Неоптолем был в числе отборных воинов, спрятавшихся в деревянном коне, а при захвате Трои он проявил особую жестокость; Неоптолем известен также под именем **Пирр**.

Нептун — в римской мифологии: бог морей; в греческих мифах ему соответствует Посейдон.

Октавий — Октавиан, племянник Юлия Цезаря, усыновлённый им; во время гражданских войн, последовавших за смертью Цезаря, он победил всех претендентов, а после разгрома египетских войск Клеопатры, которую поддержал Марк Антоний, он сосредоточил в своих руках всю власть в Римской империи.

Олимп — самая высокая гора в Греции; для древних греков гора была священной, они верили, что на Олимпе пребывают боги во главе с Зевсом.

Омфала — царица Лидии; когда ей в рабство был отдан Геракл, она заставляла его носить женскую одежду и выполнять домашнюю работу.

Парис — троянский царевич, сын Приама; когда три богини заспорили о своей красоте, Парис был приглашён в качестве судьи, и он назвал Афродиту самой красивой: Афродита пообещала ему прекрас-

нейшую женщину на земле, тогда как Гера давала могущество, а Афина храбрость; с помощью Афродиты он похитил Елену, жену спартанского царя Менелая, увёз в Трою, где сделал своею женой; коварное похищение Елены стало причиной Троянской войны.

Парнас — горный кряж в Греции; по греческой мифологии, Парнас был пристанищем Аполлона и Муз.

Парнасида — Муза, одна, любая из девяти Муз, которые, по греческой мифологии, обитали на горе Парнас.

Пергам — сын Андромахи от Неоптолема; он основал город, названный им Пергамом; произошло это после захвата и разгрома Трои, так что, называя Трою «красой Пергамской страны», сочинитель допускает временную ошибку; так или иначе, под Пергамской страной нужно понимать местность в Малой Азии, где находилась Троя.

Перун — бог грозы в славянской мифологии, громовержец; верховный бог в русских мифах.

Пиндар — древнегреческий поэт, автор культовых гимнов и хвалебных песен.

Плутон, он же **Айд** — бог подземного мира в греческой мифологии: влюбившись в Персефону, дочь Деметры, он похитил её с земли и сделал царицей в своем царстве мертвых.

Поликсена — в греческой мифологии: троянская царевна, дочь Приама и Гекубы; когда греки захватили Трою, над могилой Ахилла появилась

его тень, потребовавшая, чтобы Поликсена была принесена ему в жертву; Неоптолем, сын Ахилла, заколол Поликсену; в поздних мифах Поликсену называют невестой Ахилла, с которой он познакомился до своей смерти.

Приап — в античной мифологии: божество, которое воплощало в себе производительные силы природы; по одному мифу, отцами Приапа были Дионис и Адонис; Афродита, беременная Приапом, сошлась с Адонисом, а Гера своей ворожкой сделала так, что ребёнок родился уродцем с двумя фаллосами; в римскую эпоху культ Приапа получает очень широкое распространение, Приапа называют богом плодородия, покровителем моряков, проституток, развратников и евнухов, он — кутила, сводник и педераст, и праздники в честь Приапа сопровождаются сексуальным неистовством.

Прозерпина — в римской мифологии: дочь Цереры и супруга Плутона, который похитил ее, когда она собирала на лугу цветы, умчал ее на колеснице и сделал царицей в своем подземном мире; римский миф повторяет греческий, где Прозерпину зовут Персефоной, а её мать — Деметрой.

Сарское Село — Царское Село, ныне город Пушкин.

Сиди, Киди — река, которая протекала через древний город Тарс, или Тарсус, а Малой Азии; когда Марк Антоний в 41 году до н.э. впервые пригласил Клеопатру встретиться с ним, встреча произо-

шла в городе Тарсе, при этом египетская царица эффектно приплыла по реке на барке, отсюда ссылка в тексте на то, что Антоний увидел царицу «в Сиднейских струй».

Силён — в греческой мифологии: демон плодородия, схожий с сатиром; силены изображались уродливыми, курносыми, толстогубыми существами с лошадиным хвостом и копытами, силенов было множество, как сатиров и вакханок, но в литературе часто делалось обобщение, и Силен становилось именем конкретного существа, которое постоянно присутствовало в свите Диониса, или Вакха, отсюда фраза в тексте, что Силен — наперсник сына Семелы, то есть близкий друг Диониса, матерью которого была Семела.

Семела — в греческой мифологии: фиванская царица; Зевс, полюбивший Семелу, спускался к ней с Олимпа под покровом ночи, и Гера, супруга Зевса, решила наказать соперницу: по её внушению Семела попросила Зевса явиться ей во всём блеске своего величия; Зевс предстал перед ней в сиянии молний, которые испепелили бедную Семелу, но Зевс успел выхватить из пламени своего недоношенного сына, зашил его себе в бедро, и через несколько месяцев у него родился мальчик, который стал богом Дионисом.

Скамандр — река на равнине близ Трои; Скамандр, бог этой реки, выдал свою дочь за Троса, основателя и первого царя Трои; во время Троянской войны Скамандр сочувствует трояцам и в один

момент его река, выходя из берегов, пытаясь поглотить Ахилла.

Содом — город в районе Мёртвого моря, который, по библейской легенде, так погряз в распутстве, что Иегова уничтожил его огнем с неба; от названия Содом происходит слово содомство, использованное в тексте, в значении педерастия.

Стикс — подземная река в царстве мёртвых; по водам Стикса мрачный Харон перевозит души умерших в ад.

Тартар — глубокая, вечно черная бездна, которая, по верованиям греков, находилась ниже айда — царства мёртвых; в Тартаре — жилище Никты — Ночи; в Тартаре были брошены Титаны, побежденные Зевсом, там они томились за медной дверью, которую сторожили сторукие чудовища.

Телема́к, Телема́х — сын Одиссея и Пенелопы; пока Одиссей отсутствовал на Троянской войне, Телемак был на попечении матери и Ментора — старого отцовского друга; отправившись на поиски отца, он навещает Нестора и Менелая, от которых узнает, что Одиссей за несколько лет до этого находился в плену у нимфы Калипсо; вернувшись на Итаку, Телемак находит там отца, и они вместе убивают многочисленных и навязчивых женихов Пенелопы; существовал поздний миф о том, что после смерти отца Телемак женился на Калипсо или, по другой версии, на Цирцее.

Тизифона, Тисифона — одна из трёх эриний в греческой мифологии; эриния, или богиня мести, она обитает в Аиде вместе с сестрами, Алектой и Мегерой; эринии выходят на землю, чтобы возбудить в людях месть, безумие, злобу; греки представляли эринию отвратительной старухой, у которой вместо волос на голове развешаются змеи.

Феб — второе имя Аполлона, его постоянный эпитет, который означает **блистающий**; иногда под именем **Феб** фигурирует солнце.

Фетида — в греческой мифологии: nereида, мать Ахилла; чтобы сделать сына бессмертным, Фетида окунала его в воды Стикса, при этом держала его за пятку, которая осталась уязвимой.

Фома — один из апостолов, человек недоверчивый, отсюда выражение **Фома неверный**, в современном варианте — **Фома неверующий**; Фомина неделя следует за пасхальной, она посвящена поминовению усопших; в Фомин понедельник идёт подготовка к главному поминальному дню — вторнику, Радонице.

Харон — в греческой мифологии: перевозчик мёртвых в аиде; Харон перевозил умерших через подземные реки Стикс и Ахерон, при этом только тех, чьи кости обрели покой в могиле; Харона изображали мрачным стариком в рубище.

Химера — в греческой мифологии: чудовище, чьё туловище на треть львиное, на треть козье и на

треть змеиное, оно изрыгает пламя из трёх голов — льва, козы и змеи; Химера опустошала греческие земли, пока не была убита Беллерофонтом.

Цёрбер, Кёрбер — в греческой мифологии: чудовищный пёс с тремя головами и туловищем, которое усеяно головами змей; Цербер охранял аид — подземное царство мёртвых.

Церера — богиня плодородия в римской мифологии; со временем ее стали отождествлять с греческой Деметрой, позаимствовав миф о том, как Персефона, дочь Деметры и Зевса, была похищена Аидом, богом подземного мира.

Эней — троянский герой; после того, как Троя была захвачена греками, Эней спасается бегством: отплыв в море со своими соратниками, он после долгих скитаний достиг Италии, где основал Рим; по пути в Италию буря заносит Энея в Карфаген, где в него влюбляется царица Дидона.

Энцелад, Энкелад — один из Гигантов, порождение Геи; Зевс, вступая в битву с Гигантами, призвал на помощь других олимпийских богов, в частности Аполлона и Афины, и сильнейшего из героев, Геракла; Энцелад был уничтожен не Зевсом, как в тексте у Баркова, а Афиной: это она обрушила на него остров Сицилия, и Энцелад тщетно пытается сбросить с себя тяжесть — «тягость пхает».

Эпикур — древнегреческий философ, который считал, что в жизни нужно избегать страданий, сле-

дить за здоровьем тела и поддерживать безмятежный дух.

Этна — гора на Сицилии, действующий вулкан; когда шла битва олимпийских богов с Гигантами, Афина обрушила всю Сицилию на Энцелада, а не одну Этну, как написано у Баркова.

Юпитер — верховный бог в римской мифологии; соответствует греческому Зевсу.

Содержание

К. Васильев. «Боярин небольшой» 3

Оды · Стансы · Поэмы · Элегии · Эпистолы

Ода пизде	14
Похвальные стансы сочинителю сей оды	22
Ода победоносному хую	24
Ода победоносной героине пизде	29
Ода на рождение пизды	34
Описание утренней зари	39
Воспоминание прошедшей молодости	42
Ода собранию пизд	44
Сражение между хуем и пиздой о первенстве	47
Справедливый суд	56
Плач пизды	59
Сетование хуя о плешу	62
От хуя пизде	64
От пизды хую	66
Приапу	68
Приапу	69
Приапу	72
Бахусу	84
Ода Фомину понеделнику	87
Славному ебаке на проебение целки	90
Кулачному бойцу	96
Монаху, или видение исповеди	106
На день рождения Татьяны Васильевны	109
На отъезд в деревню Ванюшки Данилыча	113
Выговор от любовницы к любовнику	118
Феклиста	122
Стенанье	124

Владычица души	125
Госпожа и парикмахер	130
Пьяная купчиха	141
Старик и сонная молодка	143
Прохожий и сонная девка	145
Черкас и маленький его сын	147
Всадник	149
Беседа	152
Пастух	154
Пожар	156
Попадья	158
Звонарь	160
Отцу Галактиону	162
Истинное покаяние	163

Пьесы

Ебихуд	166
Дурносов и Фарнос	186
Жополоб и Пиздолуб	245

Портреты · Билеты · Надписи в альбом · Загадки Рецепты · Эпиграммы · Эпитафии

Портреты	252
Билеты	254
Надписи в альбом	263
Эпиграммы	268
Обесчещенная вдова	268
Большая любовь	268
Дорогая любовь	269
Оправдание	269
Ссора	269
Требование	270
Просьба	270

Справедливый ответ	271
Ебливая вдова	271
Предпочтение	272
Рассуждение	272
Предосторожность	272
Разочарование	273
Арифметика	273
Единство души и тела	273
Девичье горе	274
Объявление	274
Занка с толмачом	274
Выбор	275
Фекул	275
Софрон	276
Девичья память	276
Оправдание	276
Вопрос живописца	277
Загадки	278
Рецепты	283
Песня	285
Эпитафии	288
Редкие, непристойные и вышедшие из употребления слова	290
Имена и названия	302